ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ • АРХИЕПИСКОП ИОАНН ШАХОВСКОЙ

Архиепископ Иоанн Шаховской

ВЕРА
И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Париж

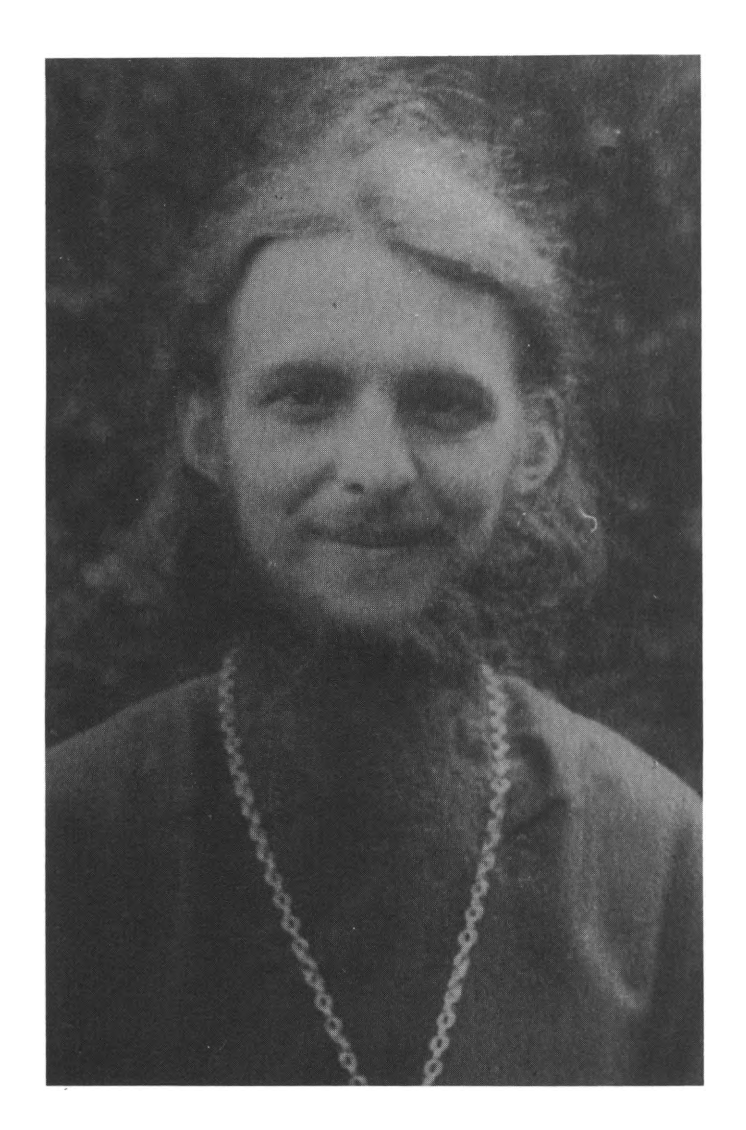
Архиепископ Иоанн Шаховской

ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ

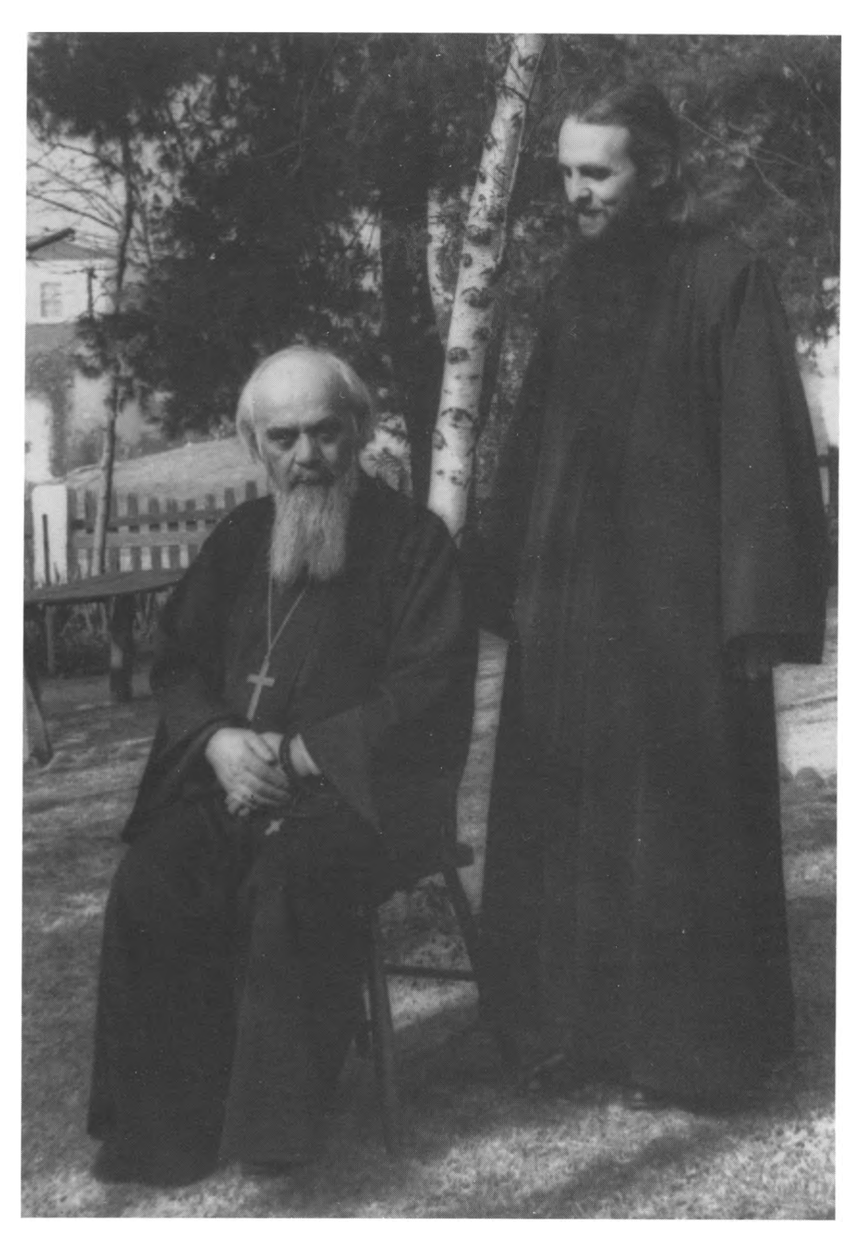
Первое служение

ПАРИЖ

1982

Иеромонах Иоанн

Епископ Николай Велимирович, гость мой,
в церковном саду. Лос Анжелос. 1947 год.

I

БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Ограмная свинцовая туча застилала полнеба. Было почти темно. Я входил, вливаясь с толпой, словно со всем человечеством, в большой корабль и вошел в каюту, мне предназначенную. У ее двери, внутри, стоял Юноша со светящимся лицом. От него исходило, изливалось какое то особое, удивительное добро, с которым я еще не встречался. Оно входило в глубину моего существа. Такого *внутреннего* удивительного *общения* и единства с кем либо у меня никогда не было... Юноша был Хозяином Корабля, его Капитаном, я это сейчас же понял. И я был в недоумении пред этим светлым, сострадающим и предельно дружественным взором. И Хозяин Корабля ответил сейчас же на возникшее во мне недоумение. Я услышал не обычный голос, а беззвучно изливающийся из его существа вглубь меня: *"Ты устал, тебе надо отдохнуть, тебе нужно на дачу"*... И я почувствовал, как верны его слова. Но эту правду я не мог бы сам выговорить.

Мне оставалась непонятной неустроенность моей большой каюты: она была пустая и в левом углу ее (как сейчас это вижу) лежала куча пыли и мусора. Капитан ответил тотчас на мое недоумение, опять своим внутренним голосом и сиянием: *"Это не существенно, это все будет убрано, устроено"*... И огромное радостное доверие вошло в меня. Я пробудился от вошедшей в меня любви. И в мыслях не было у меня, что все это исполнится буквально через несколько месяцев... И Большое путешествие на Корабле Церкви начну я с "отдыха на даче", отдыха от мира, в монастыре св. Великомученика Пантелеймона на Афоне, о чем так прикровенно и чудесно сказал мне, ничего еще не понимавшему в своих путях, Светлый Капитан.

На парижской Сергиевой Горке второй академический год начался осенью 1926 года. Меня записали в студенты Академии и поселили через улицу, за академическими воротами, в домике, который был прозван студентами "Еродиевым жилищем". Комнату во втором этаже разделили занавесями на четыре угла, и в одном поселился я; другие углы заняли два монаха и один мирянин, бывший русский военный аташе.

На Введение меня со студентом-иноком, о. Анатолием (Нечаевым), митрополит Евлогий постриг в "мантию". Отцу Анатолию дано было имя Афанасия, а мне оставлено мое имя, данное на Афоне при первом постриге.

На пророка Аввакума, 2-го декабря, митрополит Евлогий рукопожил меня в иеродиаконы. В этот день было большое пастырское Собрание, сослужило митрополиту более двадцати священников в Соборе на Рю Дарю. Я стал священнослужителем.

Лекции в Академии читали интересно. Состав профессоров в Академии был высоким. Особенно мы, студенты, любили вдохновенные лекции А.В. Карташева. Была в Париже церковная весна. Утром и вечером шли службы, студенческий хор пел, управляемый знатоком древних распевов православных Мих. Мих. Осоргиным. Преподаватель пения М.М. Осоргин был и заведующий хозяйством Подвория. В 1925 году он был послан Митр. Евлогием в Париже на торги, где продавалось вымороченное имущество немецких протестантов, поместье с церковью на Рю де Кримэ, №93. У митр. Евлогия не было денег для такой покупки, но участок, с его строениями и храмом, очень подходил для Академии, и нужда в пастырях в русской эмиграции была велика. Митрополит Евлогий указал Мих. Михайловичу идти в торгах до конца; и городской участок с церковью остался за нашей православной Епархией. Это был праздник и героическое дело русской эмиграции. Об этом, Сергиевское Подворье говорит и сейчас, в 80-е годы; а тогда, может быть, впервые, эмиграция русская осознала, что свои чемоданы, лежавшие открытыми, ей надо убрать и начать строить что было можно: Православную Церковь. Таков был смысл существования русского Зарубежья. И начался сбор денег для уплаты за купленный участок и устроение Духовной Академии; люди жертвовали последнее, женщины снимали с себя кольца и серьги. Так возникло училище православной веры в Западной Европе.

Незадолго пред тем, Патриарх Тихон, на которого легла огромная тяжесть хранить Церковь в государстве, объявившем свою атеистичность, определил Архиепископа Евлогия, б. Холмского, быть Митрополитом Западно-Европейских Православных Русских Церквей, с центром в Париже. К этому церковному образованию, которое было расширением дореволюционного петроградского викариатства, присоединились архиепископ Владимир (Тихоницкий), епископ Сергий (Королев) и епископ Вениамин (Федченков), бывший Севастопольский, мой старец-духовник, о котором я писал в первой книге своих воспоминаний, и как, чрез него, был призван к служению Церкви. Епископ Вениамин был инспектором Сергиевой Академии, а ее деканом стало о. Сергий Булгаков, известный русский профессор-экономист, бывший марксист, ставший священником после революции.

Ко времени моего поступления в Академию, в русском Зарубежьи наметилось церковное разногласие. Оно повело к разделению.

Я остался в Академии несколько месяцев. В конце 1926 года преосвященный Вениамин неожиданно уехал из Парижа в Югославию, имея мысль найти себе тихую обитель в одном из сербских монастырей; и он позвал и меня к себе, в Белую Церковь.

Стремление к иноческому уединению в нем как-то удивительно сочеталось (чрез всю его жизнь) с пастырской заботой о людях и молитвой с ними, за них. Должен сказать, что и я находил в себе эти начала, и над всем стояло (как и сейчас) желание пребывать в тишине иноческого уединения. Моя любовь к уединению, впрочем, не исходила из чувства одиночества. Она была, как я сейчас понимаю, "вторым крылом" моей личности и милости Божьей, где сливается любовь к Богу с любовью к человеку.

Узнав о том, что еп. Вениамин вызывает меня в Югославию, митрополит Евлогий был огорчен; но он понял мое желание идти на зов духовного старца, которого он сам дал мне, при моем постриге.

Мое прощание с Академией было теплым... Помню, в своем прощальном слове, после молитвы, я сказал студентам о том, что дело церковное особенно требует от всех совмещения двух выражений веры: мягкости в человеческих отношениях и твердости в убеждениях веры. И митрополит Евлогий, и Академия знали, что мой отъезд не связан с церковными разномыслиями, начавшимися в эмиграции.

Прибыв в Белую Церковь, я узнал, что, в ожидании монастыря в Сербской Церкви в Шабацкой Епархии, Владыка Вениамин принял от управлявшего в Югославии (с благословения Патриарха Серб-

ского) семью-восемью русскими) приходами митрополита Антония, бывшего Киевского и Галицкого, – Приход беженский в Белой Церкви и законоучительство в Крымском Кадетском Корпусе. И я начал ему помогать в этом пастырском деле, а он вводил меня в литургическую и пастырскую жизнь.

Белая Церковь была тихим зеленым городком у границ Румынии. Населяли его сербы, немцы, румыны, венгры и русские. Белый католический собор показывал чистоту и аккуратность города. Православных церквей две: сербская и румынская; а в начале 20-х годов возник еще и в русской колонии храм св. Великомученика Георгия. (В двух русских учебных заведениях имелись свои домовые церкви).

Город стал наводняться русской речью и не очень осознанной горестью изгнанничества. Большие казармы на краю города были даны Крымскому Кадетскому Корпусу, а лучшее здание в центре города Мариинскому Донскому Институту, прибывшему из Новочернаска Еще был в Белой Церкви детский Приют, под покровительством княгини Елены Петровны, сестры короля, вдовы убитого в России князя Иоанна Константиновича. Просуществовало в городе несколько лет и "Николаевское Кавалерийское Училище"... Русские ходили по городу в своих военных одеждах; институтки гуляли парами, в белых пелеринках, и кадеты проходили по городу строем с оркестром, игравшим марши. Это была русская эмиграция, часть России, вылившаяся через Босфор в Европу. Сербы помогали русским, выдавая каждому пособие чрез особое учреждение "Државну Комиссию". Русские были всех чинов и званий: генералы, сенаторы, губернаторы, офицеры, чиновники и простые люди с семьями. Это была Россия, вылившаяся на многие берега и пески мира. И у русских ничего нигде не оставалось, кроме Белой Церкви, и в переносном, и в прямом смысле. Белая Церковь была чертой под Белой Россией.

Молодежь отправлялась дальше, в Париж, Чехословакию, где открывалась помощь студентам и профессорам. Многие осели и в Югославии. Король Александр был воспитанником Пажеского Корпуса в Петербурге, и Россия пострадала, защищая Сербию. Сербы это помнили.

В воскресенье 21-го февраля, 1927 года, в день Божией Матери, Ее иконы Козельщанской, владыка Вениамин рукоположил меня в иеромонахи, испросив на то благословение митрополита Антония. Он сообщил мне о моем рукоположении только совсем накануне. Состоялось оно в храме русской колонии Белой Церкви, переделанном из зала, на Гетеовой улице. Во время рукоположения, епископ Вениамин выходил из алтаря на амвон и объяснял свои действия, их значение и смысл. Молящиеся могли входить в молитву в полном понимании священнодействий. При своем церковном консерватизме, преосвященный Вениамин обладал живым движением души. Человек большой церковной культуры и искренности, он учил этому и меня, своего сына во Христе. (Его собственным духовным старцем в России был консервативнейший архиепископ Феофан Полтавский, б. ректор С.-Петербургской Духовной Академии).

Словом и примером я учился пастырству, аскетике и уставу. Исповедывался у него, своего духовника, а иногда он сам исповедывался у меня, смиряя себя и обучая меня принимать исповедь, великое таинство реальности духовной власти, данной человеку: прощать во Имя Христово. Священство открывалось мне, как высшее дыхание мира, дыхание Тела Христова.

Знаток литургики и церковной музыки, владыка Вениамин открывал мне красоту церковных служб, дух устава и духовничества. Простой, как птица в небе, добрый, легкодвижный и искренний, он всегда был готов всем помочь. Выросший на любви к Слову Божию и святым отцам, он заменил мне богословскую школу. Тогда мне было нужно именно такое пастырство, далекое от отвлеченности, взявшее меня за руку.

Епископ Вениамин матерински учил меня быть монахом в миру и пастырем. Он ободряя меня на пастырском пути, к которому я оказался призван, но не был готов. В мое светское воспитание тогда вливалась церковность, как живой человеческий дух. Владыка братски делился со мной своим опытом интегральности Церкви в мире. Царство Небесное этому человеку одаренной души, в которой никогда не было мрачности и всегда было вдохновение.

Много он сделал для меня в этот сравнительно недолгий период 1926-1927 годов. Если можно так сказать, он “вывел меня на орбиту” Церкви. Из нашего, в сербской епархии, монастырского жития ничего не вышло. Хозяйство монастырское, хотя и обеспечивало иноков, но требовало слишком большого внимания и мешало уединенности. Мы не долго пробыли в Петковцах около Шабаца, и летом 1927 года вернулись в Белую Церковь.

Горячность сердца моего старца привела к нашему разлучению. Он убежденно откликнулся в 1927 году на призыв из Москвы митрополита Сергия (которого лично знал), ставшего заместителем Местоблюстителя Патриарха Московского. Митр. Сергий позвал пастырей и верующих к примирению с властью, гнавшей Церковь и ясно поставившей своей целью уничтожение Церкви, чрез ее нравственное унижение и физическое разрушение. Митрополит Сергий несомненно считал, что Церковь, как Христово Тело, призвана к верности Христу, в духе внеполитической кротости и молитвы за всех людей, и за врагов. Здесь добавить надлежит, что Церкви чужда всякая политика, и советская тоже. Митр. Сергий справедливо призвал возвыситься над политикой; но, похоже было, что Церковь уводилась из одной политики в – другую и только меняла кесаря.

Многие в России понимали очень трудное положение митр. Сергия и поддерживали и его иерархов. Но того нельзя было ждать от всей русской эмиграции, которая, уже в силу своей природы, была политической эмиграцией (активно-политической и пассивно), – в этом был смысл ее существования. Оттого в эмиграции лишь немногие откликнулись на призыв митрополита Сергия, даже те, кто оправдывал его линию.

Шло понятное отмежевание от Московской Патриархии.*

Мое убеждение было ясным: я верил и верю, что для углубления и очищения веры, надо отделять веру Христовой Церкви от политики – "правой" и "левой". Та и другая враждебны существу Церкви. И народы мира достаточно насмотрелись на этот враждебный Христу симбиоз веры Христовой с кесарями этого мира. Обольщаться здесь нельзя, – всякий "кесарь" (в той или другой форме) посягает на Белую Церковь, Тело Христово, веру апостолов. И христианам (это ведь сказал Сам Господь) предстоит до конца истории земной, жить во враждебном мире «князя века сего"... Тут была суть расхождения нашего с владыкой Вениамином. Оставаясь в Европе, он перешел во Франции в каноническое ведение Заместителя Местоблюстителя Патриарха Московского, который позже, во время войны, стал Патриархом Русской Церкви. Не отрицая

* В 1928 г. я написал письмо митроп. Сергию, защищая этот процесс отмежевания, как полезный Церкви.

его юрисдикции на трудных путях Церкви в СССР, я не мог считать русскую эмиграцию повинной гражданской лояльности пастырей Московской Патриархии. Столь же неприемлемым было для меня желание некоторых политиков зарубежом связывать веру и Церковь "с другого конца" политическими идеями и действиями (искусственное создание "императора", и т.д.). Один род унижения Церкви был, для меня, равен другому.

Читающему Евангелие и Откровение апостола Иоанна Богослова видно, сколь очищено Священное Писание от политической суеты. Я верю, что христианам служащим Господу, надо быть свободными от всякой связанности их веры "миром сим". Тут и выход наш из всех испытаний. Конечно, мне хотелось передать и своей пастве, хотя бы малое чувство этой свободы.

Первые годы моего пастырства были не только чистой радостью; они были и моим слезным покаянием. Это был поднявшийся ветер в моем новом существе. По мере *входа* в пастырское дело, я осознавал все более необходимость обновления моего духа. Исповедь и *трезвение* было чудесным прикосновением к родникам чистой воды, на тебя и в тебя текущим; из них ты всегда можешь зачерпнуть, сколько нужно, очищающей и освежающей влаги.

Святые отцы не советуют повторять покаяния в уже исповеданных грехах; вера в их прощение должна быть твердой, полной, человеку надо всецело принять прощение и благодарить за него Бога до конца жизни. Исцеленный всегда благодарен Исцелителю. И в моем покаянии было не повторение, а вхождение в чудесные новые и нужные комнаты того же дома. Прощению Божьему, в таинстве человеку данному, я доверял без мнительности, я верил в это прощение; но душа, хотя и знает, что Бог всё знает, *не может насытиться* явлением и исповеданием Богу своей прошлой неверности. *Она входит все более в осознание ее, в понимание своей греховности, она хочет сказать о ней Богу*. Тут нечто другое, чем сомнение в прощении. Это процесс нищания, осознания своей все большей нищеты. Душа алчет правды и она знает, что ей нужно это алкание правды.

Покаяние, – особый процесс души. Без вхождения в него, нет *духовной жизни*.

И вспоминался образ молодого, сияющего любовью *Капитана Корабля,* его слова о хламе моей прошлой жизни, лежащем в углу души. Мне было тогда велено не слишком заботиться об этом остатке прежнего человека. Он должен был быть убран в свой час. И это совершалось. Мне ясно было об этом сказано, когда я еще не видел Божьих путей. Чрез покаяние и истину вступает жизнь вечная в сознание человека. Я принимал ее без испуга, с радостью. Так должно было быть. И видел теперь точное исполнение сказанного, и не мог не доверять Промыслу божественной Любви, ко мне пришедшей. Она велела мне не смущаться моим несовершенством. Мы все спасаемся в надежде (Рим. VIII, 24).

В Белой Церкви я начал сразу жить полной пастырской жизнью, и она все более наполняла меня еще неизведанным счастьем. Это "радость о Господе", знать, что истина дается тебе – не только ради тебя, но и тех, которые вручаются тебе. И дается тебе власть не только учить любви к Богу, но и пробуждать в самом себе жажду этой любви.

И, с начала моего пастырского пути, мне ничем не хотелось быть, как только малой рыбкой, которая была благословлена Христом, преломлена и роздана людям. Эта рыбка не оскудела в истории человечества. Она до сих пор многообразно питает всех, а особенно мудрых и простодушных. И одной из молитв моих была о том, чтобы и *мне стать* такой рыбкой никчемушней, которую благословил Христос. Возможно это всякому. Надо только человеку осознать себя чем то *завалявшимся,* ничего не имеющим, но – открытым благословению.

Небесный мир чудесно-сокровенен и одновременно явен; он утаивающийся и открывающийся неожиданно. *Он подошел* к моей душе, и я был неожиданно подведен к его ценностям, обнищав для всего другого. Словно, в жизни ничего не стало для меня более нужного... Не знаю, как это так случилось.

Реальность невидимых сил, помогающих человеку, являлась моему опыту. Далее, я больше скажу об этом. Помню, однажды, после службы, ко мне подошел человек и сказал мне: "Батюшка, как хорошо вы в своей проповеди ответили мне на вопрос мой.

Я искал на него ответа и получил". И волнуясь, человек стал говорить, объяснять, в чем его душевное сомнение я разсеял... *А я на эту тему не говорил,* я говорил совсем о другом... Не раз потом, я удивлялся этому действию в человеке сил невидимых, помогающих, и благодарил их, что они *пользуются простым словом нашим,* истолковывая наши слова в смысле для других нужном. Тут синергизм, со-действие, сочетание человеческой воли и Божией. Таинственна эта помощь нашим слабым делам и словам.

На Пасху, Рождество и Крещение я обходил, облётывал всех прихожан, идя подряд по улицам Белой Церкви, заходя с молитвой в жилища. Я не задерживался на застолиях, угощался чуть-чуть, ради общения, старался даже в краткую беседу ввести дух веры. Темы житейские не входили в мой ум, были мне просто скучны; может быть, я тут преувеличивал, даже наверное. Я понял позже, что и не "религиозные", специально, темы могут быть, в пастырстве, началом выражения и сближения душ входящих в веру. Но, беседа о Боге и Его Церкви была единственной моей пищей. И тем, что давал я людям, я сам питался.

Раз в неделю читался у нас в храме акафист. На литургию и по будням приходили люди. В алтаре прислуживала престарелая, преданная Церкви р.Б. Евдокия (постриженная потом в тайное монашество, мать Екатерина). По праздникам прислуживали в алтаре кадеты, сыновья старосты, полковника и преподавателя русской литературы Петра Севастьяновича Савченко. После войны, в 40-е годы, он с семьей, с большой надеждой вернулся в СССР, много там пострадал и через несколько лет умер в Твери. (Вдова смогла мне о том дать знать в Америку). Умирая, он просил священника придти причастить его. Священник – не смог этого сделать, может быть, из-за коммунальной квартиры, или чего другого, не знаю.

Пастырство мое было в движении – я любил людей и не боялся их. Маленький пример поможет уяснить это. Помню характерный случай на первом моем учительном пути. Я заметил и в Белой Церкви известную мне привычку русской интеллигенции и знатных (хотя бы в прошлом) лиц, опаздывать в храм; не говорю

я о маленьком запаздывании, а об опоздании к Евангелию, даже Символу Веры, после которого начинается Евхаристический Канон, главная часть литургии. "Опаздывавшие" в моем приходе были, главным образом, пожилые бывшие губернаторы, вице-губернаторы, генералы и полковники. Запаздывание это нарушало молитву и отвлекало внимание от молитвы; в минуты "Святая Святым" люди ходили по храму, ставили свечки, отвлекая молящихся, выбирали места... Я решил воспользоваться забытым опытом ранней Церкви и поставил двух молодых людей в стихарях перед входом в храм, дав им инструкцию закрыть двери храма после "Верую" и никого в храм не пускать.

Эффект мероприятия быстро объявился: за дверями храма скопился целый сонм бывших сановников, пришедших, по обычаю, с большим опозданием и – не пропущенных в храм. Конечно, по началу, было не мало обид на меня за это; но, воспользовавшись предлогом, я пояснил с амвона, что не я их обидел, а они обидели Церковь и молящихся таким большим опозданием к службе. И обидели они себя самих. Дело разъяснилось – на пользу всем. Паства поняла и приняла мои указания.

У русских зарубежных людей конца 20-х годов ничего, действительно, в мире не осталось, кроме Церкви. И их легко было объединять в православной вере. В ней они были крещены, но красоты и радости ее далеко не все знали. Отсюда являлось их доверие и к такому малоопытному пастырю, каким был я. Я захлебывался любовью к Церкви небесной и земной, я желал помочь людям понять эту любовь. Других интересов у меня не было, я всё другое забыл. Повидимому, люди это видели и помогали мне.

Даже мальчики Приюта Белой Церкви, где я преподавал (заведывала им вдова генерала белой армии Бабиева), удивляли меня врожденным человеку *сознанием* добра и зла. Желая научить этих младенцев вере и пониманию раскаяния, я как то задал им в Посту задачу письменно перечислить *свои грехи*. Каково было мое изумление, когда дети обнаружили тончайшее понимание греха и покаяния. Один мальчик, детским своим почерком перечислил 63 разных своих греха. Я увидел истину, которую лишь отвлеченно знал: и отпавшему от Бога человеку присуще понимание *истины*; человеку врождено знание *чистоты и греха*... Лишь пыльные облака эгоизма и суетности затмевают в человеке реальность нравственного мира.

Я ощущал свою, все бóльшую связанность с людьми и, одновременно, всё более полную *независимость* от них, вернее, от жи-

тейских с ними отношений. Всё более укреплялось во мне чувство своей (и всего мира) зависимости только от Божьей воли и Божьего Слова. Малейшее евангельское указание (и в малейшем видна неисчерпаемая глубина) было для меня жизненной истиной, около которой не надо мудрить. А предание Церкви, свв. отцы, вели к *безкомпромиссному* евангельскому послушанию Господу Иисусу Христу.

Этим я стал жить, учил этому себя и других, все более ощущая *христоцентричность* Церкви. Каждый день и час, каждая церковная служба, проповедь, исповедь, беседа с людьми, были для меня все новым явлением духа.

Как то, помню, зашел я в дом бывшего директора Крымского Кадетского Корпуса, генерала Римского-Корсакова; он и его жена были моими прихожанами. За чашкой чая зашел разговор о моих проповедях. Римский-Корсаков спросил меня: "Отчего вы, отец Иоанн, *читаете* свои проповеди, а не *говорите* их?" Действительно, после "Буди Имя Господне благословенно", на амвон в моем храме ставили аналой, я клал на него *написанную заранее мною* проповедь, и читал ее. На вопрос генерала я ответил, что – *не умею говорить проповеди* и, опасаясь внести неясность или смущение в умы прихожан каким-либо неясным словом, предпочитаю писать их, так как умею писать, еще со светской моей жизни. Оттого избираю такой, самый полезный для них и безопасный для меня способ проповеди с написанного листка. Генерал мне просто сказал: *"А вы на нас учитесь,* отец Иоанн. Мы вас не осудим, если и увидим недостаток в вашей проповеди. *Вам в жизни очень нужно будет владеть живым словом;* не бойтесь, отбросьте самолюбие, учитесь говорить без бумаги"... Я почувствовал в этих словах для себя указание свыше. За все советы моих мирян я им благодарен.

И мне кажется, что деление Церкви на учащую и учащуюся не совсем правильно. Может быть, "инструментально" и "административно" это имеет некоторый смысл, но нельзя отойти от сознания, что учит всех только Дух Святой, славимый и поклоняемый во Святой Троице, открывающий Христа, Слово Божие, а Христос открывает Отца... И "не мерою дает Бог Духа" (Иоанна, 3, 34).

Священнику, в его служении, наиболее удобно и просто входить в *Дух Божий*. Ни о какой "механичности" тут не может быть и речи. Дух приходит, в зависимости лишь от открытости человека Духу.

И: "Дух дышет, где хочет" (Ин. 3,8). Делить человечество по внешним критериям невозможно, это было бы посягательством на свободу Духа Святого... Он Отец, а мы дети, не *функционеры* Его Царства. Тут свобода и тут утешение.

В Белой Церкви посетил меня ехавший на Афон Борис Константинович Зайцев. Мы встречались с ним в мои домонашеские годы и, я думаю, ему как писателю и верующему человеку, хотелось поглядеть на новое дело жизни молодого его собрата-литератора.

Встреча наша была хорошей и мне было видно, как серьезно отнесся Зайцев к этой встрече. Одно запомнилось мне от нее: Борис Константинович меня спросил (трогательно-соболезнующе): "Должно быть, очень тяжело для вас, отец Иоанн, слушать, принимать исповедь человеческих грехов?..." Я ответил: *"Это – Пасха,* Борис Константинович! Это радость большая принимать искреннее покаяние, все равно в каких грехах (и, чем больше грех человека, тем радостнее его покаяние). Человек освобождает от смерти свою душу, – это радость. Боль – и большая – бывает лишь тогда, *когда человеку* на исповеди *нечего сказать,* когда он не понимает своей грешности и не чувствует своей вины пред Богом.

Я жил при храме; из моей комнаты дверь открывалась в храм. Потом мне сняли выходящие во двор церковный две комнаты, с чугункой-печкой, без особых удобств. В этих "аппартаментах" жило нас четыре человека, я и помощники мои по Издательству. В миссионерской Канцелярии работал добрый человек, б. воспитатель Сумского Корпуса, полковник А.Д. Потемкин, ходивший на костылях. Вся его семья была дружественна мне, она жила на окраине города в хибарке, куда я иногда заходил для духовных бесед. Другим помощником моим был поселившийся у меня, тоже престарелый полковник, Ф.Ф. Лиснер, в тайном иночестве Серафим. Он жил в первой комнате, где поселился и помогал нам по хозяйству еще б. кадет, полусерб Милета Радак. Во второй комнате, кроме моего письменного стола и пишущей машинки, был угол, где поселился приехавший из Парижа помогать моему миссионерскому делу, Константин Петрович Струве (сын Петра Бернгардовича), окончивший Сергиеву Духовную Академию. Впоследствии он принял в монастыре Мильково, в Югославии, постриг с именем Саввы. Отзываясь на братскую просьбу Миссионерского монастыря на Пряшевской Руси, во Владимирове, я отпустил к ним о. Савву,

трудолюбивого кроткого и молитвенного человека. Он умер вскоре после войны, пастырски жертвенно помогая карпаторусским крестьянам.

Такой была наша малая *бело-иноческая* палатка в Белой Церкви. У нас были и добровольные сотрудники в разных местах Югославии и других странах, даже в Америке. Они добровольно распространяли Слово Божие и наши духовные издания, по началу очень тощенькие. Распространение не было связано с материальными условиями. Тут была свобода у нас. Всякий мог получить от нас Евангелие и духовную литературу, когда хотел (оплата книг считалась жертвой).

Уже в начале своего священства, я увидел огромную нужду в духовной литературе.

Духовная литература, это почти безконечное умножение пастырского труда, ног и слов. Пред нами – и после нас – она входит во все дома, начиная и продолжая наше дело. Рассуждая так, я начал понемногу, на свои скудные материальные средства* выпускать брошюрки, печатая их в небольшой русской типографии братьев Филоновых в Новом Саду. Я назвал это Издательство "Борьба за Церковь": ведь в России в эти дни шла борьба смертная против Церкви. Набиравшие вручную, братья Филоновы были и хозяевами и работниками типографии. Так началось нужное для моего пастырства дело, соединявшее в себе миссионерский, благотворительный, писательский и издательский труд.

Я видел, что пастырю нельзя обойтись без религиозной литературы. Нужны живые слова уст, но личное общение с людьми всегда очень ограничено. Духовные же книги, или хотя бы листок, преодолевают время и пространство. Религиозная книга есть расширение (почти безграничное) пастырской любви и заботы о человеческой душе, пастырского присутствия в этой душе. Чрез печатное слово пастырь тысячу раз входит в дом и в сердце человека.

Расширение моей пастырской работы началось с проявления моей "литературной жилки". Я потянулся к литературному выявлению и утверждению веры.

---

* Они шли из деревянной кружки, висевшей в храме, куда люди, кто сколько хотел, опускали свою лепту, жертву по случаю треб (они были безвозмездны), или от избытка сердца.

Первой книгой, мною выпущенной в Белой Церкви, был Сборник моих религиозных статей, печатавшихся в белградской русской газете: "Церковь и мир". Этот малый сборник первый мой, я помещаю в этой книге о моем юном пастырстве. Вышедший только что из "мира" и нашедший Церковь, я в своих статьях открывал эту *Белую,* Христову *Церковь* на примерах жизни, истории и литературы. За этой книжкой последовала другая (впоследствии несколько раз переиздававшаяся в разных странах и не только на русском языке) – мое краткое "не-рациональное" объяснение Евангелий о Воскресении.

Осознав всю нужность достижения религиозным словом ходящих в храм людей, а особенно, не посещающих храма, не знающих веры, я остановился мыслию на создании Православного Миссионерского Издательства.

Когда я переехал в Париж, это миссионерское дело продвинулось в Западную Европу, и летом 1931 года был выпущен второй номер однодневной большой религиозной газеты "Борьба за Церковь". После, в Берлине, в 30-е годы, стал выходить Бюллетень "За Церкавь", и печатались религиозные книги. Их было выпущено больше, чем в Югославии. "Белая Церковь" оставалась активной. Особым благословением было переиздание, в начале войны (в Лейпциге, фототипическим путем) – полной Синодальной Библии и, отдельно, Нового Завета.

Годы 20-е и 30-е были временем умножения и выявления в России невиданного еще на земле безбожия. Воочию, являлись глазам людей те *жабы,* о которых говорит Откровение Иоанна Богослова. Демонская свистопляска шла на мученических кровях. Многие кощунствовали, как только могли. "Всемирный Союз воинствующих Безбожников" нацелился, чрез Россию, на весь мир. В Москве был разрушен Храм Христа Спасителя... *Чем, как на это можно было ответить?* Только верностью Христу, служением Отцу, утешением жизни Духом Божиим. "Авва, Отче!" Шло невидимое миру *преломление рыбки* Геннисаретской в России и за ее рубежом. Настал *голод* – "Не голод хлеба, не жажда воды, но жажда слышания слов Господних" (Ам. VIII,11).

Пастырство пасхально. Одновременно, оно и *светлобуднично.* Будни в нем становятся праздниками, а праздники – самыми рабочими днями. Церковь соединяет всех в *самом главном.* Молитва, Покаяние, Причастие Таин, Слово Христово, – всё от Нее идущее утешает, учит, укрепляет. Многое делается неважным, и удивитель-

но это освобождение человека от неистинных и проходящих ценностей в высшем мире свободы. "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей" (I Иоан. 2, 15).

Одним из первых явлений духоносности, открывшихся мне, на ряду с Исааком Сирином, "Лествицей" перп. Иоанна и Словами Симеона Нового Богослова, были покаянные созерцания о. Иоанна Кронштадтского, его Дневника "Моя жизнь во Христе". Они вводили меня во все большую *духовную простоту* и ясность церковного труда. Вникая в Дневник о. Иоанна, я учился пастырской психологии и духовной логике. К сожалению, даже в семинариях не преподают такой логики, преподают лишь аристотелевскую, в которой нет света.

Существен совет отца Иоанна Кронштадтского – всегда, *от сердца* произносить слова молитв и молитвы церковные делать *своими*.

В Белой Церкви я потерял свой возраст, забыл свою молодость, это не имело значения, возраст исчисляется не этим земным временем. С некоторыми детьми можно говорить серьезно (они знают великую тайну мира), а с иными стариками можно говорить только о пустяках.

Моей паствой были люди, прошедшие российские испытания. Они "пришли от великой скорби" (Откровение 7, 14). Общение с этими обнаженными душами и их доверием, было высокой человеческой радостью. Я увидел реальность слов: "Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зéмли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной" (Мар. 10, 29-30).

Опыт Белой Церкви остался для меня на всю мою долгую жизнь. И сейчас я вижу Церковь Христову в Белом небесном сиянии – полную душ, различного уровня, но единых в одинаковой чистой верности Христу… "Душевные" (I Кор. 2, 14) еще живут земными, *душевными* переживаниями, в них словно еще *длится Ветхий Завет*. Господь не нарушает в них Своего древнего Завета с людьми, но *исполняет* его… Мы, люди, – души разного возраста. И часто бываем (даже мы, пастыри) лишь символами

служения Богу, а не самим служением. *Зная* истину, мы *не всегда ее умеем.* А бывает и более горькое (как и в первом веке), мы не только не входим к Богу, но и другим препятствуем. Здесь наибольшее страдание Церкви.

"Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия". "Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может" (I Кор. 2, 14-15). Духовных пастырей я встречал и учился у них. Такой была встреча с апостолом Церкви наших дней, Преосвященным Николаем Велемировичем Охридским (впоследствии Жичским).

Я навестил в 1928 году этот небольшой старинный город Охрид, лежащий среди гор у изумительного по голубизне Охридского озера. Отечески принятый владыкой Николаем в его поместительном, но простом архиерейском доме, я, помню, совершил с ним поездку в шарабане, запряженном парой лошадей, за город на монастырский праздник. Я видел, как приветствовало его на улицах все население города, половина жителей которого были мусульмане. В эти годы в Турции Кемаль Ататурк снял с мужчин фески, но граждане Югославии не были связаны таким распоряжением турецкого диктатора и продолжали носить свои темно-красные фески. И, когда владыка Николай проезжал мимо них, они широко улыбались и приветствовали его, прижимая ко лбу и груди свою руку. Это был мусульманский жест, а улыбка была христианской. Тут был экуменизм – до всякого "экуменизма". У верующих в Бога проявлялась всем им присущая *человечность,* симптом близости Божьей. И мне стало понятным то, о чем рассказал владыка Николай: мусульмане (когда то потурченные сербы) тоже паломничают к гробнице св. Наума, в православный монастырь, лежащий на озере, у границы Албании. Они молятся там о своих несложных нуждах и, бывает, исцеляются от болезней. Такоералигиозное со-существование мусульман и христиан было для меня чем-то новым. Я его и потом не видел ни в христианских, ни в мусульманских странах.

Апостол этого смешанного населения южной Сербии (где столько было в веках пролито крови христианской и магометанской), владыка Николай сказал: "Верующий народ этих простых мусульман-сербов, похож на православных, рядом с ними живущих". Мне это подтвердил афонский монах, ходивший по стране со сбором на монастырь. Он замечал, иной раз, в магометанских селениях Сербии, бóльшую отзывчивость, чем в христианских.

Я видел, как держал себя владыка Николай среди своего православного народа на празднике монастыря у Охридского озера.

Была тут *простота и благоговение* в народе и в самом епископе. Ни тени фамильярности, отвлеченности или искусственности слов и жестов. Народ окружал отца. *Была духовность* в этом празднике, а не церемониальность, или шум. То был дух ранней Церкви, и мне вспомнились образы свв. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского.

Окружавший преосвященного Николая на берегу народ, не ждал от епископа ласковых улыбок, ни рассказов, лишь чуть полезных для души.

Епископ Николай стал религиозным вождем Сербии. Большой писатель, мыслитель и поэт, он сотрудничал и в светских газетах Белграда, учительствуя среди народа. (Помню его такую простую и острую статью в газете "Политика": "Войниче, не псуй" – "солдат, не ругайся", очень актуальная статья не только для солдат). "Миссионерские письма"* его утешали народ, учили вере сжатостью своей литературной формы и остротой религиозной мысли. Никаких "привычных" слов тут не было, были все слова свежие и неожиданные, интересные для людей.

Дружба с Преосвященным Николаем осталась до конца его дней. Освобожденный после войны из немецкого концлагеря вместе с Патриархом Гавриилом, он не вернулся в свою страну, а проехал в Англию, где пытался воздействовать на Черчиля и политику Англии в отношении Сербии. Но Англия делала ставку на Тито. Он переехал в Соединенные Штаты Америки и, через некоторое время, поселился в нашем Свято-Тихоновском монастыре в Пенсильвании.

Мы встречались. В начале 1947 года, когда я был настоятелем Свято-Богородицкого прихода в Лос-Анжелосе, он приехал ко мне и я от него первого узнал о готовящемся избрании меня во епископы. ("Не отказывайтесь!", он сказал отечески-твердо). Я записал на диск его трогательную религиозную песню. Она в Сербии сделалась гимном сербского православного народного движения "богомольцев":

"Помози нам, Вишни Боже,
Без Тебе ништо не може,
Ни орати, ни спевати,
Ни за правду воевати..."

* Эта книга, как и "Война и Библия" (пророчественного характера) и другое, были мною позже изданы в русском переводе.

Образ Преосвященного Николая тоже помог моему пастырству. Это был путь служения апостольства наших дней. С самого начала, мое пастырство сочеталось, как у него, с писательством. Чуждый условностей и елейности, я тоже стремился к простоте, к свежим словам человеческим, к непосредственности веры. И как ему, мне хотелось "мобилизовать", "повернуть" светскую литературу на служение Слову. Я и сейчас верю, что светская культура и литература именно даны человечеству, чтобы помогать Божественной истине. Владыка Николай мне как-то сказал: "Когда я, молодой человек, вернулся в Сербию из Западной Европы и Петербурга с разными академическими дипломами, я стал учиться у своих родителей вере".

Он был попечителем замечательного православного народного движения "Богомольцев", крестьян, которые, после уборки урожая, растекались по приходам и деревням Сербии, благовествуя евангельское слово. Тут было явно то, *в чем так нуждалась Россия еще до революции*. Православие в России глушила консисторская казенщина. И сектанты, с их (ограниченным) толкованием Евангелия, проще и легче несли Слово Божие в народ, подвергаясь преследованию даже за самую святую инициативу распространения Евангелия. Православные сербы-"богомольцы", были верным ответом Церкви на нужду народа. В Крагуевце был их центр, типография, склады евангелий и духовной литературы.

То время, 20-е годы, было временем московского выдвижения митрополита Сергия Нижегородского и его знаменитого интервью, когда вопрашавшим его немилостивым (за сенсацией гнавшимся) иностранным журналистам он, окруженный работниками "органов", заявил, что "Русская Церковь свободна". Будучи в ужасном положении (как и вся Церковь), митрополит Сергий пытался (привычно в отношении властей государства) стабилизировать жизнь Церкви в новом государстве, среди уже открыто-организованных жестоких гонений на веру и в Церкви уже начавшейся анархии.

Говоря о "свободе" веры, митр. Сергий, конечно, подразумевал внутреннюю христианскую *свободу* каждого верующего – в душе своей – быть независимым от всяких гонений.* Верующий всегда свободен, и в лагерях, и в тюрьмах. Но тогда, для иностранных журналистов и всего мира, слово митр. Сергия о свободе Русской Церкви зазвучало слишком "политически", странно и фальшиво.

---

* Только эта свобода вечна, а не социальная, временная.

Многие и сейчас видят только *политический* смысл слов митрополита (который в них, конечно, тоже был).

Это *разноречие* (более, чем двусмысленность) остается в Русской Церкви и до наших дней. Тут можно видеть мученичество Русской Церкви. А споры на эту тему никогда никого не утешали и не утешают.

Мне кажется, что и моя защита, пред епископом Вениамином, целесообразности зарубежного временного отъединения от московского церковного авторитета, не потеряла, за эти десятилетия, своего значения. Православные пастыри и верующие, уйдя за рубеж, не могли уйти из церковной жизни, ни поставить ее в зависимость от администрации церковной Москвы, оказавшейся в циклоне еще никогда не бывшего в истории гонения на Христа и верующих.

В Белой Церкви мне пришлось защищать "с двух сторон" *дух внеполитического пастырского служения:* и перед митр. Сергием в Москве, и пред митр. Антонием в Сремских Карловцах. Первый хотел быть апостольски лояльным *к реальному* кесарю России; а второй оказывал лояльность кесарю воображаемому: "Императору Кириллу". Я считал это еще бóльшим унижением столь униженной в истории монархии русской. Но это призрачное самопровозглашение императором признали тогда почти все члены Заграничного Синода. Это была тоже одна из моих трудностей пред лицом моего священноначалия.

Помню, однажды я сослужил митрополиту Антонию в белградском храме среди прочего духовенства. Когда настоятель храма, прот. Петр Беловидов, после литургии, с амвона объявил о молебне за здравие "Его Императорского Величества Государя Императора Кирилла Владимировича", я вышел из рядов стоявшего посреди храма духовенства, пошел в алтарь и разоблачился там. Я не единственным был в таких чувствах, – половина молящихся ушла из храма.

Русская паства тех нескольких приходов митрополита Антония в Югославии *мало окормлялась* духовной заботой пастырей. Архиереи ее занимались политикой, плохой и безпомощной, оторванные от реальности, не только религиозной, но и политической. Только архиепископ Анастасий (Грибановский) в Синоде не признавал "Императора".

Веру Христовой Церкви поглощала политика, в России по своему, в эмиграции по своему. Мне было чуждо то и другое состояние ума. Я видел нашу общую измену вере и делу мученической *Белой Церкви*.

Трудность была и в том, что выехавшие из России в Югославию престарелые иерархи (с ними со всеми я познакомился), оказались идейно и духовно не подготовленными к тому, чтобы свою веру возвысить над *административным* отношением к Церкви. Слишком долго их жизнь отожествляла Церковь с Россией. И на Церковь они смотрели, как на национально-государственное *учреждение,* навсегда соединенное с властью царя-помазанника. Подумать только, – более 100.000 пастырей молилось до революции за Императора и его Семью. А Святой Дух Божий *прошел мимо этих молитв*... В эмиграции, пора было понять, что тысячелетняя идеология православной монархии не получила в России 19-го и 20-го веков нужного социального развития, хотя бы в духе византийской *Симфонии*. Христоцентричность русского православия выветрилась, остался дух бездушного консерватизма и ходячих условностей, лесть слуху.* Дух Божий оставался в пророках и Таинствах Церкви. Спасителю не было "где преклонить Главу" в России.

Царская власть в России хотела бы ценить советы пастырей, но, она видела только раболепное их себе повиновение... "Глиняные ноги" русские не выдержали золотого церковного тела. Оно повалилось. Кто разбирал пророческие слова, на русском пиру Валтасара: "Мене текел фарес упарсин": "Ты взвешен и найден легким"... Заграницей же, некоторые архиереи русские (в силу, может быть, закона "психической компенсации"), чувствовали себя законными хранителями старой политической России.

Канонические споры зарубежные, в силу этого, не имели для меня смысла. Они были роскошным, утонченным блюдом, когда народ остро нуждался в хлебе. И все яснее открывалась необеспеченность наших православных слов золотым фондом веры.

В 30-е годы, когда я стал благочинным русских церквей в Германии, я встретился с пожилым, тихим настоятелем Данцигского Прихода, протоиереем Александром Шафрановским. То был типичный тихий русский священник, на таких стояла вся русская церковная жизнь.

Приход отца Александра, к началу войны 1914 года, был на той територии России, которая в процессе войны отошла к наступавшим немцам. Был уже тот год войны, когда в Германии

* Чего стоило одно это распоряжение прибавлять к всемирному великому Празднику Рождества Христова молебен, по случаю русского изгнания из России "Галлов и двенадцати языков", после литургии рождественской. И смешивать эти несоизмеримые события принуждался весь народ.

накопилось много русских пленных, размещенных по лагерям Германии. Немецкое командование предложило этому сельскому священнику стать пастырем православных, находившихся в германском плену. Увидев в этом для себя волю Божию, отец Александр оставил семью и приход, и, ради Христа, пошел служить, до самого конца войны, этой миллионной своей пастве, объезжая лагеря пленных, молясь с людьми и за людей, принимая их покаяние и неся им Святые Дары.

Отец Александр рассказал мне, что до революции у него не было *ни одного случая* отказа русского военнопленного от молитвы, исповеди, причастия (посещение служб было свободным). Но, когда слухи о русской революции докатились до военнопленных, – 90% русских людей перестало посещать церковные службы. Только десять процентов (во всех лагерях!) остались верными Церкви, и только 10% *от этих десяти* (то есть, 1% общего числа паствы отца Александра) были жизненно-преданными, ревностными сынами Церкви. Отец Александр считал, что этот процент был *соответствен уровню всей России*.

Конечно, в безбожии русской революции были все виноваты, а мы, пастыри и учители – более всех. За немногими исключениями и архипастыри русского Зарубежья оказались более хранителями старого, осужденного Богом национально-бытового сознания, чем пророками и учителями Христовой Церкви. В этом и был весь "октябрьский" кризис русской жизни, – помутнение апостольской веры.

Архипастыри жили в священной отвлеченности и отъединенности от паствы. Они не видели ее, и она не видела их.

Лишившись своей земли, они, однако, не утеряли чувства своего права говорить от имени Церкви и от имени России.

Митрополит Антоний (Храповицкий), б. Киевский и Галицкий, иногда запросто приезжал в Белую Церковь. Он был человеком большого диапазона мышления, парадоксально соединяя крайнюю консервативность с идейной смелостью... В дореволюционное время, он был активным сторонником патриаршества в России и донес эту цель до Московского Поместного Собора 1917-18 года. Там он стал одним из трех кандидатов в патриархи (самым вероятным, получившим большинство голосов на выборах). По уставу Собора, три первых, по числу голосов, избранных кандидата под-

вергались священной баллотировке. После молитвы всего Собора, в Храме Христа Спасителя, всеми чтимый старец схимник Алексий вынул жребий. Божиим избранником для России оказался митрополит Московский Тихон.

Может быть, здесь было зарождение некоей травмы в сознании митр. Антония. Я не хотел бы говорить об этом что-либо лишнее, но общаясь с ним, я видел в нем лишь его старость и, может быть, внутреннюю усталость. Он был "живой на слово", но не помню никаких резких его "словечек", которыми он славился в России. Когда я его спросил, как-то, о Патриархе Тихоне, он мне как то (без всяких интонаций) сказал: "Кутейник!" Митрополит Антоний принадлежал к дворянской семье Храповицких (один Храповицкий был секретарем Императрицы Екатерины II). Несомненно легендарно, о нем говорили, что с Алеши Храповицкого Достоевский писал своего Алешу Карамазова. Имя митр. Антония до монашества было Алексей; и этот Алеша юношей однажды посетил Достоевского. Митрополит Антоний в России написал книгу: "Словарь к творениям Достоевского", образец *не-клерикальных религиозных слов* о вере Церкви.

Богословское творчество м. Антония выразилось, к сожалению, и в трактате о догмате Искупления, что вызвало в Церкви смущение (как позже теологумен, богословское мнение отца Сергия Булгакова о Софии). Ученый богослов и старший член самого Заграничного Синода, возглавляемого м. Антонием, архиепископ Феофан Полтавский и б. Ректор Петербургской Духовной Академии (как он мне сам говорил об этом в Париже), написал 90 пунктов богословского опровержения этого труда митрополита Антония об Искуплении. Митрополит Антоний отступил от богословия свв. отцов и центр Искупления Христова перенес с креста и пролития искупительной Крови на Голгофе – в Гефсиманский Сад. Крестное Искупление Христово он свел к *переживанию* Богочеловеком любви к роду человеческому в Гефсиманском Саду.*

---

* См. стр. 28.

Характерны были некоторые мысли митр. Антония. Я запомнил некоторые, так как был удивлен ими. Он сказал мне однажды с убеждением: "Церковь *нуждается в православном царе*". А когда я его спросил: "Ну, а если царя не будет?", он ответил: "Русская Церковь тогда станет захудалой, как Коптская или Эфиопская". Мне трудно было эту мысль понять, тем более, принять, что Церковь, Христово Тело, должна возложить надежду свою в истории на кесарей.

Думаю, что столь нерассудительное и ненужное в те годы для России "признание" митрополитом Антонием *императором* России вел. кн. Кирилла Владимировича в Сан Бриаке, исходило из этой, именно, его веры, что *хоть какой то* русский император должен быть исторической реальностью России. Я не верил (и нельзя, конечно, верить) в то, что *император необходим* для Христовой Церкви. Но, в те дни, для некоторых людей император психологически был нужен, даже без надежды на него.

Я не отрицаю политики в истории; она есть *нормальное явление ненормального мира*. Но уже в юношестве своем, я думал, что в наибольшей своей свободе Церковь пребывает, когда проходит чрез *некое благожелательное гонение* со стороны умных слуг государства.

Вспоминается еще мысль митр. Антония, тоже меня удивившая, но с которой я согласился: его характеристика иноков-богатырей воинов Пересвета и Ослябы, данных преп. Сергием Дмитрию Донскому. Митрополит Антоний убежден, что *такое действие преп. Сергия было типично для хорошего игумена*. "Надо понять игумена: послушники-богатыри, несомненно, не очень подходили к обители. Преподобный Сергий их и отправил в свойственное им место, в войско. Это был выход для монастыря и, одновременно, церковное благословение Дмитрию Донскому и его войску". Эта смелая мысль несла верную идею разграничения *духовного* подвига и – военного, государственного, "патриотического" (тоже подвига, но – *другого качества*). Еще, помню, митр. Антония недовольство, когда он слышал, как про умершего или убитого говорили: погибший. Это часто говорят в просторечии про убитого: "погиб".

---

* Это было отступлением и от догматического и литургического богословия Церкви. К чести зарубежных юрисдикционных его оппонентов, никто из них не воспользовался этим "козырем" для полемических юрисдикционных целей, хотя со стороны Заграничного Синода и шли полемические волны против о. Сергия Булгакова за его теологумен о Софии. Это характерно.

“Погиб” можно сказать только про погибшего *душой*”. С этим, конечно, надо согласиться.

Однажды, заехав к митр. Антонию в Сремские Карловцы, я встретил у него албанского митрополита Виссариона. Я застал архиереев, рассуждающих о достоинствах какой-то митры, которую преосв. Виссарион привез с собой и показывал митр. Антонию. В таких архиерейских разговорах ничего плохого не было, но моя молодая горячность тогда, помню, сильно заскучала от этих разговоров... Миллионы русских людей умирали от духовного голода, ища веры и страдая за веру. Шли самоубийства от пустоты жизни, от потери надежды на Бога, а тут апостолы Христовы, с таким смаком говорят о митрах!.. Сейчас, я бы не взволновался так. И перевел бы свое внимание на другое; но не могу себя укорить за то свое волнение.

Увидев, что я говорю по-французски, Преосвященный Виссарион, глава Албанской Церкви, предложил мне стать его секретарем. Но мои пути шли не в Албанию.

Преподавая в Кадетском Корпусе, я старался дать этому характер не урока, а беседы. В отличие от добрых батюшек, ставящих только пятерки по Закону Божию, я придерживался двухбальной системы, ставил либо пятерку, либо единицу. Я считал, что по Закону Божию нельзя ставить *среднего* балла. В жизни люди идут только к Богу, или от Бога. Средних баллов нет на Божьем Суде.

В Белой Церкви существовала и скромная полудомашняя Пастырская Школа для русских пожилых людей, стремившихся к священству. Вакансии пастырские в сербских приходах тогда были открыты в значительном числе. Сербская Церковь охотно предоставляла пастырский труд русским священникам. Русских приходов в Югославии, управлявшихся митроп. Антонием, было всего несколько. Чтобы не заставлять пожилых людей проходить полного семинарского курса, в Белой Церкви и был устроен ускоренный выпуск кандидатов в пастыри. Пройдя богословский экзамен в комиссии, я начал читать на Пастырских Курсах лекции по Священному Писанию. Это были, конечно, лекции не по “критическому исследованию” текста, а духовным вникание в текст, беседы о силе и правде Божьего Слова, раскрытием Ветхого и Нового Завета. Это соединялось с патрологией и пастырским богословием.

Тут и возникло содержание моей книги: "Философия Православного Пастырства", которую я написал несколько позже и опубликовал в 30-е годы в Берлине. Она была тогда же переведена на сербский язык и издана Сербской Церковью. Публиковалась позже на немецком языке в евангелическом издательстве, а после войны, вышла на английском языке в Америке, в издании Свято-Владимирской Академии.

Среди слушателей Пастырских Курсов был человек, близкий отцу Иоанну Кронштадтскому и Оптинским старцам, Василий Шустин, бывший петербургский студент-технолог. У него я нашел ценную рукопись его воспоминаний об этих русских праведниках и опубликовал ее. Шустин принял священство, был пастырем в Алжире и умер в Каннах.

Мое белоцерковское пастырство принимало все более свои очертания. Я начал посещать (по приглашению) и другие русские приходы Югославии, бывшие тоже в ведении митр. Антония. Патриарх сербский Варнава отечески относился ко мне; он тоже видел не-адэкватность духовного окормления русских беженцев; но, ученик русской Духовной Академии, он чтил престарелого иерарха, митрополита Антония, как старейшего по архиерейству и возрасту, и, чувствуя себя должником Русской Церкви, не считал удобным входить в церковное дело русских. Да и сама Сербская Церковь, будучи "государственной", нуждалась в духовных о ней заботах.

В соседнем с Белой Церковью городе Вршац, группа русских офицеров с их семьями, основала Общину св. Иоанна Златоуста. Периодически, я их навещал и служил в частном доме, в устроенном там малом храме.

Утешительно мне было видеть духовную горячность этих людей. И, когда Белая Церковь начала построение своего русского храма св. ап. Иоанна Богослова, жена одного из этих русских офицеров, Г.И. Балицкая, с подписным от Церкви листом, пошла пешком по стране, по сербским деревням, со сбором на этот храм. Таков был ее подвиг. Семья ее, после войны, поселилась в Венецуэле и, по смерти мужа, она стала монахиней Христиной в Гефсиманской Обители в Иерусалиме.

Некоторых моих прихожан можно было бы причислить к душам "харизматическим" (как их стали сейчас называть). Пра-

вославная Церковь не нуждается в таких названиях, она сама есть центр и периферия великой харизмы, даров Святого Духа. Только мы, люди, сами ограничиваем идущую в нас и чрез нас харизму – “печать дара Духа Святого”.

Оставаясь Единой в своих корнях и в своем цветении, церковная жизнь русских за Рубежом расслаивалась... Для одних, она стала новой радостью свободы и очищением от всех, не только прошлых неправд, но и от второстепенных ценностей сего мира. Для других, церковная жизнь еще *детски* определялась памятью о родине, ее обычаях, воспоминаниями детства. Но правда Божия настигала нас всех и радостью и страданием. Она светила и в нашем душевном русском подземельи, как свеча.

Пастырство охватило меня со всех сторон. Мне было очень хорошо в нем. Ежедневное служение литургии, все молитвы Церкви, преподавание, духовные беседы, писательство. Церковь шла в меня и светло опьяняла. Такого состояния я еще не испытывал. Оно было помощью в моей пастырской неумелости. Я помогал людям верой и молитвой и видел, что люди хотят этой помощи. Трудностей словно не было, ощущалась только легкость и удивительная *осмысленность и нужность того, что я делаю.*

Я летал, с развевающейся рясой, по маленькому городу, навещал больных, провожал умирающих, благословлял скромные домики и комнаты людей. Идя по улицам своего городка, смотрел в небо и славил Бога своими словами. Небесная Церковь мне так же была близка, как земная.

Иван Васильевич

Я встретился с И.В. Трегубовым летом 1927 года в монастыре Петковцы Шабацкой Епархии, куда направился еп. Вениамин, взяв с собой престарлого русского схимника отца Марка, и меня. Владыка жил с затаенной мыслью об иноческом уединении. И, я думаю, дальнейшее его передвижение в мире носило эту надежду на пустыню и тишину. Пустыня ему не удавалась, может быть, оттого, что душа его была полна добра и того пастырского духа, который нужен людям. Лишь в старости препоясала его пустыня,

паралич его разбил, и болезнь ввела его в тишину Псково-Печерского монастыря.

В Петковцах летом 1927 года я встретил странника Ивана Васильевича. Бывший атеист и сквернослов, из средней русской "чеховской" интеллигенции, прошедший через толстовство, а после сотрудничество в первых советских газетах, выброшенный из России в 20-е годы, – он горько осознал грехи своей жизни и отпадение русского народа от Бога. Древние пророки Библии ему открылись, и стал понятен смысл русских страданий.

Как некогда Григорий Сковорода, он стал странником, хотя и без свирели, но с Библией в руках. Он пошел по православной Сербии, в которой оказался. Шел он через поля, леса, горы, деревни и летом спал в поле на доске, которую носил на спине. Клал он доску на землю и на ней засыпал, а на разсвете, взвалив доску на себя, шел дальше, куда глаза глядят, молясь, благодаря Бога за все, и каясь за себя и за Россию, читая Библию и не заботясь о пропитании. Крестьяне давали ему хлеб... Иван Васильевич поразил меня пламенностью своего увлечения Словом Божьим, без всяких сектантских интонаций. В библейских пророках он видел полное, буквальное даже, объяснение того, что произошло и с Россией. Он делился со мной своим толкованием пророческих мест Исайи, Иеремии и других пророков. В свете Нового Завета, открывался смысл истории; был для него ясен и смысл русской истории. *Это была человечная реакция на русскую революцию.*

Иван Васильевич приходил потом и в Белую Церковь ко мне, находя приют. Мы беседовали с ним о Священном Писании. Он молился в храме и опять потом уходил, как образ белого иночества, бедности, беззаботности и безсребреничества. Окончил он свои дни в середине 30-х годов и погребен у Иверской Часовни, в Белграде. Это был православно-евангельский харизматик, образ изгнания и послания в мир.* В нем сгорело все, кроме любви ко Христу и всякому встречному человеку.

Покаяние Трегубова

"С самого раннего детства я часто слышал эти слова от моего отца и от других взрослых: "черт возьми". И, научившись говорить,

* Читая, в конце 70-х годов, "Историю Русской Смуты" Анатолия Левитина и Вадима Шаврова, я нашел имя И.В. Трегубова, выступавшего тогда в 20-е годы на религиозных дискуссиях в Москве. В те дни Трегубов был городским корреспондентом "Известий".

я стал уже сам постоянно, при всяком случае, повторять их, прибавляя к ним еще третье слово "совсем". Эту молитву диаволу, лишающую всякой силы наше седьмое прошение в молитве Господней – "избави нас от лукавого", я многократно ежедневно произносил, с детского возраста до 49-ти лет. И вот к чему привела меня эта постоянная долголетняя молитва сатане: первый смертный грех я сделал уже в 12 лет, после которого пропали мои большие способности к учению. В юности, злой дух подсунул мне антиправославную литературу, приведшую меня к потере веры в Бога, и я впал в атеизм; заповеди Христовы потеряли в моих глазах всякое значение, я впал во многие и тяжкие смертные грехи, завершивши их в 35 лет сочинением кощунственного тропаря.

Но, "Бог есть любовь" (Ин, IV, 8), Он "не желает погубить душу, и помышляет, как бы не отвергнуть и отверженного" (II Царств, 14, 14), но "чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иезек. 33, 11). И в течение всего моего пребывания во власти сатаны, то есть, до 50-ти лет, Господь посылал мне Свои вразумительные наказания – серьезные болезни, коих за мою жизнь у меня было одиннадцать. Но я никак не мог понять значения этих болезней. Постоянная молитва: "черт возьми совсем", держала крепко меня во власти диавола... Господь дивным путем Своей милости привел меня к сознанию моей бездонной греховности И, приведя к Себе, Господь повел меня, как малого ребенка, по незнакому мне пути покаяния... И, теперь, потерявши в моей тяжелой жизни полного неудачника все материальные блага и наслаждения, за которыми гонялся, "вкушая, вкусих мало меда", но вернувшись этой ценой к Богу, хотел бы многих предупредить и предостеречь... Путь был долгий и невероятно тяжелый. Хотелось бы всем в мире родителям сказать, чтобы не произносили около детей своих "гнилых слов"; да и вообще. страшились бы люди молиться тому, кто "человекоубийца есть от начала" (Ин. 8, 44).

Валентина Павловна

В России усиливалась открытая борьба против веры и Церкви. Я назвал свое Издательство: *"Борьба за Церковь"*. Позже, оно стало сии началась среди народа открытая борьба против веры и Церкви. Я назвал Издательство: *"Борьба за Церковь"*. Позже, оно стало называться просто "За Церковь" (слово "за" уже говорило о защите Церкви).

Денег на издание книг у меня не было, и я ни у кого их не просил (кроме одного раза, о котором скажу далее.) Первыми суммами моей миссии была мелочь, найденная в церковной кружке, которую я установил в своем храме и в которую прихожане опускали свои копеечки-жертвы. Никакой "платы" за молитву (требу) у нас в приходе не допускалось. На свое пропитание я получал от Прихода достаточно. И, кто хотел, по случаю своей молитвы, или без всякого повода, помочь благовестию Христову, опускали в кружку свою лепту. Эта форма соблюдала достоинство Церкви Божьей и пастыря. Конечно, этим избегался, увы, не чуждый церковной практике в истории, грех симонии *(денежной таксации, платы за дары Духа Святого)*. Такого метода отношения к молитве я придерживался всю мою жизнь и никогда не испытывал материальной нужды, ни в личной жизни, ни в моем служении Слову.

Но однажды, по совету людей, я решил обратиться за помощью для своего Издательства к Миссионерскому Отделу Сербской Патриархии. Мне сказали, что имеется у него специальный миссионерский фонд для издания православных книг. Я стоял перед задачей переиздания ценной книги для детей: "Моя первая Священная История" (которую, и ее иллюстрации Дорэ, я помнил по своему детству). Я нашел экземпляр дореволюционного этого издания, но средств не было. И я обратился в Сербскую Патриархию, прося, хотя бы взаимообразно, мне выдать 3.000 динар.

Желание мое осуществилось лучше, чем я мог думать. После того, как из Сербской Партиархии я получил уведомление, что "миссионерские суммы уже распределены на этот год" и т.д.
из города Панчево приехала в Белую Церковь повидать меня пожилая русская женщина. Ранее я ее не знал. Она оказалась моей однофамилицей, вдовой кн. Шаховского (иной линии), урожденной кн. Гагариной. Она мне сказала, что уже несколько лет дает в Панчево уроки английского и французского языков и собрала себе на старость некоторую сумму, но – решила отдать эти деньги в мое распоряжение. Она открыла свою сумку и. вынув оттуда пакет, завернутый в газету, дала его мне. Там оказалось 36.000 динар (в 12 раз больше того, что я просил у Сербской Церкви)... Не только эту книгу для детей, но и ряд других книг я смог издать на эти средства. Так *Невидимая Церковь* отвечает на нужду видимой. И таковым стал опыт всех лет моего пастырства (не только его первых дней).

Позже я познакомился ближе с этой удивительной, духом горящей женщиной. Я навещал ее, проезжая Панчево. Она при-

няла тайный постриг с именем Варвары. Валентина Павловна жила в очень скромной комнате, выходившей прямо во двор, без всяких удобств. Однажды, задержавшись в Панчеве, я должен был где то переночевать. Узнав об этом, она сказала, что у нее есть место, где она может переночевать, и предложила мне свою комнату. Утром я нашел ее во дворе, совершенно продрогшей, – она сидела всю ночь в углу двора... Такие души открывались мне... Я увидел *внутри Церкви* видимой Невидимую Церковь – богопреданных, человеколюбивых, покаянных и ничем суетным не связанных душ. Общение с ними было моей школой пастырства, моей Духовной Академией, которую я в Париже не смог закончить. Сами того не зная, эти люди, дети мои духовные, были моими учителями богословия.

Екатерина Михайловна

Первой, принявшей в Белой Церкви от меня тайный постриг, с именем Марии, была престарелая кн. Екатерина Михайловна Кугушева. В конце 20-х годов, окончив свою службу воспитательницы Донского Мариинского Института, она тихо жила в коморке старого деревянного дома, подобно древним подвижницам, творя непрестанное правило молитвенное. Она ничем не могла утолить свою жажду любви к Богу и своего радования о Нем, и жадно (верное это слово) она увеличивала свои молитвы. Молясь, была, как свеча трепыхающаяся. Выходила она только в храм, а в хозяйстве ей помогала рядом жившая русская семья (тоже мои прихожане), чтившая и любившая ее. Маленькая, худенькая, сухонькая, с добрым круглым лицом, она и говорить ни о чем не могла, кроме любви ко Господу и Его милости. И никакой елейности у нее не было. Слова ее были простые и сердечные.

Как своему духовнику, она рассказала мне об одном явлении в Прибалтике летом, около полуночи, в 1915 году. Этот факт, как свидетель, мне подтвердил ее родственник, на даче которого она тогда была, впоследствии первый посол Латвии в Москве, ранее, делегат Латвии на Версальской Конференции, Озолс.

Поздно вечером, после одинадцати, находясь на балконе дома, Екатерина Михайловна увидела сияющий Крест. Крест был виден на небе минут двадцать и потом двинулся и *ушел на Северо-Восток*. Все эти двадцать минут Екатерина Михайловна стояла пред ним на коленях, ничего не могла говорить, как только: “Господи,

Господи"... В местной Рижской газете, после этого, было сообщение о видении Креста, в тот же час, одним железнодорожником, стрелочником.

Екатерина Михайловна молилась за всех; она матерински обнимала молитвой всех и радовалась этому. И, в ответ на ее недоумение о разных, многих на земле верованиях, она однажды увидела, в ярком сне, все народы и верования мира, *расположенные кругами,* удалявшимися – от Центра. Примитивные народы были дальше от Центра и *Христова* Сияния, но, все это безчисленное множество людей, входило в Царство Бога Всевышнего. Видение это успокоило Екатерину Михайловну и дало ей новую силу молитвы. Она поняла, что нету смысла в тревоге за тех, которым, как и нам, Бог дал жизнь. Если мы, атомы еле дышащие, имеем жалость ко всему человечеству и каждому человеку, сколь более имеет ее Сотворивший жизнь.

Августа Робертовна

Ее все звали Августой Робертовной, и никто в Белой Церкви не знал, что она – монахиня Анастасия. Она преподавала в женском русском Институте математику и немецкий язык. До революции она переводила романы Валишевского на русский язык и жила в своем имении, недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, куда мимоходом заезжала, путешествуя на лошадях в Москву. Тогда ее жизнь была бурной. Об этой жизни не надо говорить, так как от нее ничего не осталось, кроме такого покаяния, о котором не существует никаких книг. Глубинно, таинственно писал о нем Иоанн Лествичник, как о долине плача.

Я видел часто ее на улицах нашего городка и в храме, где она стояла слева у стены, почти без движения, в своей темной блузе с высоким воротником. Лицо у нее было худенькое, печальное, мирное и приветливое. И почему то все к ней шли, неся к ее сердцу свои жизненные недоумения и горести. Никто не знал, что она инокиня, но все знали, что ее слово утешает. Дети ее школы, сотрудники-педагоги, и старые генералы, жившие на покое, шли к ней за утешением и открывали ей свою жизнь. А она – тихо слушает их, кротко угостит чаем, и сама не зная, что может сказать, говорит что нибудь и – это то самое, что надо.

Я ближе познакомился с ней около умирающей девушки, воспитанницы Института, умиравшей 17-ти лет. И в то время я узнал,

что у нее была дочь, и она умерла семнадцатилетней, во время операции. Операция была не сложна, но, как только надели маску, пульс остановился. Это был единственный ее ребенок. Муж умер еще в России, о нем она ничего не говорила.

Она не много, вообще, говорила, но, после смерти раскрылось многое. Она почти ничего не ела, держалась чаем, кашицей; весь избыток свой от многочисленных уроков распределяла – сколь можно тайно – на поддержание бедного храма русской колонии и бедных нашего церковного общества. После своего тайного пострига, она перестала лечиться, всецело предав себя в волю Божию, освящая свой дух и свое тело еженедельным приобщением Св. Таин.

Сколь можно было, моему несовершенному духу, я близко подошел к ней за год, до ее блаженной кончины. Почему я называю так ее кончину, скажу не замедлив. Приблизительно за год до своего отхода, она начала переживать особое чувство раздвоенности; ей жалко было людей, она любила их всех и хотела им служить, хотя бы “чашей холодной воды”. Но дух ее неудержимо влекся к Единому. Остро начала плакать она на молитве в своей комнате; *все как то начала видеть остро,* уже не здешними глазами. И казалось ей, что не может более говорить с людьми. Понимала, сколь была легкомысленна, когда осуждала отшельников. Мучилась ужасно во время каждого посещения, сопровождавшегося житейским разговором; но ни звуком не выдавала своей боли.

Необычно было нашему городу видеть ее, покрытой черной монашеской мантией, поминаемую новым именем. Вся колония пришла на кладбище. День выдался хороший, июльский... Я не счел нужным скрывать то, что принадлежит славе Божьей. Я свидетельствовал, что постриг тайный был совершен над нею мной, после того, как она мне явилась три утра подряд во сне, зовя меня. Уже после второго явления, я почувствовал его необычайность и, после третьего, сейчас же направился к ней и застал ее в мольбе к Богу об указании путей. Я указал ей путь иночества в миру, и этот путь был ею принят.

По складу своего характера, спокойный и трезвый человек, совершенно не склонный к какой-либо экзальтации, монахиня Анастасия, за время своего иночества, сподобилась двух истинных видений. Оба – незадолго до смерти, и второе относилось прямо к ее исходу. В “тонком сне” (состоянии восхищения духа, когда человек не знает, на яву это или во сне), она увидела себя стоящей на коленях, посреди своей комнаты, лицом к образам. И с нею

вместе стояли на коленях три девочки и женщина средних лет, – все в алых хитонах. Комнату осиявал тонкий белый свет. И оне все, впятером, молились, торжественно, раздельно выговаривая: Царю Небесный – Утешителю – Душе Истины… и так до конца. Свет погас, она увидела себя в прежнем положении.

Второе ее видение было за 27 дней до смерти. Она уже слегла в постель. Видение было на разсвете первого воскресного дня Петровского поста, когда установлена память всех святых, в земле русской просиявших. Преподобный Сергий Радонежский вошел в ее комнату… А она сидела с двумя-тремя духовными друзьями за столом, на котором приготовлена была трапеза. Увидав преподобного, она бросилась целовать его руки и одежду. Он тихо подошел к столу, благословил пищу, повернулся к иконам и стал молиться… Опять все исчезло. *Через 27 дней, в день преп. Сергия Радонежского, 5-го июля она отошла.*

Причащал я ее до конца, ежедневно, в течение 30-40 дней. Последнее ее причастие было особенным. Совершенно видимо, физически, ее лицо просветилось. "Ах, как хорошо…", стала она говорить, – бывшая дотоле в полусознании, – "вот бы всем… вот бы всем туда". Что то ясно предстало ее взору, озаренному благодатным светом.

Разные есть достижения в русском разсеянии. Но, ни одно из них не вызывает у меня такого духовного волнения, как та, оставшаяся в храме Белой Церкви* кустарная резная рама иконы преподобного Сергия, на которой написано: *"В память инокини Анастасии, подвизавшейся в тайном доброделании и блаженно почившей 5-го июля 1929 года; и в память явления ей преп. Сергия, за 27 дней до ее кончины, в день памяти всех святых в земле русской просиявших".*

Генерал Поляновский, Новый Израиль

Он был взят семилетним мальчиком в кантонисты, из еврейской семьи Черниговской губернии, при Николае Павловиче. Уже будучи полковником генерального штаба, талантливым ученым-астрономом, он посетил свою бедную еврейскую черниговскую семью. Каково было это свидание трудно себе представить. Что он говорил, что ему говорили – не знаю. Он уже был убежденным и глубоким православным идеалистом, имел свою верующую семью. Известно

* В 1931 г. она была передана в храм Сергиева Подворья в Париже.

лишь, что он проявил ту любовь, которая была бы понятна его старой израильской семье.

Будучи принужденно взят и отдан в начальную школу где то в Казани, бедный еврейский мальчик вкусил всю горечь оставленности людьми и всю сладость ангельского охранения. Его, собственно, уже ребенком насильно "постригли" *в новую жизнь* и, конечно, второй настоящий постриг, на склоне лет, его менее отделил от предыдущей жизни, чем эта, зашедшая в черниговскую губернию крутая рука николаевского чиновника.

Предприимчивый, остренький ум мальчика освоился быстро и покорно с новой обстановкой. Безсознательно принявший крещение, он быстро напитал свое сознание теми крупицами откровения, которые могли упасть к нему с законоучительсткого стола его первой школы. Учиться ему было не трудно. Трудно было переносить низкий моральный уровень товарищей, даже педагогов. С сокрушением и болью он вспоминал этот свой период первого знакомства с православным миром.

Потом была средняя школа. Его, как талантливого, повели дальше. Из военного училища он, выдающийся по способностям молодой офицер, был командирован в Академию генерального штаба в геодезический отдел. Вышел он оттуда одним из немногих военных астрономов, работал в Пулкове, имел командировки по разным местам России, занимал в Сибири большой пост, неизменно шел в гору, в чинах и познании себя.

К Церкви привязался он страстно, всей своей яркой еврейской личностью. В то время, когда я его знал, он был удивительно похож на ветхозаветного патриарха. Крупное, розовато-белое, от культуры, лицо, чистое, чистое, детски-простое, и мудрое спокойствие глаз.

Живя в Петербурге, он подружился с одним известным тогда в церковных кругах о. Сергием Слепяном, английским евреем, перешедшим в православие и сделавшимся в России православным священником, полным великой любви ко Христу.* Эти два евреяхристианина, имевшие прочное общественное положение в России, мечтали о времени, когда творческим Словом Божиим будет воззвана к бытию Православная Иудейская Церковь. Она, вероятно, была бы более *повсеместной,* чем *поместной*. Новый Израиль не мог бы не слиться с уже существующим Новым Израилем апостоль-

* Сын его, Владимир Сергеевич Слепян, был в Берлине в 30 годы начальником скаутов и участником РСХД.

ским – Христианством, *царством детей Божиих,* среди которых нет ни эллина, ни иудея.

Я – "Новый Израиль", радостно и торжественно говорил мне Михаил Павлович. Я часто захаживал к нему. Бывало придешь, станешь в садике у дверей, и видишь его сидящим спиной и медленно творящим молитву. Излюбленным молитвословием были псалмы; видно было, он чувствовал, как никто, их стихию, и переживал именно то, что переживал царь Давид. "Боже в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!", повторял он сладостно и самоотреченно.

Я очень любил его. В нем я видел живое воплощение обетования Божия данного еврейскому народу. К началу нашего знакомства, он передвигался с двумя палочками, но довольно бодро. Ходил, работая ими, как веслами, и единственно, что было трудно ему, это вó время на улице остановиться. Его время подходило к десятому десятку.

В его жизни имел особое значение преподобный Герасим Палестинский. Со святыми он обращался реально. Жизнь его складывалась из молитвы и записывания барометрических и термометрических показаний. Рука уже сама писала все это, теперь ненужное, и нельзя было ей отказать.

Волос Михаил Павлович не стриг. Белые, шелковые, они падали прядями на его серебряные генеральские погоны. В мундире, неизменно всегда, он подходил к Причастию.

Обед ему доставляли из местного беженского русского учреждения. Говорю о такой подробности, так как с ней связана одна черта Михаила Павловича (лучшая черта генеральства), смирение. Как-то, что-то, в связи с этим обслуживанием его, случилось ему поворчать на супругу хозяина этого учреждения, и маленький этот грех стал, сейчас же, препятствием для его непрестанной молитвы. И Михаил Павлович решил вырвать его с корнем. В ближайшее воскресение, у выхода из Церкви, он, при всем народе, во всем своем генеральском обличии, опустился на колени перед этой престарелой дамой и просил простить его. Кое-кто из тех, кто сам еще не вполне знает, зачем ходит в церковь, улыбнулся. И именно, благодаря неизбежности таких улыбок, открывалось смирение Михаила Павловича.

Умер он, потому что настал его час. После его последнего Причастия на Успение, я пришел к нему. Он лежал на постели и пел старческим, дребезжащим, почти без всякой мелодии голосом: "В Рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила

еси, Богородице...” С ним совершалось долгожданное, он уходил к своему Богу, он возвращался к своему Небесному Отцу, неся чашу своей жизни, наполненную до краев.

Храм Сергиевского Подворья в Париже

Профессора и студенты Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже, весна 1926. На этой фотографии видны церковно – общественные деятели середины двадцатых годов русской эмиграции Парижа, у здания только что преобретенного Сергиева Подворья. По правую руку от сидящего в первом ряду митрополита Евлогия, ректора Сергиевской Академии, сидят: Преосвященный епископ Вениамин, бывший Севастопольский, инспектор Академии, А.В. Карташев, С.С. Безобразов (впоследствии еп. Кассиан), В.Н. Ильин, В.П. Вышеславцев, Л.А. Зандер, О. Георгий Шумкин, кн. Гр. Н. Трубецкой. По левую руку митр. Евлогия сидят прот. Сергий Булгаков, архим. впоследствии епископ Иоанн Леончуков, Ев. П. Ковалевский и его сын И. Евг. За митр. Евлогием стоят: П.Н. Евдокимов, М.М. Осоргин, регент академического хора, в клобуке афонский старец о. Алексей Киреевский, секретарь епархиального управления Т.А. Аметистов, А.И. Греве (впоследствии архиепископ Никон) и другие. Себя нахожу в предпоследнем ряду слева, вторым.

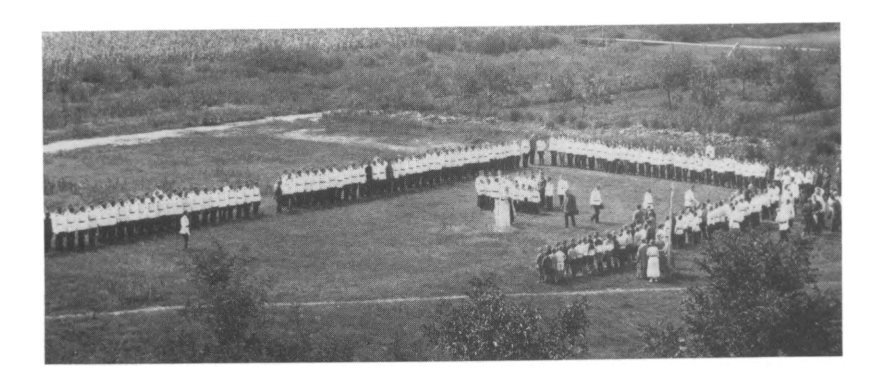
Профессора и студенты Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже, осень 1926 г.
Сидят (слева направо): Киселевский, инок Иоанн, иером. Георгий, свящ. Г. Шумкин, проф. С.С. Безобразов (впосл. преосв. Кассиан), декан прот. Сергий Булгаков, проф. Н.О. Лосский, проф. Флоровский, инок Афанасий.

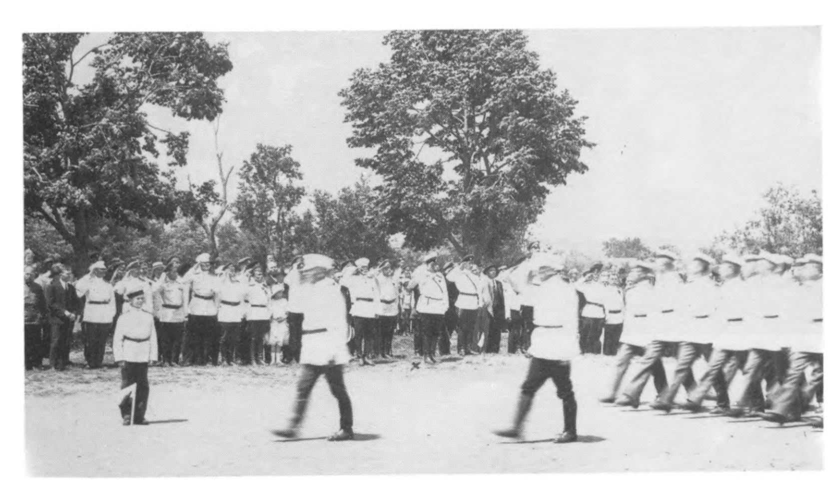

2/15. декабря 1926 г. в храме на Рю Дарю, Париж, рукоположение монаха Иоанна во иеродиаконы Митрополитом Евлогием. (и. д. Иоанн слева, в I. ряду).

Город Белая Церковь, Югославия 1927 г.

Крымский Кадетский Корпус. Белая Церковь, 1927 г.

Храм св. великомученика Георгия Русской общины г. Белой Церкви, 1928 г.

Паства Белой Церкви 1931 г.

II

ЗАПИСИ ГОЛОСА ЧИСТОГО

В конце 20-х годов в Белой Церкви, я получил заказной пакет из Польши. Отправителем его был полковник старой русской армии Спиридон Белецкий в городе Станиславове, занимавшийся извозом. Он обратился ко мне, прося разъяснения происходивших с его женой Наталией явлений.

Глубоко верующая православная женщина стала чувствовать временами сильное побуждение записывать звучащие в ее сердце слова евангельских поучений, толкования Священного Писания и руководство жизни по вере. Это *яснослышание* у нее началось неожиданно. Белецкие не понимали, *откуда* идут эти слова и не есть ли это явление какой либо неправильности. Они тревожились этим и ряд записанных Бесед неизвестного Пастыря (говорившего чрез Наталию) прислали мне в этом письме. Я стал *испытывать* духа, или духов, говорившись через Наталию, и ничего не нашел в их словах, что затмевало бы Слово Божие или уводило от православной веры. Более того, благоговение, мирность, мудрость слов, духа, и смирение самих этих супругов Белецких (они начали со мной переписываться), говорили мне с несомненностью о чистом источнике этих поучений. Они были ценными и для меня.

Свидетельством того, что вещание это шло от верного и чистого духа, для меня был и следующий факт: некоторые слова Поучений были *личным* ответом мне на мои тайные сердечные молитвенные вопрошания, *никому неизвестные,* кроме Единого Бога. Такое прямое обращение ко мне, как к "пастырю Иоанну", и ценные указания моему юному пастырству, в ответ на тайные мысли мои, убедили меня в том, что это явление идет от *светлых духов*. Это было укреплением и моего пастырства.

Особенно нужна была мне духовная помощь после отъезда еп. Вениамина. Я остался без старца-руководителя. И этот кроткий, простой, но *глубоко духовный* голос невидимого мира, зазвучавший около меня, – укрепил дух мой; он помог мне в моем служении.

С Наталией и ее мужем у меня осталось доброе общение и после того, как этот духовный феномен прекратился. В 30-е годы они переехали из Польши в Южную Бразилию, в Рио дель Сол.

Своими руками они там построили деревянный православный храм. В начале 50-х годов я там навестил их. После кончины мужа, Наталия приняла монашеский постриг и жила при храме, как хранительница его. Я получал от нее вести Тихо, молитвенно она там скончалась.

Публикуемые Поучения невидимого мира не нуждаются в богословских комментариях. Они просты и ясны. Но, одновременно, жизненны, глубоки и не абстрактны. Анализу богословскому подлежит лишь сам факт этого явления, соединяющий нас со временем первохристианства, когда небесные силы видимо и слышимо входили в человеческую жизнь и *естественны* были подобные харизматические явления, единящие, в служении Церкви, верующих людей на земле с миром невидимым. Близость ангельского мира, как благословенного источника помощи Божией нам (о чем даже не все христиане догадываются), остается, конечно, и в наши дни. Она есть явление тех нравственных и духовных пророчеств, о которых предупредил Спаситель в словах: "Отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божих восходящих и нисходящих к Сыну человеческому" (Иоанна, 1, 15). Царство *Сына Человеческого* делает неизбежным явление и на земле Церкви Небесной.

Из публикуемого текста Записей я исключил ответы духовного мира на мои молитвенные вопрошания. Все было, в сущности, – и ответом, и поучением мне, помощью моему неопытному пастырству. В своей слабости я, несомненно, более других нуждался в пастырских наставлениях.

Поучения Невидимых Друзей зовут нас к искреннему прославлению Бога и трепетному вниканию в Слово Христово. Являя реальность Божьих Ангелов, старших наших братьев, они открывают нам и реальность злых, темных, абсурдных духов, вторгающихся в человеческую жизнь и историю, и мучающих людей.* Поучения указывают и на необходимость для нас *не скрывать* перед другими той истины евангельской, уже открывшейся нашему сознанию. Пастырям указывается "не взирать на лица", не бояться "сильных", не льстить "богатым" и не пренебрегать простым человеком. Возвещение истины – условие *сохранения истины в нас самих*. Истина и в нас угасает, если мы скрываем ее горение в человечестве.

* Все эти массовые убийства и самоубийства в мире (например, в Гвиане и других местах) *ясно открывают демонский мир,* действующий в человечестве и в лжепастырях.

Не обнаруживая источника Поучений, я публиковал некоторые из них, как “Беседы Неизвестного Старца”, в “Белоцерковских Листках”, газете “Борьба за Церковь” (Франция), и журнале “За Церковь” (Германия). В 1930 году, в Белой Церкви было издано, малой книжицей, девять этих Поучений.

Беседа I

Начну со слов утешения. – Нельзя забывать того, что Господь Бог дает испытания *для нашей пользы*. Эти испытания укрепляют вас, если вы верите Ему, но губят вас, если не верите. Если вы говорите: “да будет воля Твоя”, значит верите, и всякую неудачу свою (мелкую и незаметную для вечности) примите мирно, покоряясь руке Того, Кто знает лучше, чем вы, что, где и когда вам нужно. Если будете в этом уверены, то ничто не будет вас огорчать в жизни. Нищета (в вашем понимании) будет вам радостна, как и преобретение богатства. Между одним и другим вы не найдете разницы и одинаково скажете : “Да будет воля Твоя”.

Вы многогрешны, это верно, но не теряйте надежды на прощение и просите неустанно о нем. Я это говорю к тому, что некоторые из вас думают в сердце своем: “это не простится”. Господь Бог знает, что плоть немощна, и если человек сознает, что сделал ошибку, и старается ее не повторять, а от сделанного им болеет внутренностью своею, Создатель видит все и слышит и у кого раскаяние нелицемерное – простит.

Многие говорят: “Господи, помилуй”, и повторяют это не вдумываясь. Хочется на этом остановить ваше внимание. Представте себе громадное сборище народа, где нельзя разобрать, кто что говорит. т.к. все кричат разом. Если же прислушаться, то внимание останавливается на том человеке, который ясно и раздельно произносит слова. Господь слышит всех одинаково. Но Его бесконечную доброту и милосердие трогают не машинально произносимые фразы, а продуманное, горькое раскаяние.

Еще не понимаете вы все, как нужно молиться. Проникайтесь тем, что ничто не должно Вас огорчать из “жизненного”, во всем должны вы видеть Перст Божий, ибо ничто без Его святой воли не делается. Если является от чего то досада, значит вы не соглашаетесь в этом с Его волей. И тогда не произносите слов “да будет воля Твоя”, и не называйте Бога своим Отцом, т.к. верящий в Отца и доверяющий Отцу, не противоречит Ему.

Произнося свою просьбу о помиловании, мысленно останавливайтесь на своих грехах и за каждый отдельный просите помиловать вас и простить. Таким образом, вся ваша жизнь встанет пред вами, и вы увидите греховность вашего тела. Когда постепенно переберете грехи дней своих, – увидите, ужаснетесь количеству зла в себе и поймете сами, почему должно вам просить о помиловании. Милосердие Божие нельзя ни с чем сравнить. Оно больше, чем число песчинок на дне океанов, оно не поддается учету; но грехи людские превышают и это число. Человек грешит безпрестанно и чем далее идет, не думая о том, тем грехи его больше и хуже. Не сознавая своего ничтожества, он все более впадает в гордыню и думает, что он сам бог. Но даже и тогда, если вдруг одумается, поняв свои ошибки, даже и тогда Господь Бог его простит, так как милосердие Его без числа. Просите о помиловании за каждый свой проступок отдельно.

Беседа II

Будете не раз искушаемы, крепитесь и не бойтесь. Зло опасно для того, кто о Господе Боге не помнит. Вы же не забывайте, что Имя Господне охраняет вас, Имя Его, произносимое с верой в Него. Будьте бодры, чувствуйте себя сильными верой в силу Животворящего Креста.

Крест ваше оружие, крест ваше спасение, он вам помощь, он победа, он – радость ваша. Поймите это. Крестные страдания Спасителя попрали диавола и Христова смерть на Кресте спасла нас, выкупила из рук смерти вечной. И вместо смерти дала нам жизнь.

Осеняя себя Крестом, вы притягиваете на себя частицу этой высшей жизни; потому благоговейно делайте крестное знамение. Я хочу указать примером на великую силу сего: в древности, когда мучали последователей учения Сына Господня и брали их на растерзание зверям, были неоднократно случаи, что звери не смели приблизиться, когда мучимый осенял себя с *полной* верой крестным знамением.

Хотите выровнять свой путь, но трудно вам, огрубела ваша оболочка, не можете сразу себе уяснить, что от какого духа рождается. Исполняете злое, а *потом* спохватываетесь. В том то и совершенство духа, чтобы во время различать злое от доброго, и во время отбрасывать рожденное от диавола, побеждая его, как

учат вас, и принимая, развивая рождающееся доброе (говорю о мыслях). Если хотите, можете часто видеть, как мысли ваши борются, но борьба эта идет для вас незаметно; надо захотеть ее увидать и остановить свое внимание на этом, сосредоточиться. Но вы еще не можете, вы еще как младенцы в пеленах.

Все требует желания и упражнения. Что значит "сосредоточиться"? это значит собрать свои мысли так, чтобы не рождалось злое от злого, чтобы не было тьмы, чтобы ничего не отвлекало, чтоб образовалась связь с небесным и нити связывающие были крепки, подобно проволоке, и ничего не могло разорвать их. Упражняйтесь в этом спокойно, но твердо, откидывая "злое порождение". Дух победит плоть, и тогда поймете. Возьмите опять же пример: когда ребенку больно, мать старается сосредоточить его детское внимание на каком либо предмете, и отвлекаясь на него, полностью им захватываясь, ребенок уже не чувствует боли и перестает плакать. Станьте же такими детьми и сосредоточив свой дух на одном Божьем, не будете чувствовать боли, т.е. злых мыслей.

Беседа III

Слова Спасителя: "КТО ХОЧЕТ ИТТИ ЗА МНОЮ – ОТВЕРГНИСЬ СЕБЯ". Это значит, мысленно вознестись над всем житейским, считая все это временным, помня, что ничего из этого не возьмешь с собою, ибо руки твои останутся с телом, и только дух твой отягчен будет и не сможет этой тяжести сбросить с себя. Если знаете, что дух вечен и не умрет с вашим телом, то подумайте, сколь бесполезны ваши усилия и труды положенные на преобретение богатства и всего подобного. Я говорю о тех, кто заботится о богатстве и чести, и славе, для кого они нужны. Человек, одумайся! Что важно для тебя? Для чего тебе слава, кому она поможет? Разве честь твоя сможет оправдать тебя перед Высшим Судией? Помните, смертные, что богатство, слава и честь ничего не значат для вашего духа, в лучшем случае; большей частью ухудшают ваше положение. Не стремитесь же к преобретению золота для себя. Старайтесь преобретать его в неосязательной форме и в возможно большем количестве. Слава земная – прах, она ничто, потому что есть иная слава – Слава на небесах, Слава Господа Бога и тех кому Он ее уделит, кого Он ею осенит. Зачем же вам ваша слава, разве для забавы диавола. Подумайте над сказанным мной, все стремящиеся, все жаждущие ее, кто ради этого забывает слова:

"Кто хочет итти за Мной, тот отвергнись себя". Ведь если не хотите помнить эти слова, значит они для вас не важны. Чьи же речи вам ближе и понятнее? Если диавольские, то что же вас ждет? Неужели ум ваш (если не сердце) не говорит вам, что не может быть чтобы жизнь человеческая заключалась только в телесной краткой жизни и оканчивалась со смертью.

Христос сказал: "Отвергнись себя, возьми крест свой и иди за Мною". Что значит "взять крест свой"? Это значит, без рассуждений и пререканий подчинись тому, что тебя встретит при соблюдении заповедей Божьих. Поясню примером: если брат твой бедный и малозначущий для других, знатных и богатых, упал, подойди к нему, подними, умой, согрей, посади рядом с собой, не боясь ничьих упреков и насмешек. Будешь за то обегаем всеми "знатными", которые посмеются над тобой, будешь ими гоним – это и есть малая частица Креста, который ты добровольно взял на себя. Если тебе дадут твои друзья имения в неправильное управление ими и ты не согласишься взять (хотя и будешь знать, что тебя там ждут золотые горы) и будешь призираем за твою "глупость" – ты прибавишь еще частицу Креста на себя.

Всякое добровольное отречение от нечестных благ жизненных есть приближение ко Кресту. Если будете итти по заповедям, всегда понесете Крест, т.е. встретите на своем пути много неприятностей, оскорблений и слез, в человеческом понимании. Но Крест не тяжел, если будете иметь пред глазами страдания Сына Божьего. Ведь вас никто не будет прибивать гвоздями, вас только не будет окружать роскошь и чрезмерные удобства. Тяжесть креста измеряется желанием человека жить по заветам Господа Бога. В Евангелии вы читаете, что дорога к Царствию Небесному узка, по ней с крестом тяжело итти, но желающий пройти по ней претерпит все неудобства и донесет свой крест, и отворятся врата пред ним, и там он отдохнет. Тяжесть креста только кажущаяся; бояться этой тяжести не надо. У каждого хватит сил справиться со встретившимися искушениями. Если берешь Крест, значит этим одним объявляешь войну диаволу. Значит помнишь, что все от Господа Бога, и подчинившись АБСОЛЮТНО Его воле, ПРИМЕШЬ ВСЕ С РАДОСТЬЮ.

Христос сказал "Иди за Мною". И в этом есть указание на ту кротость и смирение, которое проявил Он Сам, будучи распинаем. "Иди за Мной" равносильно: "возьми Евангелие и не отклоняйся от него". Господи, милостив буди нам грешным. Слава Тебе, Господи, во все времена. Аминь.

Беседа IV

"Если соблазняет тебя рука твоя"... читаете вы в Евангелии. Эти слова хочу пояснить вам. Слушайте: каждый человек грешен. Грех различен по своей силе, т.е. всякий грех, есть грех ослушания. Но одно ослушание наказывается меньше, другое больше. Значит, ослушание или непослушание всякое отодвигает человека от Бога. Кем вызывается это непослушание, вы знаете, и для чего, тоже вам ясно. Следовательно следи за своим телом, прежде всего, так как "плоть немощна". Чрез зрение свое вам дается возможность познавать величие и силу Господа Бога. Смотря вокруг себя, вы видите, как могущественна сила творческая Господня. Слух вам дан, чтобы вы могли слышать и отличать доброе от злого. Ушами вашими можете услышать песнь небесную; только должны быть уши ваши чисты от пропускания шопота бесовского. Поясняю: как только ухо твое услышит непотребное для тебя, должен ты его заткнуть духовно, чтобы шопот этот не мог проникнуть дальше, в твой мозг. Когда ухо твое не будет пропускать Пагубного для него, песнь небесная будет услышана тобою.

Значит, оберегайте свой слух и внимательны будьте к тому, что входит в уши ваши. Руки даны вам для совершения добрых дел и для отталкивния от себя зла. Рукой вы можете отбросить сильнейшего врага вашего, ибо рукой вы производите знамение Креста, рукой поддерживаете падающего, рукой вы подаете милостыню. Рука должна быть чиста, на ней не должно быть никаких пятен грязи. Как чистоплотный человек не будет есть грязной рукой своей пищи, так желающий быть участником в Царстве Господа нашего, не может быть им, если руки его не чисты. Поясняю: всякое действие, противное Евангелию, есть *грязь,* кладущая пятно "на руку". Если ты украл что либо, то имеешь пятно на ладони своей. Если убил, кровь засохла и пристала к твоей руке и никакая вода, ни мыло, ни известь не смоют пятна того, ибо сказал Господь: "не убий", но ты послушал диавола, пропустив слова его во внутренность свою и рукою исполнив приказ его, замарал себя.

Не грязните рук своих, не наносите на них неотмывающихся пятен, ибо не знаете, когда должно вам предстать пред Судьею вашим, и сумеете ли в спешности отмыть руки свои. Если будут они у вас чисты, легче подниматься по леснице, держась за перила, ступень за ступенью. Понятно ли? Христос сказал: "отсеки ее". Что значит "отсечь руку"? Это не значит сделать себе увечье, ибо Господь дал нам тело не для того, чтобы мы его уничтожали,

увечили. Это значит духовное отсекание своего зла, болезненное подобно увечью телесному.

Представьте себе, что вы очень бедны и пришли в дом богача, где разбросаны по полу драгоценности, и где люди пресыщены богатством, и вы знаете, что никто не увидит и не узнает, если вы возьмете себе что нибудь от золота того; и диавол не дремля подскажет вам это, и вы будете уже чувствовать, что рука ваша тянется к золоту и будете уже ощущать его в ладони своей и то, что оно даст вам безбедное существование и – если закроете глаза ваши, чтобы не видеть, но руку вашу почувствуете тянущейся, – *отсеките* ее, эту свою “духовную руку”, а телесной рукой перекреститесь. Вот это и значат слова Христовы: “отсеки ее”. Понятно ли? Все должно быть для вас понятно и ясно. Господь Бог говорит: “лучше тебе увечным войти в Царствие Божие”, – это “увечье” не телесное, т.к. тело превратится в прах, то есть в то, из чего сотворил тело Создатель.

“Вырви око твое”, то есть пресеки похотливое твое зрение, не смотри, закрой глаза, перенеси на небеса свое духовное зрение, туда, где, знаешь, есть Обитель светлая. В жизни останавливай зрение на всякой травинке, на всем светлом и добром, на создании Божьем, и все время будешь удивлять свой взор и разум Силой Господней и величием Его. Будет эта чистота зрения охранять чистоту твоего ока и все существо твое, очищаясь, проникнется сознанием величия Господа Бога. Да будет благословенно Имя Его во все времена.

Беседа V

Многие из вас думают, что если они попросят о чем либо и это не будет им дано, то значит они не были услышаны. Ошибаетесь. Каждое слово долетает и не одно не теряется в пути, если просите Бога с верой. Но часто вы не знаете, чего просить для себя. Равно, как дитя малое и неразумное просит мать дать ему пламя свечи и настойчиво требует, и кричит, плача и топая ножками, а мать, жалея его руку и зная каков будет ожог, не дает ему, до тех пор, пока ребенок своим криком не выведет ее из терпения, и тогда, чтобы верил в другой раз ей, и не кричал, и не просил, не понимая, – мать дает ему для урока; и обжегши пальцы ребенок кричит еще больше, но уже не тянется к огню и не просит его.

Верьте, что вы – малые дети пред Отцом вашим Небесным и не просите во что бы то ни стало дать вам то или другое, потому что знает Господь, что вредно вам и того не дает; но если будете настоятельно просить, то дастся вам, для урока; и потом будете жалеть, когда сделаете этим душе своей вред. Говорю это тем, кто просит и, не получая, огорчается и говорит в себе: “меня Господь не слышит”. Читаете же вы слова Сына Божия: “Если с верою просите, чего бы не попросили, дано будет вам”. Значит, поймите, что ни в чем не откажет Господь вам, все даст, но, жалея вас, как неразумных детей и плачущих, не дает того по первому вашему требованию, что вредно вам. Вот почему надо вам всегда помнить, что каждая наша просьба не должна расходиться с волей Всевышнего. Если положитесь всецело на Его волю, то и не удивляйтесь, что не все просимое получите, – послушным детям мать говорит “нельзя” и они, сразу веря ей, послушно отходят, зная, что когда можно и должно будет, мать сама даст им просимое. Скажу еще, что не понимаете вы значения слов многих молитв, т.к. написаны они не на вашем родном языке, поэтому произносите вы их языком, без участия сердца… Прошу Вас, поймите, как важно то, что я сказал вначале. Если поймете, никогда больше не скажите: “Господь не слышит меня”. А со всей верой в Его Премудрость, произнесете: “Да будет воля Твоя”.

Если кто из вас ошибочно думает и делает так, как думает, значит слово истины закрыто для него. Вы не можете обвинять этих людей; виноваты в этом иногда и вы, т.к. если вам ясно что либо, то постарайтесь, чтоб так же это было ясно и тем, кто думает и делает не так, как учит Закон Божий. Но нельзя не во время навязывать или объяснять; надо освещать осторожно другую душу, поднося светильник и прикрывая, вернее заслоняя ладонью свет, чтоб он не резал сразу глаз, привыкший ко тьме. Руководствоваться и здесь надо учением Спасителя, сказавшего: “возлюби ближнего, как самого себя”. Тогда не возмущаться будем тем, что в других не сходится с вашим, а жалеть будете глубоко, сердечно и искренно людей, не всё видящих, что вам уже открыто.

Еще посоветывал бы вам, несколько раз в день просить ангела своего хранителя оберегать вас и прислушиваться сердечно к тому, как он направляет вас. Поясню: если хочешь совершить что либо против заповедей Божиих и чувствуешь в это время тяжесть духовную, как бы стыд перед самим собой, – это и есть напоминание ангела хранящего тебя. Если человек сознательно идет дорогой и “смотрит под ноги”, тогда он обходит встречающиеся трудности

пути, глаза его видят каждый камень на дороге и передают в мозг, и человек привыкает не механически ставить ногу, а так, чтобы обходить камни. Привожу это как пример. Когда в вас является такая неосязательная борьба, вам бы следовало остановить на ней свое внимание; и, при желании, вы могли бы никогда не видеть зла, потому что *охраняющий вас предупреждает вас в совести вашей.* Но большей частью это проходит для вас незаметно. И заглушается внутренний ваш слух шопотом бесовским. Просите же ангела вашего хранителя быть всегда с вами, но будьте внимательны и следите за собой. Если захотите последовать моему совету быть внимательными, – заглушите шопот бесовский. Это не трудно. *Это сосредоточивание и есть совершенствование духа,* очищение его от ""нагара". Со временем поймете то, что я говорю и увидите сами, сколь радостно будет вам по великой милости Божьей. Сколько раз вы оскорбляли Господа своим непослушанием. Вспомните сколько раз ваша совесть была колеблема... Вы не сознаете еще всего ужаса вашего положения людей, мчащихся вперед, с невероятной быстротой приближающихся к пропасти, куда, только провалившись, опомнитесь...

Беседа VI

Помните ли вы сущность сказанного в Евангелии: "Да приидет Царствие Твое". Что значит это? Почему должны вы говорить это, обращаясь к Господу Богу в молитве, данной Сыном Божиим. Если вы говорите так, значит желаете этого и ждете, а если ожидаете, значит и готовитесь к нему. Зная уже, что не всякий может назваться участником Царства Господня, старайтесь исполнить все законы и предписания Того, чье Царство ожидается. Если знаете уже, что Господь есть Любовь и милосердие, значит старайтесь переполнить всё свое существо тем же. Если ясно вам, что Господь есть Истина, то и бегите от лжи. Если Он есть Справедливость, – будьте справедливы друг ко другу. Следовательно, говоря "да приидет царствие Твое", сердцем своим вы говорите: я следую Твоим заповедям, Господи, потому что верю, что Царствие Твое придет, и хочу быть участником его, хочу его. Этим вы говорите о полном своем подчинении законам Божьим. Иначе, вы бы противились пришествию Царствия Того, чьи законы и заветы вам не нравятся. Значит, эти слова весьма важны в вашей молитве и произнося их, помните, что тем самым накладываете на себя *обязанность* помнить

о всех правилах земной жизни, которые указаны вам Господом, чрез Сына Своего Единородного.

Хочу пояснить еще Вам, что этими словами вы себя ставите в определенное положение в вашей борьбе с врагом вашим, который старается, чтобы вы не попали в Царство Божие, и кто из вас понимает, что говорит, тот – повторяю – будет стараться исполнить заповеди Божьи. Враг ваш будет мешать этому, вам – больше чем тем, кто сам еще не знает, какого царства ему ожидать и не уясняет себе, кто его царь и какие его действия. Значит старайтесь возможно точнее придерживаться указаний Евангелия, любя своего небесного Царя, поступать так, чтобы Он принял вас к Себе.

"Да будет воля Твоя". Все люди смертны, а дух бессмертен – это вы уяснили себе. Уясните еще одно: ничего не происходит без воли Высшего. Все от Него, и все подчинено Ему, Его воле. Каждый из нас думает, что от его человеческого усилия может он быть счастлив, или богат, – нет, все предусмотрено с начала веков (в понимании людском). Книга каждого из вас намечена, вам же дано право отклонения, по вашей просьбе, которая так же сама предусмотрена. Равно, как отец предназначает своих сыновей одного в кузницу, другого в школу, третьего при доме оставляет, в послушании воле его. Просят иногда дети изменить это, если можно, и отец, видя что они просят, но не нарушают сами его приказания, – дает им просимое, потому что любит их и хочет утешить. В жизни вашей земной иногда встречаются будто и невинно страдающие от младенчества своего, но вырастая и входя в разумение, они покорно говорят: "Да будет воля Твоя"; и осеняет их благодать Господня, и счастливее они многих, потому что в увечии своем или несчастии познают Господа.

Если же не хотят смиренно покориться, нет мира для них, и попадая под влияние сатаны – они мучимы им, ибо Господь отварачивается от непослушных Ему. В Книге каждого из вас есть предназначенное вам от века; но вы можете просить Творца вашего помочь вам это спокойно и тихо пройти, если будете просить этого без внутреннего ропота, Господь поможет вам, поддержит вас в трудный момент, пошлет утешение; и идя мирно, без зла, без ропота, слушаясь во всем своего великого Отца и исполняя Его приказания – всегда вы дойдете до места всем вам обещенного. Всем Господь Иисус Христос сказал, что могут они быть участниками Брачного Пира, лишь бы одежда их подходила по своей чистоте и целости, ибо в неподходящей одежде никто не будет пропущен туда. Значит, ДЛЯ ВСЕХ ВАС ПРЕДНАЧЕРТАН этот Пир Брачный,

только если будете идти безропотно и любовно той дорогой, которая предназначена для вас. Одному – короткий путь и легкий, другому длинный и каменистый, иному с большими трудностями – каждому свое. Почему так? Знает Он, Отец ваш, а вы не поймете, пока не вырастите. Значит, *идите данным вам путем,* не задавая вопроса, "почему именно мне этот путь дан?", "почему другой идет легко и весело?" и т.д. "Да будет воля Твоя": вот слова, которые должны быть теми перилами вашей лестницы, которые должны уберечь вас. Ни один вздох не должен вырываться *внутри* вас. Если вам тяжело, смиренно просите Господа, непрестанно проникаясь мыслию, что воля Его для вас свята. Просите Его только помочь вам исполнить ее. "Господи, да будет воля Твоя".

Беседа VII

Нужно вас учить молитве за ваших умерших. Если человек умер телом, он не может больше творить добрых дел и этим лишен возможности загладить свои грехи. Значит о нем надо больше просить, чем о живущих в теле. Если вы хотите, чтобы вами самими сделанное, тоже греховное, противузаконное было прощено, прося об этом, старайтесь сделать возможно больше такого, что стало бы плюсом для вас, и тем восполнило минус сделанный вами.

Вспомните притчу о Неправедном Управителе: увидав, что господин его узнал о нехорошем поведении его, он – позаботился скорее приобрести друзей, которые впоследствии помогли бы ему. Для этого он постарался взять на себя долги других должников своего господина и тем уменьшить их уплату ему, то есть уплатить за них ИЗ СВОИХ СРЕДСТВ ЛИЧНЫХ. Таким образом, должники, будучи облегчены в уплате, оставались в нравственном долгу у управителя. И если бы пришлось ему остаться без места, они натурально помогли бы ему. Так должны и вы поступать при жизни, подражая "догадливости" управителя. Если вы при жизни об этом позаботитесь, будут у вас благодарные вам должники. И отдадут молитвой за вас. Берегите в памяти своей, что может и вы должны нравственно тому или другому усопшему, и молитесь за них. Это ваша обязанность, ибо каждый грешен, и жаль вам его, при сознании, что дух его отошел и тело в земле осталось, не исполнив всего по заповедям Божьим. Просите в молитвах Творца о прощении грехов умерших: "Господи, прости грехи рабам Твоим... ибо не знали что делали. По милости Твоей великой отпусти им согре-

шения их. Да будет воля Твоя". *Каждый своими словами молись.* Я объясню значение молитвы, чтобы понятно было в корне. Старайтесь "платить долги за других", или уменьшать их, чтобы возможно более иметь должников вам. И сами припоминайте, не должны ли кому, чтобы отдать долг ваш теперь, когда должник ваш остался отстраненным и без места. Примите вы его в свое сердце и просите Создателя внимательно о нем.

Беседа VIII

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Пастырям*

Истина должна быть полна и ясна, в ней ничего недоговоренного не может быть. По своей окаменелости сердечной, ее не понимают, а потому не скупитесь и не ленитесь говорить о ней и объяснять и повторять много раз, помня, что дети нуждаются в повторении и подробном пояснении, потому что они дети. Настойчиво и терпеливо учите о Свете и указывайте, чтобы овцы ваши увидали наконец, светлую точку в своем мраке и чтобы обратили на нее внимание свое, сердцем своим заинтересовались бы.

Пастыри, мало вы знаете своих овец, а они вас и того меньше. Старайтесь встречаться с ними и вне храма, собирайте их вокруг себя, уподобьтесь пастухам в поле, стерегите стадо свое от волков и бодрствуйте особенно, когда наступает тьма, когда хищники легко могут подойти незаметно и взятая овца не будет сразу бросаться в глаза своим отсутствием. Не бойтесь быть смешными или непонятыми, исполняйте свой долг, потому что иначе спросят цену пропавших с вас из вашего стада. Помните, взыщется с вас, потому что дано в руки вам и отвечать должны будете, если небрежно отнесетесь, ибо знаете, Кто вам дал и знаете, что должны отдать Ему.

Кто из нас думает, что не может сделать большего – ошибается; только должен подумать в себе, так ли делает, как должно и как учил Сын Божий. И увидит, что далек он от учения Христова и усовестится, в сердце своем, и увидит, что "служит двум господам", а потому и результат скорбный. Такой пастырь не является достойным

---

* Несомненно, что это, в простоте своей, благодатное поучение специально *пастырям*. Как и в следующей IX-ой беседе "не в бровь, а в глаз" идет ко всякому из нас, пастырей. Это прямая речь к ним Божьего Ангела. Прямая это была речь и к моему молодому пастырству. А.И.

управителем; он не верит Поставившему его, ибо проповедуя Истину, сам не идет за Ней. Пусть каждый из вас подумает о том, что Поставивший их сказал: "голос ваш должны знать овцы". А разве ваши овцы знают его? За своим постухом они безбоязненно идут, ибо знают его и верят ему, а вам разве верят? Не верят, потому что не видят вас постоянно, яко ведущих, пасущих и не знают силы и крепости вашей; если нападет кто на них, сумеете ли оборанить, отнять, и, в случае ранения, залечить, помочь? Покажите же силу вашу, мощь вашу, как служители Поставившего вас.

Если Он поставил вас, то дал вам и оружие и щит, и броню, и лекарство, и бинты, и все что надо для вашей службы у Него. Значит, знайте, что вы сильны, ибо иначе не поставил бы вас во главе, пасущими стадо Его. Сознайте в себе эту мощь. Она дана Поставившим вас и состоит она в молитве и посте и служении Ему. Мощь эта делает вас непобедимыми для врага человека – диавола, и оружием – знамением Креста – вы парализуете его. Значит не бойтесь, если увидите, что приблизились волки к стаду вашему, и собрав его, безбоязненно идите отнимать жертву а овцы, видя силу вашу и веру в эту силу, и результат, и сами не будут разбегаться, а наоборот, все теснее будут толпиться вокруг своих пастухов.

К чему речь моя – поясню. Пасомые видят, что пасущий шатается сам: например, по многим причинам *не говорит того, что надо и тому, кому надо,* – "шатается"! *Жизненные интересы ставит часто прежде всего* – "шатается"! Не относится с должным вниманием к таинствам, хотя бы крещения, покаяния, – "шатается"! *Не шатайтесь* и станьте на ноги твердо, т.е. поверьте Поставившему вас, а поверив полностью Ему, доверьтесь, положитесь, на Его руку. Тогда не страшно вам будет *выполнять свои обязанности* так, как говорит вам Господь Бог. И не страшно будет вам тогда твердо итти вперед, не считаясь с выгодой своего слова. Не будете страшиться немилости "сильных мира", но будете свободно учить их тому Свету, который вручен вам.

Значит, пусть каждый из вас прежде всего остановит свое внимание на себе и подробно, в деталях рассмотрит свое "я", и примеряя к себе только что сказанное мною; и пусть совестью определит процент исполняемого им по Евангелию и Заветам Господа Бога. Пусть спросит себя, хочет ли он твердо итти дорогой узкой, тернистой, не покладая сил и не щадя здоровья, без устали вести стадо свое туда, куда поручил ему Господь. Если так, пастырь, если ты чувствуешь, что хочешь и должен делать, – то иди,

иди не боясь никого, иди свободно и весело, с радостным* сердцем собирай овец, зови отставших, вытаскивай провалившихся в ямы, лечи и перевязывай больных и раненых, помагай уставшим. Говори им, беседуй с ними, объясняй, проси, увещавай мягко и ласково, терпеливо. И привыкнут к Твоему голосу и *будут знать тебя* и без тебя не пойдут в путь.

Отбежавших и непокорных не наказывай проклятием, но постарайся, чтобы знали они, что ожидаешь их и скорбишь, а если вернутся – поступи, как сказано о Блудном Сыне. Отнесись со вниманием ко всякой мелочи, не оставляй самого незначительного вопроса без *подробного* ответа. Если не будешь знать сам, обратись ко Господу и Господь вразумит тебя и вложит в уста твои нужное.

Обратите, пастыри, внимание на исповедь. Разве так должно исповедываться? Вразумите, объясните, что *каждый грех отдельно* должен быть развязанным через вас, иначе он остается связанным. Мало придти и сказать: "я грешен", надо сознать отдельно каждое свое противузаконное действие или слово, или мысль, сознать греховность этого, сожалеть искренно и раскаявшись нелицемерно, сказать священнику; и тогда лишь отпущенный грех – *развязан*". Не понимают этого, многие не знают, а вы недостаточно поясняете. Обратите внимание и на то, что исповедующиеся иногда не знают, что называется грехом, потому что плохо знают Закон. Научите же сначала овец, подробно и много толкуйте им, а своею жизнию показывайте пример, но нежно и мягко, отнюдь не грубо и не сурово, а терпеливо и кротко, не сердясь и не крича.

Помните, что работа сеятеля трудна, если не знает полей своих, если не оберегает их. Заботьтесь же о почве, ухаживайте за землей и посеянным в ней, бережно ходите около всходов, а не взошло, – сейте снова и снова.

Тогда только и будете теми пастырями, *за голосом которых пойдут овцы* и приведете все стадо и о каждом дадите отчет подробный, и если и пропадет которая, то вы, исполнив все, как указано вам, не будете виноваты и не взыщется с вас. И так: верящий в Господа и любящий Его исполнит Завет и Слово и возлюбит брата своего, а возлюбив – постарается о спасении его. Пастырь, по совести отнесшийся к обязанностям своим, сделает много, сделает все, потому что Господь Бог поможет, видя желание его. И повернете мчащихся бессознательно в гибель братьев ваших и отделите их от сознательно идущих с диаволом.

---

* Небо не хочет от нас никакой мрачности! А.И.

Да будет воля Твоя Господи. Благословенно имя Твое во все времена. Аминь.

Беседа IX

Еще пастырям: Подходит время жатвы. Приготовьтесь и озаботьтесь, чтобы незнающих об этом не было. Колос и с небольшим количеством зерна возьмется жнецами, но горе тем, кто дал пустоцвет; будет он выкинут из снопа или обойден жнецами и останется и будет приобщен к плевелам и сожжен вместе с ними. Пусть *временный хозяин поля* (священник) озаботится не дремля, чтобы оберечь его от птиц и насекомых. Пусть чаще ходит на свой участок, осматривая каждый колос и уничтожая вредящих зерну червяков. Помни, хозяин, что ты временно это поле имеешь и Владетелю дашь за него ответ, если будет твой сбор меньше, чем должен он быть. Потому позаботься, не думая о труде обхода каждого колоса, и о том, что их так много. Если увидишь, что сломался один, оберегай, что бы не зацепил он другие около себя. Если нужно подвязать – сделай это. Если видишь, что сохнет, полей. Если ничего не помогает и видишь, что гниет – вырви и выкинь, чтобы по небрежности твоей не пропали бы и еще колосья. Хозяин, не бойся пройти в самые густые места, ступай осторожно, чтобы наклонить, но не сломать и отклони колосья, раздвинь там, где густо и мало света, пропусти его, обрежь сорную траву, заслоняющую свет.

Беседа X

Хотим правды и чистоты, но не можем осуществить их. Не можем, *потому что не хотим*. Ведь "просто хотеть", это значит тлеть, а нужно горение, жар сердечный. Когда тлеет что либо, а не горит, – легкий ветерок может загасить; огонь же, разгоревшись, ветра не боится. Разгоревшееся большое пламя освещает все вокруг, согревает и оживляет.

Многие не могут итти путем духовной жизни, потому что не хотят и не понимают разницы между огнем и тлением. И не поймут, если не захотят.

Иногда у человека мелькает мысль: "не дано мне" (то духовное, что дано Другим). Или: "если бы и мне Господь дал то же!" Захоти,

загорись и получишь много больше. Ты тлеешь, не горишь, оттого не получаешь.

Разные мысли борются в человеке. Многие насильно замыкает он в своей голове, хочет принять только мозгом, а мозг не может всего принять, бунтует. Не принимает иногда мозг того, что уже знает *дух*.*

Иногда неправильное, чисто-мозговое смирение показывает человек, говоря: "не достоин я высшей жизни"... И это парализует в нем всякое святое искание, и воля Божия не исполняется. Но путь любви открыт каждому, и *много возлюбивший* – имеет великое достоинство. "Прощаются грехи ее (души) многие, за то, что *возлюбила много*". Желание много любить, есть уже начало большой любви.

Вот что часто мешает: трудность, *всех и за все простить*. Трудность отстранить от себя всякий суд над другим человеком. Казалось бы *всепрощение* (предание всего Богу) не трудно. Но бывает, что не только "не можешь" простить, но и (такая мысль приходит) будто "нельзя простить". Надо быстро заглушить это терние, пока оно не "заглушило истинных всходов".

Откинуть надо от себя мысли запутывающие и действия грязнящие. Иначе в духовной жизни будем подобны человеку, руками грязными берущего светлую одежду. Светлая одежда – это молитва наша и жажда правды. Для такой одежды надо руки вымыть. Иначе пятна на ткани останутся от грязных пальцев.

Омойся, человек, и тогда смело протягивай руки к этой одежде. Одевши ее будешь невольно остерегаться всего грязного и сядешь так, чтоб не замарать свое платье.

"Тлению" способствует еще *лень*. Порыв есть, но остается порывом и дальше не идет.

Многое может сделать человек в духовной жизни, *если будет жаждать*. Сможет много более, чем даже себе представляет. Тлеющая искра духа пусть раздувается терпеливо, осторожно, пока не образуется огонек. А огонек может перейти в большой огонь.

---

* Ясное здесь и прямое указание на связь истины с духом, духоведением более, чем с интеллектуальностью. А.И.

Беседа XI

Приближаются дни, в которых многие не могут разобраться. Дни смуты и непокоя *для тех, кто шатается.* Твердо стоящие на ногах и ощущающие почву под ними, будут во всем полагаться на волю Господа и стараться, не соединяясь со злом, распространять добро.

Смутными днями могут быть названы дни, когда человек неуравновешенный чувствует беспокойство, волнение и страх, и это все занимает его сердце и мозг, и он, поддаваясь своим переживаниям, отодвигается от Господа, и делает ошибку за ошибкой.

Сеющий эти чувства (злой дух) пробует почву, и если она "принимает", то посеянное быстро растет и заглушает всходы Божьего посева.

Будьте готовы к таким дням... Помните, что и *они от Господа,* а потому *не бойтесь и не страшитесь,* обращая взор к небесам, *твердо зная, что Дающий их, не даст не по силам...*

Беседа XII

"Не мудрствуйте лукаво" – что значат эти слова и в чем их смысл вы будто понимаете, но не все одинаково и не все так как должно. Что значит Мудрость? МУДРОСТЬ есть – Господь Бог. Кто приближается к Нему, на том почивает мудрость Бога, ум его ясен, не затемнен. Значит, казалось бы, что мудрость не есть грех, но Сын Божий говорит: "Не мудрствуйте лукаво". Значит есть две мудрости, различные между собой. Остерегайтесь этой последней, лукавой, потому что исходит она от царя лжи и лукавства. Что значит "ложь", вам понятно, потому что она часто встречается в жизни у вас и распознать ее вы умеете. Лукавство же есть ложь, которую трудно для всех распознать сразу. Лукавство и состаит в том, что имеет не ясное основание, а чтобы добраться до грунта, на котором стоят эти основания, надо затратить много сил и энергии, а иногда и времени. И каждый из вас останавливает на этом свое внимание, и опираясь на данные основания, верит этой лукавой лжи, повторяет ее и поучает ею других. Вот против этой лукавой лжи, мудрствования необходимо предостеречь вас. Если мы, христианские

учители, учим вас чему либо для вас неосязательному, мы говорим вам только: верьте нам. Царь же лжи, в то же мгновение, вселяет в вас мысль: "зачем верить, подумайте, размыслите" – и вот вам все основания к опровержению того, чему вас учат. И если вы подчинитесь сему, не подумав, то мысль эта пускает в вас корни, вы начинаете верить основаниям, иногда очень неясным и туманным, начинаете строить на них свое здание мысли, строите этаж за этажом, не проверив грунта и не зная на сколько он тверд, и этим зданием стараетесь затемнить себе и другим то, что дается вам светлое. Очень часто такое здание высоко и чрезмерно тяжело, но уверяю вас, что как бы не было оно вместительно и крепко на вид, оно рухнет в час вашего перехода в высший мир. Только тогда сможете вы понять, что значит: не мудрствуйте лукаво. Обратитесь к Высшей Мудрости, и Он вас просветит, если хотите проверить слова учения. Если вы мыслите о чем либо, стараясь понять непонятное для вас, и открываете в это время сердце ваше Создавшему вас, ожидая помощи Его, Он поможет вам и как бы озарит светом во всех мельчайших подробностях неясное и неуловимое для вас. Если же закроете свое сердце для Бога и будете работать своей головой, не вспомнив даже о Нем, сатана будет руководить вашей мыслию. Если примите на веру учение наше, то если сатана даже и будет стараться вложить камень сомнения в вас, вы не впустите его. Говорю про камень, потому что не вместится он, будет не на чем ему лежать, и без грунта провалится.

И так понятно для вас теперь, что значит мудрость лукавая и почему она опасна для людей. Ясно теперь, что человек должен быть мудр, но мудрость его должна исходить от Господа Бога. Этой мудростью вы можете отличить доброе от злого, этой мудростью вы можете заслужить прощение и достигнуть Царствия Божия. Ребенок всегда просит родителей, если чего либо не понимает, а если кто ему пояснит, то он поверит, спросив у матери или отца. Значит, не мудрствуя лукаво, во всем спрашивайте Отца вашего Небесного. Как добрые дети, не пологайтесь на свой разум, или подсказку. Проверяйте ваши мысли, останавливайтесь на них глубже, и если видите, что грунтом является лишь ваш собственный мозг, откидывайто эти мысли, как ненужные вам. Вот что значит: "не мудрствуйте лукаво". Слава Святой Единосущной и Нераздельной Троице во все времена!

Беседа XIII

"Будьте как дети". Что значит это? Понятие о ребенке у вас есть определенное: ребенок не разумен. Ребенок доверчив, он плачет, он просит того, чего не может достать сам. Ребенок привязан к матери. Ребенок не сознает опасности.

Значит ребенок отличается от взрослых и зрелых людей. Человек выростает и из доверчивого ребенка превращается в гордого своими знаниями и умом и потому недоверчивого, сомневающегося. Если вы ребенку скажете, что лисица говорит – он не будет сомневаться и поверит вам. Попробуйте уверить гордого своим умом в чем либо, чего он не может осязать – не поверит вам и вас же будет злословить. Если вы дадите ребенку бумагу и скажите, что это кусок железа, – он возьмет и проникнувшись своей верой – услышит, почувствует тяжесть и холод железа, между тем как гордый своим умом зрелый человек, беря даваемое ему железо, разложит его на несуществующие элементы и будет с вами спорить. Ребенок, прося чего нибудь и плача, успокаивается, если мать ему скажет: "нельзя". Взрослый же человек будет добиваться, несмотря не только на запрещение, но и на подробное объяснение, почему это нельзя. Ребенок идет доверчиво за матерью или опекуном даже в огонь, человек же, когда его тянут к свету, поясняя опасность тьмы – упирается, не веря и предпочитая тьму, – вот на этом и остановите свое внимание. Почему такая разница и почему указано вам: "будьте как дети".

Ребенок имеет на себе первородный грех, но уши его не запачканы, а руки не совершили преступления. Дух его не колеблется, а потому видит то, чего не может колеблющийся. Глаза его чистые и невинные созерцают ангелов небесных и он в радости улыбается им. Он, не познавший зла, и не откликается на зло, и сатана не смеет подступить к нему. Потом глаза его понемногу начинают останавливаться на злом и, воспринимая зрением, он грязнит их, а с ними и сердце свое; и при первом же загрязнении, закрывается небесное видение и начинается человек.

Значит, "будьте как дети" – будьте чисты; будьте с их верой без рассуждений и обходов. Идите за своим Учителем. Не просите, если говорят вам "нельзя", не спорьте, не надейтесь на ум свой, не противоречьте и не доискивайтесь. Положитесь на учащего вас Евангелием и помните, что ничто вы без своего Создателя. "Будьте как дети", – значит ничего сами не трогайте, никуда не лезьте, чтобы не упасть вам. Ждите, чтобы старшие помогли вам, дали

или поднесли. Не идите сами, без провожающих, держитесь за них. Отшатывайтесь от тех, против которых остерегают вас. Любите Отца вашего небесного, как ребенок любит мать свою. Ему никто не заменит ее, никто не будет милее и дороже – пусть же и вам никто не заменит Того, Кто должен быть вам любимым, Господа Бога. Ребенок кричит до тех пор, пока не услышат его, – кричите и вы; "будьте как дети" учит Спаситель, значит во всем уподобляясь им, откиньте злобу и тяните руки ваши, не полагаясь на свой разум, чтоб, если упадете, поддержали вас и чтобы вам не покалечиться.

Ребенок на руках матери ничего не боится – вот и вы почувствуйте себя безопасно около Отца Небесного, положитесь на Его могущество и силу. Тогда Господь обережет вас, потому что Отец любит своих детей, доверяющих Ему и любящих. "Будьте как дети" – любите друг друга без различия, ибо дети играют и любят друг друга, будь один сыном царя, а другой бедняка. Будьте как дети.

Беседа XIV

Все время брасаются семена ангелами-хранителями. Некоторые засыхают сразу же, потому что ум человека их не принимает, а в сердце они не попали, ибо сердце человака заполненно другим, противоположным, не соответствующим.

Иной человек принял что либо, но не заботится об уходе за ростком, не дает влаги. И хоть проросло зерно, но засохло или засыхает. Тревожит ли это людей? Нисколько. Они даже не замечают этого, большей частью. Многие, услышав слово противоречащее их взглядам и привычкам, не находят ничего лучше, как опираясь на гордость ума своего разрешать просто и скоро то, что не могут вместить и – бисер растоптан ногами!*

Но хотелось бы поддержать тех, которые веруют Откровению Божию, не искажают слова вечной мудрости, и совести своей, чрез которую входит человек в общение с миром небесным.

Не нужно смущаться незаметностью шагов своих. Лучше пусть очень медленно, но продвигаться вперед, раздувая маленькую тлеющую искру, осторожно и внимательно оберегая ее от вихря злобного и богопротивного.

Не надо ни уныния, ни растеренности, когда видна невозможность сделать многого. Выпрямившись, пойдем, отдавшись воле

---

* Оттого не всем и не сразу открываются тайны Божьи.

Того, Которого мы дети. Иной думает: "все пропало, я погиб". А надо думать и говорить: Боже Милосердный, помоги мне, Господи, очисти меня, как избранный сосуд, и не давай остаться тем, чем я являюсь – черепком грязным, предназначенным к уничтожению – по своим делам. "Ты, Господи, очисти уста мои, исцели душу мою, исправь разумение мое, мысли мои, открой глаза и уши мои, и я буду славить Тебя, Господа моего во веки веков. Господи, помилуй меня, я нищий и убогий протягиваю грязную, гнойную, больную руку мою и прошу подаяния от Силы Твоей. Господи, подай, прими вопль мой, услышь просьбу мою. Господи, помилуй...". И услышит Господь. И подаст щедрую милостыню спасения.

Если вопль *будет итти из сердца*, разве не услышит Тот, Кто создал это сердце? Разве останется какой человек глухим к зову своего ребенка, просящего: "сними, меня душит, мне больно"? Разве не бросится он помочь, как только услышит эти слова, и сделает все, чтобы облегчить, спасти и обрадовать свое дитя, беспомощное и больное? Мужаться надо, надеяться, просить, просить неустанно.

Беседа XV

Слова мои будут относиться к некоторым. Коснусь глубоко скрытого смысла слов: "достойно покайтесь Господеви". Что значит: "достойно покаяться"? Объясню. Преклонив колена перед Господом всего, искренно пожалеть о своих проступках и, главное, сознать их горечь, т.е. мерзость своей неправоты. Многие понимают, что сделали не так, но в душе своей всегда находят себе оправдание. Грех имеет свою мирскую сладость для грешника, человека *душевного,* и пока этот человек не начнет делать себя *духовным,* он не поймет и не почувствует этой "горечи" греха. Какой же способ наиболее применим к переделыванию (чтобы вам понятнее было) себя из "душевного" в "духовного"? Укажу сначала самый примитивный, как младенцам, а потом и более строгий, как подрастающим. На что бы вы ни смотрели из окружающего, всегда останавливайте внимание во всем на Премудрости Господней. И беспрерывно ваш разум будет удивляться. Это удивление есть проявление духовного. Все наши чувства будут удивляться, – и сила *этого удивления рождает духовного человека*. Есть, пить, спать без удивления доступно и животному, и это дает сладость "душевную". Человек, в этом не возвышается над животным, но "унижает" себя,

еще больше придавливает, сказал бы и остается *безмолвным духовно*. Не замечая Премудрости, он не имеет и страха разумного, а без страха не боится переступить недозволенное и переступает, не сознавая горечи, а значит и кается без нее в своих грехах (покаяние – для виду).

Достойное покаяние, это покаяние с горьким чувством духовным. "Я сделал не так, как приказал Господь", – сказать так мало. Надо, чтобы эти слова были так горьки, чтобы сознание в этой своей вине было столь ужасно, что и сам поступок обрел отвратительный горький вид и чтобы мерзость его отталкивала в мыслях, в *духе* вашем. Трудно это сразу обрести, но необходимо. Сладость сильна, если нет страха. Любовь и страх обуздывают человека и заставляют следить за собой. Достойно кающийся, при каждом взгляде вокруг себя в мире, увидит и поймет, насколько он виноват даже в самом будто невинном проступке, ибо Тот, перед Которым он провинился и Которому кается, Совершен во всем, даже в пылинке летающей, велик и страшен в Премудрости Своей, и смерть и жизнь Ему повинуются.

Что же, после этого, человек? Не ужас ли? Не горечь ли от самого малого ослушания Бога? Очень сладкое и привлекательное для "душевного человека" делается неприемлемым при размышлении духовном, и сладость исчезает, а горечь остается и увеличивается при сожалении, что это сладкое "съел" – совершил.

Значит, стремитесь возбудить в себе это удивление. Через него, при любви, родится страх перед Премудростью и собственным ничтожеством. При любви ничего нет невозможного. Будете достойно каяться, со слезами и горечью внутренней, когда явится эта горечь; захотите сами отталкивать кажущуюся сладость греховную, и легче вам будет бороться со злом. Такая борьба примитивна и по силам дается каждому. Будете сильнее, и оружие будет тяжелее. Я здесь хотел ответить некоторым на вопрос: "почему *нельзя,* если *так приятно*", и объяснить, каким образом можно родить в себе сознание горечи греха, и как добиваться исполнения слов "достойно покайтесь".

Благословенно Имя Господне во все времена.

III

ПЕРВЫЕ СЛОВА В ХРАМЕ

11 Евангелий слышатся весь год, за всенощными под воскресенье. Это – Евангелии о Воскресении. На 11 частей Церковь разделила евангельское слово о том, что составляет сердце Ея жизни, дыхание Ея уст, начало Ея веры.

Глубина Воскресных Евангелий неисчерпаема. И, если от каждого зачерпнуть, малостью своего разумения, хотя бы по одной благовонной капле, – дивишься любви Божьей, теряешься в смирении Божьем, и славословишь Бога за все.

СОМНЕНИЕ

1-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Матф. Гл. 28, ст. 16-20)

Одиннадцать учеников идут, по слову Воскресшего Учителя в Галилею, чтобы опять Его увидеть. Приходят, видят, поклоняются... И опять сомнение проникает к ним. Не все, но — «некоторые усомнились».

Удивительно живуче в душе человека сомнение. Оно не считается ни с чем, оно имеет свои законы — законы раздробленной грехом, не имеющей непосредственного знания бытия, души человеческой. Подлинное *знание всего* — потеряно человеком, ибо потеряна целость души. Грех разбил душу, это ясное зеркало совершенств Божьих. Познание Истины верою есть *воссоздание первого всеобъемлющего знания*. Вера есть воссоздание души человека и ее высшего знания. Но разбитая душа, привыкшая постигать все по малым кусочкам, питаться крошками, — относится болезненно к требованию отречения от низшей жизни человеческого так наз. «разумного» знания, во имя высшей жизни — веры Христовой. А надо по плану Божьему — чтоб человек отрекся от себя, от своей низшей жизни (которая в нем лишь как следствие грехопадения), и принял бы свободно новый порядок мира, устанавливаемый Евангелием. Фундамент этого нового высшего порядка жизни есть *вера*, которая дает человеку то высшее знание, которое тщетно ищет человек своим ветхим умом,

«всегда учащимся и никогда не могущим дойти до познания истины» (2 Посл. к Тимоф. Гл. 3, ст. 7).

Апостолы не верят... Апостолы сомневаются... После всего! Сомневаются — уже поверив всему, уже все оставив, уже совершив путь в Галилею. — Вот она природа первородного греха в душе человека, колебание и страдание отделенной от Бога человеческой души, изгнанной из Рая!

Воскресные Евангелия говорят не только о великой вере, но и о великом сомнении человека. Апостольская вера — глубина веры, апостольское сомнение — вершина сомнения. И то и другое *уже было* в человечестве пред лицом Распятого и Воскресшего Бога. Пройдено сейчас и то и другое. И как мала и слаба бывает часто наша вера, так жалко и ничтожно, уже всегда, наше сомнение. Апостолы в сомнениях своих искупили нас от сомнений. Христос воскрес, и в будущем воскресении мира прославит всех, кто поверит, что это не только было возможно, но что иначе и быть не могло.

Сейчас, видя окружающую нас внешнюю жизнь мира, и слыша над этой жизнию Евангелие о Воскресении Христовом, безумно и немыслимо не верить Воскресению. Что такое мир — без Воскресения Христова! Бессмысленная и жалкая паутина тупого страдания и умирания в холодном пространстве. Никакой бред человеческого неверия и сомнения не имеет силы привести нас к вере в пустое небо и в мимолетную землю. Мироздание без евангельского смысла есть открытая бездна небытия.

Не верить в Воскресение Христово — *невозможно.* Оно есть воссоздание всего отпавшего, возвращение блудного человечества в Дом мира и радости Отца вселенной. Какое блаженство в исповедании этой веры, блаженство, которого быть бы не могло, если бы вера эта не была утверждением истины.

ТРЕВОГА

2-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Марка, Гл. 16, ст. 1-8)

Люди двигаются по старым дорогам в страшную минуту Воскресения. Но уже совершилось то великое и дивное, что должно переменить их путь, — не внешнею переменою (ибо и после Воскресения Христова люди в этом мире будут рождаться и умирать по-старому), но внутреннею, небесною переменою. Всему движению земному дается отныне небесный ход.

Святые Мироносицы идут ко Христову гробу. Выходят еще в темноте; чем ближе подходят, тем более светает. У гроба Господня их встречает солнце. Идут они, и о чем же говорят? . . Они в заботах: кто отвалит им камень от гроба? Ведь он — тяжелый.

Конечно так нужно говорить, конечно так следует рассуждать, но лишь — *если не воскрес Господь,* если Господь лежит во гробе, как человек, и как человек не может встать.

У гроба Христова испугались Мироносицы, так, что даже не могли потом исполнить повеление светлого мужа — передать апостолам о виденном. Они испугались, были объяты таким трепетом потому, что Воскресение Христово было для них не только земною, но и небесною неожиданностью. Они бы очень испугались, если бы ангел отвалил пред ними тяжелый камень смущавший их, и они бы с небесною помощию помазали Тело Иисусово. И здесь можно было бы удивиться. Но когда, после заботы о тяжести камня, пред ними открывается само Воскресение Христово, тогда они, воистину, могли и должны были онеметь для мира. И

они онемели, не могли сказать ничего — даже апостолам.

Так и мы в мире, идя праведным, хорошим, но только человеческим путем, заботимся часто лишь человеческою заботою об успехах нашего того или другого дела. Внешние обстоятельства — кажется нам — могут нам помешать. Во всех, даже самых добрых делах, ищем прежде всего человеческих рук помощи, идя ко Христу думаем о камнях, которыми завалил Его мир, и ищем людей — отверзателей Христова Гроба.

Но Господь во гробе, только, чтобы дать нам легкий подвиг веры, и за этот подвиг спасти нас. Потому, уже наученные Мироносицами, мы, идя ко Христу, идя ко всякому доброму делу жизни (ибо во всяком добром деле Христос), не будем страшиться камней. Какой бы тяжести они ни были, они — призраки для нас, *если мы идем ко Христу*. Мысль простая раскрывается здесь: ищущему Христа надо *только о Нем* думать, не смущаясь никакими человеческими смущениями. Все что в мире мешает нам уверовать во Христа, принадлежит гробнице Христовой. Всякое сомнение во Христе есть человеческое сомнение, не имеющее части со Христом. Всякое доброе дело в мире, и истинная вера во Христа совершается Благодатию Духа Святого. От нас только желание — простое и сердечное.

Желая укрепить свою веру, или идя на какое-нибудь жертвенное дело в жизни, не будем унижать Благодати Божьей разными сомнениями и смущениями. Всего благого совершитель — Сам Господь.

Всякий смущающийся в вере своей, и в добрых делах своих, и надеющийся здесь на людей, подобен человеку, тревожащемуся величиною камня надгробного на гробнице Воскресшего Христа.

ВОЗВЫШЕНИЕ

3-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Марка Гл. 16, ст. 9-20)

Всякое ложное учение об Истине, есть змея, всякое восстание на Спасителя-Богочеловека, есть смертоносное питье; все это жалит душу смертельно, отравляет ее и усыпляет на вечность сном отравы. Истина покоит и живит сердце, ложь — мучение сердцу и смерть подлинной жизни сердца.

Все в мире сем падшем, несущемся к своей последней гибели — ополчается на жуткую чистоту Христову. Чего только ни выдумывает мир, чего только ни делает, чтобы скрыть от людских сердец свет сходящий с неба. Не надо быть особо духовным человеком, а только честным и справедливым, чтоб увидеть нашу старую землю, кишащую змеями и сверкающую смертоносными источниками вод. Наш глаз пригляделся ко злу, мы привыкли не замечать опасности, да и Господь, жалея нас, скрывает от нас худшую часть действительности, чтобы мы не изнемогли, сохраняет нас и покрывает. Но Господь не отнимает от нас свободу определения к добру или ко злу, ибо в этом смысл нашей временной жизни.

Искушения зла ведутся в области нашей свободы. Мы все можем устоять, но не все стремимся устоять в истине и чистоте. А враг бесплотный борет нас не ежедневно, но ежеминутно. Устоять от зла можно только если привязать себя как тоненький прутик к непоколебимому стволу вечной истины и высшей полноте жизни, — ко Христову стволу. Довериться всецело Тому, в чьих устах от века не было лжи, уверовать во Спасителя и полюбить Его больше своей жизни, поставить Его выше рассуждений своего ума, в случае сомнений, — вот что будет значить возлюбить Бога

«более своей жизни». Христос есть Живой Бог спасения, милости и любви. Привязать себя к этой любви можно только верою в то, что Христос есть Бог Воплощенный, и что все слова Его — жизнь вечная для тех, кто исполняет их. И вот на это привязывание, которое ждет Бог от каждого из нас, и ополчается со всею своею злобою и неистовством, обреченный темный хозяин этого мира, конвульсирующий сатана.

Предтечи лжехриста, пользуясь для своей цели трудностью борьбы в мире против похотей мира, кричат о «нежизненности» Христова учения. «Требованиями природы» называются требования греха. Тысячами и миллионами люди отдают без сопротивления свои сердца развязному и бесстыдному греху, начиная свое падение чрез укус сердца неверием в будущее праведное воздаяние.

Неверующее сердце слабо и неосновательно пред грехом. Вот отчего вихри мирового зла развеивают веру в мире.

Но как бы и кем бы ни развеивалась в мире вера в будущий *мир Христов, — всякий, призвавший имя Господне, спасется.* Так будет при конце земли, так есть и сейчас. Всякий нелицемерно призвавший Христа — спасется верою своей, ибо везде Господь, как и святое Его Имя.

Всякий призвавший, поверивший, потекший умирающею душою к чистому источнику Христову, получает от Бога власть брать змей и давить их, выпивать смертоносное и пребывать здоровым. К тому, кто хранит себя, сатана не прикасается смертельным своим дыханием, — бушует вокруг, заходит в самую грудь, сжимает сердце, — но не смеет, не может войти во святое сердце человеческое, и человек спасается своею попаляющею сатану верою. Верующий просвещенный ум, как огонь, сжигает все ухищрения зла. Благодать Духа, открывающая ему высшие познания, сияет в нем, преображая весь его состав.

Истинная вера не слепа, она не отмахивается от искусительных вопросов и шопотов, она прямо смотрит в глаза всякому злу, видит его насквозь и обличает. От этого у истинно верующих людей небесное спокойствие в сердце, блаженная и непоколебимая тишина в душе. Потому что поднялись они над ползающими во прахе змеями и протекающими в этом прахе источниками мертвой воды. Нет уже мертвых вод для того, кто предвкусил радость Воскресения.

ВЕРНОСТЬ

4-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Лук. Гл. 24, ст. 1-12)

Не апостолы проповедуют вселенной, но женщины проповедуют апостолам! Господь не лицеприятен, — не название человека, но верность его вводит в Царствие Божие. Окаменели от горя, сердцами своими, апостолы, когда легло тело Иисусово в гробницу Иосифа Аримафейского. Оставалось непринятым слово, которое говорил им Учитель «Еще в Галилее».

Убоялись апостолы всего происшедшего. Не знали как быть, что делать им... словно забыли, что за иерусалимскою стеною есть место, называемое Голгофа, а рядом сад, а в саду пещерка гробовая, где лежит их Учитель.

Днем, может быть, они бы пошли ко гробу... одно лишь известно миру: они не ждали полуночи, окончания субботнего покоя, и когда окончился покой, они не потянулись с сосудами благовоний за иерусалимские ворота, противоположные горе Елеонской.

За них это исполнили жены-мироносицы. За них же они получили первую для мира весть о Воскресшем

Христе. Не за достоинство служения дает Господь любовь Свою, но за достоинство любви.

И это, только в Ветхом Завете, один первосвященник, и один лишь раз в году, мог входить во Святое Святых. В Новом Завете — всем, всякому, всегда, повсюду открыто самое великое Святое Святых — Христос. Вход к Богу не в достоинстве звания, а в достоинстве сердца. Сердце: ворота к Богу. — Как вразумляюще Господь показывает это: разбойник первым входит в рай, смиренные женщины первыми благовествуют Евангелие, благовествуют самим благовествователям.

Царствие Божие — для верных, и высшими в нем будут не высшие по земле, но высшие по небу. *Внутри нас* — Царствие Божие. Радость Воскресения сопровождается многими радостями для христиан. И первая радость из радостей, сопровождающих Воскресение, есть радость всемирного Божьего указания на то, что *все* люди — равные образы Божии, и что каждый человек может быть *самым верным* Христу.

ТАИНСТВО

5-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Лук. Гл. 24, ст. 12-35)

Умер Тот, Кто воскрешал мертвых. Сомнений уже не было. Сомнения были до самого последнего мгновения. Но когда Иосиф Аримафейский снял со креста бездыханное тело Господина, и окутали его погребальными пеленами, тогда самая последняя надежда кончилась. Уже пришли воины тогда, и стали стеречь запечатанный гроб. Апостолы отошли и съютились в разоренном гнезде, доме сыновей Заведеёвых, куда перешла жить Божия Матерь. Беспомощные, духовно теперь полуживые ученики, верующие и постыженные в своей вере,

уповающие и обманувшиеся, хотя и горячие, чистые, святые люди, — рыбаки, оставившие море, и не нашедшие землю, — уже не ученики, и еще не апостолы, они не знали, что делать. Каким оскорблениям они подвергались — конечно — на улицах: их Учителю только сейчас у Креста кровавого говорили люди: «Если Ты царь израилев, — сойди со креста»... И теперь им выходить нельзя было никуда. — Царь не сошел.

Оставаться в Иерусалиме стало невозможным. Овцы Стада стали рассеиваться. Клеопа и евангелист Лука, апостолы от семидесяти, вышли из Иерусалима... Когда они шли, Кто-то поровнялся с ними и молча пошел. Потом стал говорить, и от голоса Его, отчего то стали загораться сердца путников. Говорили о волновавших город событиях в Иерусалиме, перешли на пророчества, где открылось много нового. Был уже вечер, когда вошли в Эммаус. Незнакомый Странник хотел идти дальше, но путники предложили Ему остаться с ними, заночевать в селении. Незнакомец остался. Он возлег с путниками-апостолами за трапезу, взял хлеб, благословил его, преломил и подал им... И, вдруг, они увидели пред собою Христа, Господа своего, мертвое Тело Которого было положено в гроб Иосифом. Они — напрягли зрение, и увидели, что никого уже с ними нет. Вставши «в тот же час», говорит евангелист-очевидец, они возвратились в Иерусалим.

Мы вправе были бы праздновать этот, уже не Господень, а Апостолов «вход в Иерусалим». Пред ними никто не бежал, дети не резали ветвей и не постилали одежд под ноги их, они шли такими же, как все люди, незаметными, пыльными, но в душе у них было дивное торжество. Пелена с глаз была снята, все пророчества были поняты по новому, — они, потерявшие царя земли, нашли Царя неба. Уже по особенному услышали апостолы снова встретившие их насмешки иерусалимлян... Не малодушием, а великодушием встретили они теперь врагов Распятого. Поистине, у них переменилась

душа: была малая, стала великая. Все сделалось просто, ясно и очевидно. Кроме сознания ясности и простоты происшедшего, в апостолах горело уже теперь высоким пламенем, блаженство прикосновения к Воскресшему Сыну Божию.

Где же миг этот, изменивший апостолов?.. Где черта Ветхого и Нового Завета, в жизнях Луки и Клеопы?

Весь этот миг: *в Таинстве Святого Хлеба,* в Причащении, в Евхаристии. Пред избранными, среди апостолов, апостолами Лукой и Клеопой, Христос — *Сам* совершил Свое Таинство, преложив Свое Тело в благословенный хлеб, пресуществив хлеб в Свое Тело... Он, Хлеб Небесный, шел с ними, как бы из Иерусалима, вошел в дом, который с этого мгновения стал жилищем Божьим, Соломоновым Храмом еврейского народа! Они, в вере своей, не в малом еврейском доме с плоской крышей, — они в святейшем и чудном Храме Господнем. Сам Господь протянул им благословенный хлеб, и трижды благословенный Его Лик растаял. Господь весь перешел в хлеб, который Он передал ученикам. Вкусив хлеба, они исполнились Богом. Потеряв Учителя во внешних чувствах, они обрели Его во внутреннем стоянии души.

Чудны дела Христовы. Язык беспомощен выражать мудрость, открытую Богом. Мы, люди, разве мы могли бы лучше видеть Бога, более сыновне соединяться с Ним, чем в Таинстве Св. Евхаристии!? Мы, люди грубые, земляные, плотяные, «душевные» — какое же общение свету со тьмой? Мы тьма, Бог — Свет. Разве тьма может познать свет? Ведь как только тьма начнет познавать свет, она начнет умирать, исчезать пред светом. Между нашим теперешним человеческим сознанием и между Неизреченным Божьим Светом высшей, неземной жизни, не может существовать никаких отношений, ибо близ Бога, мы чернее самого черного цвета. Но Творец не уничтожил землю нашу, после ее свобод-

ного грехопадения. Он не уничтожает и нас, хотящих стоять в Его доме. Он хочет, чтобы мы познали бессмертие в Нем, нашем Отце. Кровь Отца — *Сыновняя Кровь* должна войти в нас. Милость Господня излита на нас в Таинстве Св. Евхаристии! Принимая вид хлеба и вина, мы принимаем истинное Тело и истинную Кровь Бога, ставшего Человеком, не переставая быть Вездесущим Богом-Творцом. Сотворена новая кровь для человека, и ее мы принимаем в себя, как залог нового, уже нетленного мира. Истинное и непостижимое касание Божества и человечества.

Как бы мы ни подошли к Чаше, мы принимаем Жизнь Бога. Подошли с верой, или подошли без веры, — всё равно: мы принимаем Жизнь Бога, Христа Господа. Без веры — во осуждение, с верою — во спасение. Пред церковными Царскими Вратами мы вкушаем бессмертие, как хлеб.

Вкушение Господа есть вкушение ослепительного сияния правды и чистоты. Как блаженны мы, что не отнято от нас это, что, сколь хотим, можем мы приобщаться Свету. Только Им мы уврачевываем наше человеческое естество. Тьма врачуется не от самой себя, но от входящего в нее света. Сами мы не можем соединиться с Богом. Но Богу все возможно. Бог соединяет нас с Собою в Таинстве Евхаристии. Пока мы живем на земле, нам надо пользоваться жизнию. Пользоваться жизнию, — это значит часто приступать к Причастию животворящих Таин.

Ученики Христовы, вошедшие со Христом в эммаусский дом, приняли Христа в себя. Они были чисты, и, сердцем своим — верны. От этого так горело их сердце при встрече с Богом. Господь пережег их Своим прикосновением. Перерожденные, они пошли в жизнь, в смятенный город Иерусалим. И для всего мира вынесли из маленького эммаусского домика, свидетельство страшного соединения Бога с человеком, чрез живого навеки Богочеловека.

РАДОСТЬ

6-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Лук. Гл. 24, ст. 36-53)

Пятое Евангелие обрывается на возвращении апостолов Луки и Клеопы в Иерусалим, после эммаусской встречи. Встреча эта, этот сжигающий сердце Спутник, это преломление хлеба, это раскрытие значения Писаний, узрение Господа, все — мгновенно — стало предметом напряженных разговоров апостольской общины. Евангелие передает кратко: «говорили о сем». Когда говорили, «Иисус стал посреди их». Никакого искусственного подъема в евангельском стиле; не сказано: «вдруг», а просто: «Иисус стал посреди их, и сказал: «мир вам». Они смутились и испугались, думая, что видят духа, но Он, Воскресший, опять сказал им: «что смущаетесь и для чего такие мысли входят в ваши сердца». И велел им посмотреть на Него, и осязать, убедиться в плоти и костях. Все в эту минуту были Фомами неверными.

Удивительное открывается неверие апостолов: они не верили — «от радости». Это неверие святых, райское неверие! Обычно человек не верует, или плохо верует, от того, что жизнь идет не по заповедям и нету в жизни чистоты. Апостолы не верят — «от радости»... Поистине была радость. Можно было не верить.

Но — было поздно не верить. Не вспомнилось, а тут уже было в каждом человеке, и на каждом предмете то «Царствие Божие, пришедшее в силе», которое было обещано и для земли. Душа великой радостию трепетала, а тело... телу надо было помочь. И, сразу же, Христос заговорил своим человеческим друзьям о теле и для тела. Он попросил себе пищи, и апостолы исполнили волю Божью, подали Христу кусок печеной рыбы и сотового меду. И Господь съел это пред

учениками. Еще раз Пречистое Тело Его показывало миру неложность своего истинного человечества. До Воскресения Господь должен был открывать тайну Своего Божества. После Воскресения люди стали нуждаться в раскрытии тайны Христова человечества. Пред Воскресеньем — гора Фавор, и свет славного Преображения. После Воскресения — свежие раны на ладонях, мед и кусок печеной рыбы.

В Е Р А

7-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Иоан. Гл. 20, ст. 1-10)

Ученики отказываются верить в Воскресение, когда слышат и видят очевидцев его, когда Мироносицы уже веруют. Апостольское неверие есть *отсутствие легковерия.* Легко и быстро уверовать можно было в слова Марии Магдалины, что Господа унесли из гроба, и неизвестно куда положили. Достаточно было для этого взглянуть на внутренность пустого гроба, и на погребальные пелены в нем лежащие. Но в Воскресение уверовать нельзя так легко. Легкость в вере есть легковерие, — его не могло быть там, где речь шла о спасении всего мира.

Среди людей современных есть не мало честно-сомневающихся в основных истинах нашей веры, т. е. сомневающихся не по легкомыслию, но из того глубокого убеждения, что если истины нашей веры истинны, то тогда вся жизнь их должна идти по-иному, чем шла до сих пор, ибо открылась тайна вечной жизни. Такие сомневающиеся люди, конечно, ближе к Богу, чем многие из «верующих», которые не рассуждая веруют во все христианские истины, но вера которых ничем не проявляется в жизни. Ведь быть легковерным можно не толь-

ко по отношению ко всяким вздорным слухам, но и по отношению к святым истинам. Не легковерен тот, который — пусть чрез самое глубокое сомнение, но *сам,* своим личным *опытом* духовным дошел до сознания веры не только провозглашающей, но и *обязывающей,* веры радости и жизни. Такой человек будет тверд навеки, не отступит от исповедания своего, и сознательно не растопчет его в своей жизни своими грехами. А легковерный, сразу могущий принять, сразу же отходит от веры. По виду он, как будто, ни в чем не сомневается, но это оттого, что он ничего не знает, и ни о чем не думает.

Первое благовестие миру о Воскресшем совершается Мироносицами не по слабости апостолов, а из-за внутренней силы, и из-за значительности самого события. Апостолам нужна подготовка. Как иногда людям особенно горячо любящим какого-нибудь умершего человека, не говорят сразу о его смерти, а подготовляют их, так и апостолов Промысел Божий подготовил к встрече, не с Умершим, но — что несравненно — с Воскресшим Господом. Отчаяние смерти не могло сразу перейти в безмерную радость Воскресения. Было бы невозможно выдержать такой переход. И Господь, спасая учеников от необходимости пережить такой переход, призывает Мироносиц и возлагает на их женственное более непосредственное естество бремя первой встречи мира с прославленным на земле Богом. Все явления Господа женщинам, — подготовка апостолов. Кроме внутренно раскрытого евангельско-психологического смысла, здесь само евангельское повествование передает, что Воскресший Господь, Сам, и чрез ангелов, повелевает Мироносицам только одно: пойти к апостолам и сказать о случившемся (у Матфея и ангелы, и потом Сам Господь велят Мироносицам идти к апостолам; у Марка ангелы говорят, чтоб жены шли к апостолам; у Луки они сами сейчас же идут к апостолам; у Иоанна Господь Сам велит Марии идти к апостолам).

Уверовать в Воскресение Христово так, как уверовали апостолы, — это великое дело, от которого начинается вера всего мира. Разве удивительно поэтому, что Господь проявляет столько заботливости и даже внешне выраженной любви к Своим ученикам. Как смягчает Господь силу Своего страшного Воскресения! — «Идите, скажите что случилось, что должно было случиться», «Идите, скажите, чтоб шли в Галилею», «Идите, скажите им, что Я жив...» И апостолы окружаются, наполняются, окутываются вестями о Воскресшем. И только, когда они наполнены уже ожиданием страшных откровений, Господь Сам приходит к ним, — уже не для явлений, а для неотложной беседы о спасении мира.

УЗРЕНИЕ

8-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Иоан. Гл. 20, 11-18)

«Унесли Господа моего и не знаю, где положили Его», говорит, плача, Мария Магдалина, и, повернувшись, видит Иисуса стоящего, но не узнает. «Женщина, что ты плачешь, кого ищешь?» — Она, думая, что это садовник, говорит Ему; «Господин, если ты вынес Его, скажи мне, где положил Его, и я возьму Его». — «Мария»... — говорит ей Иисус.

«Мария»... сказал Господь, и, по одному слову, Мария узнала Его. Трудно было человеку узнавать Христа, после воскресения Его в новой преображенной плоти. Вспомним бесплодную апостольскую ночную ловлю рыбы, когда на рассвете обозначился на берегу человек, и стал разговаривать с апостольской лодкой, спрашивать о пище, и как апостолы не узнали Господа. И только, когда вытащили чудесно закинутую, по сло-

ву незнакомца, сеть, уловившую множество рыб, тогда только молодой тайнозритель, орлино-зоркий Иоанн сказал Петру: «Это Господь». Как трудно было узнать Господа! А когда шли Лука с Клеопою в Эммаус и Господь, поровнявшись, пошел с ними, до самого Эммауса, говоря с ними о пророчествах, и они, апостолы, не узнали Господа, и нужно было евхаристическое преломление Хлеба, чтобы узнать Бога, ставшего человеком, и воскресившего человеческое естество. Трудно было вглядываться в преображенное, воскресшее и уже возносящееся тело Христово, — старыми, греховными глазами. Слишком велика тайна.

Но Господь должен был быть осязан миром, после Воскресения Своего. Он возьмет руку всего мира, в руке Фомы, и вложит ее в Свое истинное человеческое тело, истерзанное людьми. Господь должен быть открыт человеку и после Своего Воскресения.

Кому же Господь открылся первому? — Марии Магдалине, той бесноватой женщине-иудеянке, которую Он исцелил навеки. Она искала Его. Она не только искала, она плакала, не находя Его. Многие ли в мире плачут по Христу?.. Когда Мария, движимая бессознательным ощущением Христа, обернулась, и, увидев садовника, спросила его о своем горе, что сказал незнакомец Марии? — Он сказал ей в ответ только одно: «Мария»... Этого слова было достаточно, чтоб совершилось чудо узрения Господа. Это слово возымело такую же силу, как то эммаусское преломление хлеба. Оно даже явилось чем то большим, ибо Господь не растаял, но узнанный пребыл, и дал повеление благовестия.

Откуда такая сила слова этого? Почему близкие ученики, после длинного разговора, не узнают Учителя, а Мария узнает после одного слова? Вдумаемся в это простое слово, с которым обратился Воскресший на земле Бог к первому встретившему Его человеку. Про-

сто слово, но оно входит в самую глубину духа человеческого, оно *называет человека*. Это слово самое близшое, самое дорогое человеку и самое чудесное для него. Оно есть *имя человека,* именование человеческого богоподобного лица. Имя наше есть выражение нашей сути. Оно есть самое существо каждого из нас. О, как мы ценим, даже среди себе подобных, обращение к душе нашей, к тому самому главному, что есть в нас. Как радуемся мы душою, когда кто-нибудь обратится к нашей живой душе. Как ценна нам бывает простота именования дружеского. Мы особенно остро чувствуем того, кто обращается к нашей душе, к нашему тайному миру.

Сколь совершеннее, сколь святее и сколь огненнее обратился Сам Творец к творению, Сам Господь к существу человеческому Магдалины, сказав ей одно только краткое слово: «Мария». Как будто, в этот миг, вся земля воплотилась в этой равноапостольной женщине, на долю которой выпала первая встреча с прославленным на земле Богом. И вся земля услышала слово, обращенное к последней глубине ее сердца. Слово изошло из Уст Господних, и человек почувствовал, что слово сказано *ему,* — его неповторимому имени. И Мария сразу узнала Назвавшего ее.

В названии: «женщина», Мария не узнала Господа. Вторично Господь обратился к ней уже не как к женщине, случайно оказавшейся здесь, но как к человеку — Марии Магдалине, другой которой не было и не будет. И эта раскрывшаяся тайна общения любви *живого Бога* с *живым человеком* открыла Марии глаза, и она увидела пред собою Христа.

Веруя в *живого Бога,* мы веруем в *живого человека,* драгоценного, живого, личного, нoповторимого, — душа которого *дороже всего мира.*

ВХОД

9-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Иоан. Гл. 20, ст. 19-31)

Что означают эти затворенные двери, о которых говорит повествователь события? В евангельских событиях нет ни единой строки, которая бы была написана без необходимости. В воскресенье, «в поздний час» — новая подробность: час был поздний — пришел Иисус к ученикам чрез затворенные двери.

Двери апостольской горницы были заперты, и мы знаем — отчего. Ученики Христовы переживали страшные часы внутренней и внешней покинутости. Они, три года тому назад оставили мир, от всего отреклись ради Иисуса, а Иисус их оставил. За казнию Учителя назревали в городе казни Его последователей. Страх за жизнь усиливался еще и тем, что Петр и Иоанн были утром у гроба и нашли его пустым. Не украли ли иудеи тело Иисусово? Но в комнате, здесь же, были Мария Магдалина, Мария Иаковлева, и другие женщины — свидетельницы необычайного, говорящие о встрече с Господом, блистающим, белым, о белых мужах, сидящих при гробе. . . Известия женщин были слишком необычайны, чтобы из-за них можно было забыть жизненную опасность: не украли ли иудеи тело Учителя, чтоб обвинить учеников, чтоб так же уничтожить их, как и Учителя? . . Прежде всего, двери собрания надо было держать на запоре.

И вот, сквозь эту запертую дверь к ним вошел Христос. Как удивительно внешние события Евангелия согласуются с внутренними событиями души человеческой, находящейся около Христа.

Подумаем: ведь если бы двери душ учеников Христовым были раскрыты для Христа, разве могли

бы ученики запереть двери своей горницы? Они бы презрели всё, опасность от фанатических иудеев, опасность от властей, они бы, при первом малом звуке о Воскресшем Христе, широко бы распахнули двери своего собрания, и стали бы у порога с радостным страхом и трепетным ожиданием.

Но ученики Христовы заперли свои двери. Во-первых, двери своих еще не просвещенных благодатию душ, во-вторых, — двери своего собрания. Они закрыли двери и заперли себя. Заперли себя, как бы, — от благодати. Оставили только внутри себя часть своей свободы: свободы верить, как и свободы сомневаться.

Но... — *дверями затворенными* — пришел Иисус, и стал посреди них и сказал им: «мир вам»... И второй раз сказал: «мир вам»... «Как послал Меня Отец так и Я посылаю вас». «Примите Духа Святого»... И — дал власть отпускать грехи мира.

Слабы, немощны были ученики, чтоб открыть двери Воскресшему Господу их и Спасителю. Но «Бог — любовь есть». Бог вошел к ним и затворенными дверями. Он вошел к ним и сказал, конечно, то же, что сказал бы Он, если бы двери были открыты, и вера их была бы сильнее. Два раза Он бедным, немощным детям своим дал мир. И послал их, сейчас же, покорять весь мир, немирный, бушующий, захваченный злом мир. «Примите Духа Святого»... И дал им власть безмерную: прощать, *и не прощать* грехи.

Высота неизъяснимого влечения Божия к любимой твари, к немощной твари, слабой, нищей. Поистине, Бог есть Отец. Самый любящий, самый блаженный Отец. Все делает Бог человеку и *за человека.* Придите, окамененные сердца.

Через все двери проходит Господь, которыми мы запираем от него свою душу. Во плоти Воскресший, как человек, входит Бог в каждого из нас, и говорит каждому: «мир да будет с тобою». Не глазам, но душе на-

шей, Он показывает Свои — во искупление грехов человеческих — прободенные руки и ноги, и говорит еще нашей сомневающейся душе: «блаженны не видящие, но верующие».

И здесь уже — наша воля: принять или не принять Бога.

ПОСЛУШАНИЕ

10-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Иоан. Гл. 21, ст. 1-14)

Люди, как рыбаки трудятся, ищут себе питания в колеблющихся стихиях. Вокруг — ночь. Тщетная работа, напрасные усилия, нет плода жизни. Но вот рассвет и показывается на твердой земле очертание Спасителя. Еще иначе можно сказать: очертания Спасителя вызывают рассвет. Пришедший на помощь людям, Христос первый заговаривает с миром: есть ли, мир, у тебя пища? — Нет, отвечают люди, всю ночь истории мы трудились и ничего не поймали. Истины нет у нас. И люди даже не подозревают, что они отвечают Воплощенному Богу на смысл Его пришествия. И, после того, как мир исповедал бесплодность своей жизни, Христос, всё оттуда же, из Своего далекого очертания, говорит: закиньте сеть по правую сторону вашей лодки, ваших ценностей человеческих. По правую, по сторону правды. Закинули люди, и уже не могут вытащить сети от множества рыб. Только немного послушался мир веления Христова, и сейчас же стала наполняться земля плодами Духа Святого, святостию великою, которую трудно и выносить миру. Ночь бесплодных человеческих усилий на море жизни, и — одна минута повиновения Христу, минута благодати Христовой, исполненная чудных плодов! «Без Меня не мо-

жете творить ничего». Верные люди сейчас же узнают Христа. По плодам узнается Даятель. «Это Господь» — говорит Иоанн Петру, и Петр бросается в море, оставляет всех и всё, чтобы только минуту лишнюю провести со Христом. Петр поступает как Мария, сестра Лазаря, оставив всё, устремляется насладиться сладчайшим зрением Христа... Христос нам не заповедует — всем — оставлять всё, при виде Его. Мы можем, вместе с другими учениками, приплыть ко Христу в лодке, таща за собою сеть с нашим уловом. И *это* будет достойно ученичества Христова. — Делать доброе дело жизни, силою Христовою, и идти ко Христу, плыть, влача сеть трудов своих на берег пристани вечной, сияющий нам недалеко.

ЛЮБОВЬ

11-е ЕВАНГЕЛИЕ

(Иоан. Гл. 21, ст. 15-25)

На берегу был разложен огонь, на котором лежала рыба. Христос говорит: пойдите, принесите пойманное сейчас. Вытянули сеть, стали считать, оказалось 153 рыбы. Христос говорит: «приходите, обедайте»... Никто не смел спросить у Христа: «кто Ты». С великим трепетом чувствовал каждый, что это — Господь. Руки не поворачивались взять пищу. Христос поднялся и Сам роздал.

Здесь начинается одиннадцатое — последнее — Воскресное Евангелие. Воскресший Христос обедает с учениками, ранним утром на берегу моря Тивериадского. У Христа уже особое тело: близкие ученики узнают Его не столь глазами, скольк чувством сердца, ибо человеческое тело Христа уже прославлено. Христос сидит у костра с учениками. Во всем мире — всё как

прежде. Никто не знает, что Творец вселенной, как человек, сидит на берегу одного небольшого глухого моря. Конечно была тишина, тогда на этом берегу, ибо все ветра должны были остановиться.

«Симон Ионин, любишь ли ты Меня, больше нежели они?» — «Паси агнцев Моих». «Симон Ионин, любишь ли ты Меня? . .» — «Господи, Ты всё знаешь. Ты знаешь, что я люблю Тебя». Господь восстанавливает Петра. Ведь Петр отрекся от Него, три раза, и должен быть восстановлен так же три раза. «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?». . . Какая безмерность любви, — ни тени упрека, ни волоска горечи, — ничего, кроме любви. Петр ужасное преступлениие совершил — отрекся от любимого близкого Господа, при Нем же, когда уничижен Он был, и, вдруг: «любишь ли ты Меня, *больше нежели они?*». . . более нежели те, которые не отрекались. «Паси овец Моих» три раза говорю тебе, отныне уничтожаются три *твоих* раза. Ведь ты плакал Петр, слезы твои подвели тебя ко Мне, Я восстанавливаю твое апостольство. . . И сказал еще слова, давая разуметь, какою смертию Петр прославит Бога.

Тивериадское море. Особым зрением узнаваемый, вочеловечившийся, пострадавший Творец вселенной, в образе человека. Бедные галилейские рыбаки, с трудом поймавшие 153 рыбы, и не знающие, еще, что им назначено уловить более, может быть, 153 миллиардов людей, для введения в чертоги Бога. . .

Великого значения полно каждое слово, каждая фраза Христа. И явный и скрытый смысл в них велик. Потому что все слова и все события Евангелия относятся и к личной судьбе каждого человека. Если не всем из нас Христос говорит: «Паси агнцев Моих», то к каждому из нас обращается Христос: «Любишь ли ты Меня?» И что можем ответить мы, знающие что любовь к Богу неотделима от любви к Его заповедям. Что ответим мы Христу, на последнем Его Суде, когда лицом

к Лицу узрим Бога, и Он спросит каждого, как спросил Петра на тивериадском берегу: «Любишь ли ты Меня?» — Мы все сможем ответить: «Господи, Ты всё знаешь»... но каждый ли из нас докончит: «Ты знаешь, что я люблю Тебя».

IV

ПЕРВЫЕ ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ *

В белградских русских газетах 20-х годов. Изданы отдельной книгой "Церковь и мир". Белая Церковь. 1929.

ЦЕРКОВЬ и МІРЪ.

Со своими маленькими, краткими, и горестными жизнями, мы входимъ въ великую, безсмертную, блаженную жизнь Церкви. Блѣднѣютъ черты земли, вырисовываются очертанія неземного города.

Церковь есть Городъ, въ которомъ Богъ обитаетъ съ людьми; гдѣ люди — сердцами — обитаютъ рядомъ другъ съ другомъ.

Еще — Церковь есть Древо Жизни Вѣчной; корни ея въ землѣ, стволъ межъ небомъ и землей, плоды всѣ на небѣ.

Пришелъ на землю часъ, когда, за трапезою мира и любви, высокій царедворецъ Рима, полунищій еврей ремесленникъ, свободный мыслитель эллинъ, и рабъ варваръ возлегли, какъ братья, рядомъ, и стали считать себя просто и только — людьми, дѣтьми Небеснаго Отца, изъ земли взятыми, и въ землю отойти предназначенными.

Всѣ они были, и почувствовали себя зернами одной пшеницы, вошедшими въ Единый Хлѣбъ, который они приносили Богу въ жертву благодаренія за міръ.

И, принося Хлѣбъ этотъ, говорили: „Благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за жизнь и вѣдѣніе, которое Ты явилъ намъ черезъ Іисуса Отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! Какъ сей преломляемый хлѣбъ

былъ разсѣянъ по холмамъ, и, бывъ собранъ, сталъ единымъ, такъ да будетъ соединена Церковь Твоя, отъ концовъ земли, въ Царство Твое, потому что Твоя есть слава и сила, чрезъ Іисуса Христа, во вѣки“.

Они любили Воплощенную Жизнь, они понимали Христово дѣло, входили въ это дѣло, и оттого прибавили къ словамъ Христовымъ о благословеніи проклинающихъ, и о молитвѣ за враговъ, еще свое блаженство: — *постъ за преслѣдующихъ.* Они приняли всѣхъ людей въ ту славу, въ которую ихъ принялъ Богъ-Отецъ.

Благодарили эти люди, послѣ Причащенія, такъ: „Благодаримъ Тебя, Отецъ Святой, за святое имя Твое, которое Ты вселилъ въ сердцахъ нашихъ, и за вѣдѣніе, и вѣру въ безсмертіе, которое Ты явилъ намъ черезъ Іисуса, Отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! Ты, Владыка Вседержитель, сотворилъ все, ради имени Твоего, пищу же и питіе Ты далъ людямъ въ наслажденіе, чтобъ они благодарили Тебя, а намъ милостиво даруй духовную пищу, и питаніе и жизнь вѣчную, чрезъ Отрока Твоего. Прежде всего, благодаримъ Тебя, потому что Ты всемогущъ. Тебѣ слава во вѣки! Помяни Церковь Твою, избавь ее отъ всякаго зла и усоверши ее въ любви Твоей, и собери ее отъ четырехъ вѣтровъ, освященную въ Царство Твое, которое Ты уготовалъ ей. Ибо Твоя есть сила и слава во вѣки! Да пріидетъ благодать, и да прейдетъ міръ сей! Осанна Сыну Давидову! Если кто святъ, пусть приступитъ, а если нѣтъ, пусть покается. Маранафа! Аминь!“

„Да пріидетъ благодать, и да прейдетъ міръ сей“, — такова благодарственная молитва о томъ, чему надлежитъ исполниться.

ФИЛОСОФЪ ЦЕРКВИ.

Немного болѣе двухсотъ лѣтъ прошло со дня рожденія Григорія Саввича Сковороды, замѣчательнѣйшаго россійскаго философа, поэта и странника. На Украинѣ до сихъ поръ поются въ народѣ его пѣсни, а русская словесность чтитъ въ немъ выдающагося литератора 18-го вѣка.

„Это была необыкновенная личность, — пишетъ одинъ изъ его біографовъ*), — необыкновенны были его жизнь и проповѣдь... Пробужденію людей отъ нравственной спячки, воспитанію въ нихъ нравственнаго самосознанія, и духовному облагораживанію ихъ, онъ посвятилъ всю свою жизнь“.

„Еще въ дѣтствѣ полюбилъ онъ „пастушеську свірель“. Сынъ полтавскаго бѣднаго казака, онъ выросъ въ рощахъ, на поляхъ, на солнцѣ. И къ этому солнцу привязался на всю жизнь, ощутивъ въ немъ То, символомъ Чего оно есть.

Среди рощъ и полей, онъ возлюбилъ *книгу* — тайный міръ Слова. Шести лѣтъ онъ обнаружилъ влеченіе къ наукамъ и музыкѣ. Первый его учитель — дьякъ сроднилъ его съ Церковью. Потомъ будутъ у него большія столкновенія съ недостойными служителями Церкви, но сама Церковь пребудетъ немеркнущимъ образомъ Христовымъ въ его сердцѣ.

Съ 16-ти лѣтъ онъ — студентъ Кіевской знаменитой Академіи, преобразовывавшейся Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ 1741 году его забираютъ, за прекрасный голосъ, въ Петербургъ, ко двору Императрицы Елизаветы.

---

*) Прот. П. Фоминъ. Его мы цитируемъ въ этомъ очеркѣ.

Черезъ 3 года онъ возвращается въ Академію, изучаетъ языки — латинскій, греческій, еврейскій, и всѣ высшія тогдашнія науки: логику, этику, физику, краснорѣчіе, философію, метафизику, натуральную исторію и богословіе. Изучаетъ свѣтскихъ классиковъ и классиковъ церковныхъ: блаж. Августина, Афанасія Великаго, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго. Здѣсь же открывается его поэтическій даръ.

Въ 1750 г. онъ уѣзжаетъ заграницу; у философа Вольфа знакомится съ тогдашней нѣмецкой философіей и богословіемъ. Въ этотъ періодъ его философской зрѣлости Библія дѣлается настольной, точнѣе сказать — нагрудной его книгой. Онъ ее всегда носитъ съ собою и изучаетъ все глубже и всестороннѣе.

Противникъ схоластической системы въ поэзіи, онъ, послѣ составленнаго имъ руководства по поэтическому искусству, навлекаетъ на себя неодобреніе начальства, и начавшаяся было его педагогическая дѣятельность прекращается. Черезъ 15 лѣтъ онъ снова призывается къ ней, въ Харьковскій Коллегіумъ, профессоромъ благонравія, но первыя его лекціи опять пугаютъ школьное начальство: „Весь міръ спитъ, — говорилъ съ кафедры Сковорода, — спитъ глубоко протянувшись, будто ушибленъ, и наставники пасущіе Израиля не только не пробуждаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: „спи, не бойся: мѣсто хорошее, чего опасаться"...

Дорогой жизни, указанной Сковородѣ Промысломъ,' стало его удивительное учительство. Онъ сдѣлался народнымъ учителемъ въ самомъ чистомъ и глубокомъ смыслѣ этого слова. Сковорода проповѣдуетъ на ярмаркахъ, въ селахъ, поетъ на поляхъ, играетъ на флейтѣ у озеръ, дѣлается дорогимъ гостемъ помѣщиковъ, любитъ подолгу бывать въ украинскихъ монастыряхъ, чтитъ своихъ друзей — архимандритовъ, и среди нихъ имѣетъ своихъ почитателей. Такъ же среди бѣлаго духовенства у него много приверженцевъ и учениковъ.

Не постригаясь въ монашескій образъ, онъ являетъ въ своемъ лицѣ всѣ лучшія качества древняго русскаго учительнаго монашества. Онъ живетъ „какъ птица небесная“. Совершенная нищета и бездомность, сопряженныя съ высокою нравственною чистотой, постничество (онъ не вкушалъ мяса), совершенная любовь къ людямъ, жажда чистоты церковной, ревность по Богу, — всецѣлая жизнь во Христѣ, — вотъ образъ этого философа воли.

Любовь къ Богу — основа существованія Сковороды и всего его философскаго міросозерцанія.

„О, Боже, живій глаголъ. Кто есть
безъ Тебя веселъ?
Ты Единъ всѣмъ жизнь и радость,
Ты Единъ всѣмъ рай и сладость.
Взбудь святую волю въ насъ,
Да Твой владѣетъ гласъ,
Даждь пренужный даръ намъ сей,
Молимъ Тя, Царя царей!...

Самопознаніе — начало познанія. Человѣкъ — малый міръ; по своей великой любви къ Человѣку, Богъ даровалъ ему все необходимое, причемъ все потребное сдѣлалъ легкимъ, а все трудное — непотребнымъ, даже вреднымъ для души. „Тотъ ближае всѣхъ до неба, кому въ жизни меньше треба“, изреченіе Сковороды. Что же потребно для человѣка? Самое потребное и необходимое для человѣка есть счастье, или „миръ душевный“. Ищи чего хочешь, только не губи того мира душевнаго — необходимѣйшую необходимость. Это счастье, этотъ миръ душевный есть — Царство Божіе. Богъ не замкнулъ счастья въ одной какой нибудь эпохѣ, или въ одномъ какомъ либо соціальномъ состояніи. Мудрый Господь далъ счастье, доступное для всѣхъ, какъ далъ солнце, воду, воздухъ. Не нужно ѣхать за счастьемъ куда то на Канарскіе острова, не нужно пролазить въ паны, не нужно имѣть деньги, — счастье близко всѣмъ, оно — въ каждомъ человѣкѣ. Оно заключается въ томъ, чтобы человѣкъ позналъ себя, свою вѣчную сущность, свой образъ Божій.

„О любій мій друже, Іакове, — пишетъ Сковорода къ о. Якову Правицкому, — изблюймо старій квасъ мірскій. Здобудимо нове сердце. Зодягнімся въ одіжъ нетлінноі надіі, въ утробу братолюбства"...

Сковорода былъ дѣлателемъ ночной молитвы. Въ полунощное время онъ вставалъ на молитву, боролся со своимъ ветхимъ человѣкомъ, и блаженно переживалъ въ себѣ рожденіе новаго Христова человѣка.

Опытомъ духовной жизни, Сковорода достигъ большой остроты чувства жизни міра и человѣческой жизни. Онъ угадываетъ людей, онъ чувствуетъ надвигающіяся бѣдствія (эпидемію въ Кіевѣ).

Помѣщики, священники, селяне считали за честь принять его у себя и подольше задержать его. Но онъ путешествуетъ съ мѣста на мѣсто. Высокій, худой, и величавый, съ одной сумкой черезъ плечо, съ Библіей и свирѣлью онъ странствуетъ по деревнямъ и помѣстьямъ, съ острымъ словомъ на устахъ. Гуляя, онъ пишетъ свои трактаты, ведетъ широкую переписку съ друзьями. Мѣста его уединеній дѣлаются памятными для народа и получаютъ названія „сковородинскихъ" пасѣкъ, урочищъ, криницъ, полей. Его бесѣды, изреченія и „крылатыя" слова записывались, переписывались, распространялись. Его стихи, сказанія, басни шли въ народъ, распѣвались кобзарями. О немъ, еще при его жизни, слагались легенды, какъ о украинскомъ Сократѣ. Учителемъ всего народа онъ былъ, въ полномъ значеніи этого слова, — изъ среды его поклонниковъ образовалась главная группа, во главѣ съ В. Н. Каразинымъ, основателемъ Харьковскаго университета.

Обликъ Сковороды былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о его пламенномъ гнѣвѣ, и обличеніяхъ зла жизни. Его обличенія міра вытекали изъ его любви къ дѣлу Христову, которому онъ сыновне посвятилъ себя. Онъ бушуетъ при

видѣ слѣпого обрядничества въ духовенствѣ, онъ обличаетъ сластолюбіе недостойныхъ монаховъ, рутину церковной схоластики, продажность чиновничества, грубую чувственность помѣщиковъ, вольтерьянствующихъ дворянъ называетъ „французскими попугаями"... Съ этихъ сторонъ общества, Сковорода былъ гонимъ всю свою жизнь.

Особое мѣсто въ жизни Сковороды занимаетъ Библія. Съ нею онъ никогда не разлучался. Онъ называлъ ее самыми нѣжными именами: „своею возлюбленною", „Голубицею", — изъ Библіи выростала философская система Сковороды. Странствующій мудрецъ призываетъ всѣхъ ищущихъ истину углубляться въ постиженіе сокровенной тайны Библіи, находить ее, и переживать не только въ умѣ, но и во всемъ существѣ своемъ. Для постиженія истиннаго, внутренняго духа Библіи, Сковорода считаетъ необходимымъ имѣть руководителей, въ лицѣ восточныхъ и западныхъ Отцовъ Церкви.

Въ Библіи Сковорода осязалъ Самого Христа. Его гимны Христу — образцы глубокой поэзіи: „О, часть моя всесладчайшая, — Ты Единъ явилъ мнѣ двое: сѣнь и беззвѣстную тайну. Ты есть тайна моя; вся же плоть — сѣнь и закровъ Твой. Всяка плоть есть риза Твоя, сѣнь и пепелъ; Ты же зерно, фиміамъ, стакты и кассія — пречистый, нетлѣнный и вѣчный. Все Тебѣ подобно, и Ты всему, но ничто же есть Тобою, и Ты ничѣмъ же"... „Воздохнемъ ко Христу" — призывъ Сковороды къ людямъ.

Умеръ Сковорода такъ же чисто и человѣчно, какъ жилъ. Въ августѣ 1794 года, семидесятидвухлѣтнимъ старикомъ, онъ путешествуетъ въ Орловскую губернію, откуда возвращается на Украину, въ родную Слобожанщину, и останавливается въ с. Панъ-Ивановкѣ, у своего друга Ковалевскаго. Сковорода чувствуетъ приближеніе своей кончины, и говоритъ о ней. У мѣстнаго священника онъ исповѣдуется и пріобщается Св. Таинъ.

Самый день его смерти описанъ И. И. Срез-

невскимъ. Въ семьѣ Ковалевскихъ предоставлена была Сковородѣ небольшая комната, съ окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, — она стала его послѣднимъ жилищемъ. Бывалъ онъ въ ней не часто; обыкновенно, или бесѣдовалъ съ Ковалевскимъ, также со старикомъ добрымъ, и преданнымъ Богу, или ходилъ по саду и полямъ. Былъ чудный день. Къ Ковалевскому прибыло много сосѣдей, погостить, а также и послушать Сковороду. За обѣдомъ. Сковорода былъ необычайно веселъ и разговорчивъ, разсказывалъ про прошлое, про свои путешествія, про трудные моменты жизни. Послѣ обѣда, всѣ встали очарованные его краснорѣчіемъ. Сковорода незамѣтно вышелъ изъ дому. Долго ходилъ по неровнымъ дорогамъ. Минулъ день; подъ вечеръ, Ковалевскій пошелъ искать Сковороду и нашелъ его подъ большою липою. Солнце заходило, послѣдній лучъ пробивался между листьями. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, копалъ могилу. На вопросъ Ковалевскаго, Сковорода отвѣтилъ: „часъ, друже, кінчати блукання, бо й такъ усе волосся злетіло з бідної голови. Часъ дати спокій“...*) И пошли къ дому. Сковорода удалился въ свою комнату, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, и положивши подъ голову Библію, тетради своихъ твореній и сѣрую свитку, легъ сложивши накрестъ руки. Долго его ждали на ужинъ. Сковорода не пришелъ. На другой день онъ не пришелъ ни къ чаю, ни къ обѣду. Это всѣхъ удивило. Когда Ковалевскій пришелъ въ его комнату, разбудить, нашелъ его уже мертвымъ, холоднымъ, закостенѣлымъ.

Его похоронили на высокомъ берегу, около рощи, на любимомъ его мѣстѣ, гдѣ онъ, при восходѣ солнца, игралъ на своей флейтѣ. На его могильномъ камнѣ высѣчены слова, которыя онъ самъ приготовилъ: „міръ ловилъ меня, но не поймалъ“.

---

*) Точное предсказаніе своей смерти — одинъ изъ признаковъ канонизаціи (изъ практики Церкви).

ВОЗДВИЖЕНІЕ КРЕСТА.

Можно создать такой образъ: нашъ міръ — большой корабль, который плыветъ по океану вселенной. И вотъ, мы знаемъ, что не вѣчно онъ будетъ плыть, что долженъ онъ погибнуть, что нѣту пристани для него. А, кромѣ того, мы знаемъ — совершенно точно — что условія плаванія, на кораблѣ міра нашего, таковы: всякій странникъ выбрасывается въ океанъ, когда пройдетъ срокъ его плаванія. Временные, совершенно особые, мы путники на кораблѣ міра: каждаго изъ насъ ждетъ великій и непостижимый океанъ смерти, никто не избѣжитъ его! И мы плывемъ; и вотъ мы какое имѣемъ знаніе: всякій, кто привяжется ко Кресту, не погибнетъ, но выплыветъ, изъ волнъ, на берегъ новой настоящей земли, и новаго истиннаго неба. Приготовлено на нашемъ кораблѣ множество Крестовъ, бери какой хочешь, но непремѣнно бери какой-нибудь, иначе — погибнешь; бери заранѣе, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, ибо лишь капитанъ знаетъ срокъ твоего пути, и когда онъ исполнится, ты уже не успѣешь взять Крестъ и привязать себя къ нему.

Взять, волею, Крестъ, и привязать себя къ нему, — вотъ цѣль и смыслъ жизни человѣка. Всѣхъ людей ожидаетъ распятіе, — либо на одрѣ

старости, либо на одрѣ болѣзни, либо на нежданномъ одрѣ стихій міра. Всѣ мы распнемся, и, въ неизбѣжный страшный часъ разлуки съ міромъ, будетъ блаженнымъ лишь тотъ, кто повѣрилъ Христу, въ устахъ Котораго никогда не было лжи, и захотѣлъ, въ своей жизни, привязать себя ко Кресту. Всякій человѣческій Крестъ, послѣ смерти человѣка, сдѣлается Божьимъ Крестомъ человѣческаго спасенія.

Трудно сейчасъ говорить о Крестѣ, — все противъ него. Явно, тайно, умышленно, неумышленно, громко, тихо, — все, теперь вооружается и говоритъ противъ Креста. Замалчивать этого нельзя, слишкомъ дорого придется платить за замалчиванье. Оглянемся вокругъ безпристрастно: всюду развитіе въ человѣчествѣ больной индивидуальности. Не здоровой, святой личности, но больной грѣховной индивидуальности. Прежде всего, это сказывается въ идеалѣ національности современныхъ націй; культурное лицо націи, лицо великой національной семьи превращается въ безликую эгоистическую единицу мірового торговаго интернаціонала, общество единомышленниковъ — игроковъ внѣшняго отвлеченнаго величія. Прекрасная, чистая, здоровая рѣзвость спорта, замѣняется культомъ самолюбивыхъ состязаній и все болѣе и болѣе безсмысленныхъ рекордовъ. Быть первымъ, быть лучшимъ, — вотъ укореняющееся грубое языческое начало на искореняемомъ мѣстѣ любви. Добиться, чтобы люди (!) сочли „лучшимъ“! — вотъ чѣмъ подмѣнивается безкорыстная радость человѣческой игры на лонѣ природы. Далѣе: культъ правъ и требованій... Кажется, что вся соціальная жизнь начинаетъ вращаться, теперь, силою однихъ только правъ и требованій. Жертвенный долгъ и жертвенная обязанность — сѣмена христіанской общественности исчезаютъ съ поля жизни человѣчества. Умираніе живой христіанской личности, (этой носительницы смысла міровой исторіи), ростъ въ мірѣ дурной языческой индивидуаль-

ности, цѣликомъ отражается и въ появившихся, за послѣднія десятилѣтія, гибельныхъ вѣроученіяхъ, такъ называемыхъ „оккультныхъ“, весь внутренній смыслъ которыхъ, чрезъ отрицаніе Божьяго Воплощенія (въ проповѣди перевоплощенія) утвердить въ людяхъ, сознаніе ихъ флюидовъ, ихъ „эманаціи“, ихъ силы.

Оккультная проповѣдь легкаго, безкрестнаго, непритруднаго совершенствованія есть то, чего хочетъ человѣчество, освобождающееся отъ Креста.

Да, міръ освобождается отъ Креста, все болѣе и болѣе скидываетъ его со своихъ плечъ, готовя себѣ распятіе — безъ Воскресенія. Бѣдные люди не знаютъ, что сбрасываютъ съ себя свое же спасеніе, ибо понести Крестъ намъ надо безконечно малый промежутокъ времени, а онъ насъ будетъ нести вѣчно.

Страшная борьба противъ Креста, противъ мІроощущенія проповѣданнаго апостолами, велась всегда. Но раньше, въ прежнія историческія эпохи, не было внутренней сознательности въ походѣ противъ Креста. Міръ боролся съ Крестомъ, Крестъ былъ „соблазномъ“ для іудеевъ, и „безуміемъ“ для эллиновъ, но міръ не понималъ сущности спасенія Крестнаго.

Нынѣ, Крестъ, для современной христіанской культуры, столь же ясенъ, сколь ясенъ былъ взоръ Христа, Его палестинскимъ очевидцамъ. Но, какъ книжники іерусалимскіе сознательно отвергли Учителя и Чудотворца, Господа, бывшаго, по всѣмъ пророческимъ признакамъ, ожидаемымъ Мессіей, такъ теперь, современные люди упадающей христіанской культуры сознательно отвергаютъ Крестъ, какъ благодатное средоточіе мірового и личнаго спасенія, отъ вѣчной гибели.

Воздвиженіе Креста, есть, въ наши дни, страшный праздникъ, — труба, созывающая вѣрныхъ христіанъ къ вниманію и молитвѣ.

„ОТЕЦЪ СЕРГІЙ“ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Несмотря на очень большую литературу о последнемъ періодѣ творчества Льва Толстого, его литературныя произведенія этого времени, имѣющія своей темой — жизнь въ Богѣ, не нашли себѣ общей справедливой литературной оцѣнки. Слишкомъ велика литературная заколдованность ихъ автора.

Подвергая, сейчасъ, краткому, религіозно-литературному анализу одно изъ наиболѣе извѣстныхъ широкому кругу читателей, и, можетъ быть, наиболѣе характерное для послѣдняго Толстого произведеніе „Отецъ Сергій“, ставимъ себѣ основной литературно-критическій вопросъ: исполнилъ ли Толстой свою задачу, какъ писатель-психологъ, прозорливецъ душъ человѣческихъ? Вникъ ли онъ художническимъ глазомъ въ глубину жизни, скрытую отъ другихъ глазъ?

На этотъ вопросъ, отвѣчаемъ не только отрицательно, но, даже, недоумѣвающе: какимъ образомъ, Толстой — знатокъ внутренней человѣческой жизни, могъ такъ всесторонне, такъ художнически ошибиться, какъ онъ ошибся на „Отцѣ Сергіѣ“?

Разгадка этому кроется несомнѣнно въ словахъ апостола Павла: „Душевный человѣкъ *не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ считаетъ это безуміемъ;* и не можетъ разумѣть,

безъ Креста", было предварено Толстымъ, давшимъ, въ лицѣ Отца Сергія, священномонаха, старца и чудотворца, образъ человѣка *ни въ единый мигъ своей жизни* не имѣющаго въ себѣ, ни даже рядомъ съ собою, Живого Христа — Альфу и Омегу христіанской жизни.

Подобіе духовной жизни во Христѣ дается Толстымъ въ разныхъ мелкихъ, внѣшнихъ штрихахъ монашескаго couleur locale, съ которымъ литературно познакомиться легко всякому. О. Сергій „творитъ Іисусову молитву", „кладетъ поклоны", умиляется (чему?), смиряется, ведетъ борьбу съ помыслами... почти всѣмъ духовнымъ арсеналомъ инока пользуется *какъ будто* о. Сергій. Но что это за пользованіе! Оно описывается Толстымъ только съ двумя цѣлями: во-первыхъ, литературно соблюсти внѣшній чинъ монашеской жизни, а, во вторыхъ, показать всѣмъ, что онъ основанъ на обманѣ, и ни къ чему искреннему и духовному привести не можетъ. Сквозь внѣшне еще толстовское, эпически-художественное повѣствованіе, уже грубо врывается насмѣшка надъ глубокимъ и высочайшимъ сердечнымъ трудомъ отшельниковъ и святыхъ монаховъ (творя умную молитву, о. Сергій смотритъ на кончикъ своего носа...).

Старецъ все твердитъ о послушаніи... И, во имя послушанія, дѣлаетъ духовно немыслимую вещь: отправляетъ не смирившаго своей гордости о. Сергія въ пещеру. Это такая несообразность, которую не знаешь, какъ объяснить въ толстовскомъ творчествѣ. Затворничество не наказаніе, оно есть высшій образъ монашеской жизни, къ которому допускаютъ только монаховъ, прошедшихъ весь искусъ общежительнаго монастыря, т. е. духовно зрѣлыхъ.

Всѣ моменты церковной и келейной молитвы о. Сергія представлены въ видѣ скучнаго и нуднаго безсодержательнаго іогическаго самопринужденія. Но, можно сказать достовѣрно, что безъ опытнаго молитвеннаго познанія благодати Божьей (утѣше-

нія духовнаго, — Духа Утѣшителя, освобождающаго монаха отъ власти всѣхъ земныхъ радостей), такой искренній человѣкъ какъ о. Сергій не могъ бы прожить и года въ монастырской обстановкѣ, разсчитанной на постоянное живое молитвенное пребываніе человѣка съ Богомъ.

Толстой сообщаетъ, что извѣстіе о смерти матери и о выходѣ замужъ невѣсты, о. Сергій принялъ, въ монастырѣ, равнодушно. „Все вниманіе, *всѣ интересы* его были сосредоточены на своей внутренней жизни"... Чрезъ полъ страницы, Толстой пишетъ о стояніи о. Сергія въ церкви, въ которомъ раскрывается вся его внутренняя жизнь: „Отецъ Сергій находился въ томъ состояніи борьбы, въ которомъ онъ *всегда* находился во время службъ... Борьба состояла въ томъ, что его *раздражали* посѣтители, господа, особенно дамы... Онъ старался, выдвинувъ какъ бы шоры своему вниманію, не видѣть ничего, кромѣ блеска свѣчей... и не испытывать *никакого другого чувства*, кромѣ того *самозабвенія въ сознаніи исполненія должнаго*, которое онъ испытывалъ *всегда*, слушая и повторяя впередъ столько разъ слышанныя молитвы". — Невозможно понять, какъ при *такой* „внутренней жизни" о. Сергій забылъ свою мать. Ради чего?

Сколь мало Толстой зналъ даже внѣшнюю жизнь Церкви, и какъ мало онъ счелъ нужнымъ ознакомиться съ ней, хотя бы для своего монашескаго разсказа, это видно изъ того, что онъ смѣшиваетъ два совершенно разныхъ понятія: монашескій постригъ, и священническое рукоположеніе. Одно отъ другого нисколько не зависитъ, и въ монастырѣ бываетъ на разстояніи большого промежутка времени; но совершать литургію, какъ извѣстно, можетъ только священникъ. Толстой же пишетъ объ о. Сергіѣ: „Въ концѣ третьяго года, онъ былъ *постриженъ въ іеромонахи* (?) съ именемъ Сергія. Постриженіе было важнымъ внутреннимъ событіемъ для Сергія. Онъ и прежде испытывалъ великое

утѣшеніе и подъемъ духовный, когда причащался; теперь же, когда ему случилось служить самому, совершеніе проскомидіи приводило его въ восторженное, умиленное состояніе"... Особо восторженное состояніе о. Сергія при совершеніи, именно, проскомидіи, намъ представляется плодомъ непониманія Толстымъ описываемаго имъ предмета.

Внутренно, плохо скрываемое раздраженіе противъ всего церковнаго уклада (главнаго мучителя и поработителя о. Сергія), у Толстого переходитъ уже въ открытое кощунство, когда онъ начинаетъ описывать опытъ старчества у лица духовно-несуществующаго, какимъ является его старецъ отецъ Сергій. Кощунство, конечно, въ томъ, что отъ о. Сергія начинаютъ изливаться на людей чудеса. О. Сергій упитываетъ свое чрево, изощряетъ свое тщеславіе, а прикасающіеся къ нему слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ... Толстой глубоко презираетъ тѣхъ убогихъ и блаженныхъ странниковъ, которые ходятъ по монастырямъ, ищутъ исцѣленія и святости... Но въ идеалахъ этихъ странниковъ скрыта святыня души народной.

„Странницы, всегда ходящія отъ святого мѣста къ святому мѣсту, отъ старца къ старцу, и всегда умиляющіяся предъ всякой святыней, и всякимъ старцемъ" — что можетъ быть отраднѣе этихъ обликовъ, вѣчно умиленныхъ, вѣчно благословляющихъ, никому не вредящихъ; однако, Толстой характеризуетъ ихъ, сейчасъ же, словами безпредметной злобы: „Отецъ Сергій зналъ этотъ обычный, самый нерелигіозный, холодный, условный типъ". Всѣ тянущіеся къ старчеству, у Толстого: „отставные солдаты, отбившіеся отъ осѣдлой жизни, бѣдствующіе, и по большей частью запивающіе старики, шляющіеся изъ монастыря въ монастырь..." Бѣдный Толстой, думалъ ли онъ, когда писалъ эти строки, что и онъ очутится около этой толпы, подъ стѣнами кельи оптинскаго старца, въ одну изъ самыхъ страшныхъ минутъ своей жизни!

О. Сергій, конечно, былъ не монахомъ, не священникомъ, не старцемъ, — онъ былъ, во всѣ свои отвѣтственныя минуты, Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, не имѣющимъ общенія съ Живымъ Богомъ, изнемогающимъ въ безплодной борьбѣ съ самимъ собою, и предпринимающимъ всѣ свои религіозныя рѣшенія на основаніи либо человѣческой страсти, либо отвлеченныхъ размышленій.

Конецъ разсказа до конца изобличаетъ иночество о. Сергія. Какъ Толстой могъ только каяться предъ собою, и предъ людьми, такъ поступаетъ и о. Сергій, никогда и ни въ чемъ не каявшійся *Богу*, хотя и одѣвшійся въ одежду иноческаго покаяннаго подвига.

Завершивши свой страшный духовный грѣхъ— грѣхъ внутренняго безбожія, и непрестанной многолѣтней хулы на Духа Святого (въ обманѣ вѣрующихъ) — плотскимъ грѣхомъ, — о. Сергій сбрасываетъ съ себя иноческую одежду, убѣгаетъ изъ скита въ поле, гдѣ, вь первый разъ, является ему, во снѣ, вѣстникъ (несуществующаго для него міра) — ангелъ, и велитъ итти къ одной дальней родственницѣ, предъ которой бывшій о. Сергій кается въ своихъ грѣхахъ и смиряется ниже пепла. О покаяніи предъ Христомъ — ни слова. Воскресеніе происходитъ безъ Христа, какъ безъ Него шла и вся жизнь. Но, какъ жизнь безъ Христа была у отца Сергія ложью, то и его воскресенье безъ Христа есть неправда.

ПОСЛАНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ФИЛИМОНУ.

Нѣчто простое и цѣлое раскрывается въ самомъ краткомъ изъ Павловыхъ посланій. Съ перваго взгляда, это лишь ходатайство апостола за филимонова раба Онисима, который убѣжалъ отъ хозяина своего; находясь же въ бѣгахъ, сдѣлался христіаниномъ, и теперь долженъ возвратиться къ хозяину. Чтобъ облегчить бѣжавшему рабу спокойное возвращеніе, апостолъ пишетъ это сопроводительное письмо.

Историческая основа посланія, дѣйствительно, — такова. *Нравственно*, въ немъ преподается ученіе о равенствѣ, во Христѣ, рабовъ и свободныхъ, о жизненной любви къ людямъ, о „дѣятельномъ общеніи вѣры“ (стихъ 6).

Духовно же, посланіе апостола Павла къ Филимону есть *апостольская притча о блудномъ сынѣ.* Апостолъ — властію своего священства — творитъ новую притчу о блудномъ сынѣ. Эта притча разсказана самою жизнію, но подлежитъ точно такому же духовному толкованію, какимъ Церковь толкуетъ всѣ евангельскія притчи.

Всмотримся въ эту апостольскую притчу. Она выражаетъ цѣлостное христіанское міроощущеніе. Образъ Хозяина, есть Образъ Бога; бѣжавшій

рабъ — Человѣкъ. Апостолъ — священство Божье — возвращаетъ бѣжавшаго.

Христова евангельская притча, возносящая блуднаго человѣка на совершенную высоту Божьяго сыновства, раскрывается апостоломъ-человѣкомъ, въ томъ образѣ — образѣ неключимаго раба, который въ дальнѣйшіе вѣка христіанства привлечетъ къ себѣ все смиренное человѣчество. Вѣдь *сами люди* не могутъ дерзать говорить о своемъ сыновствѣ небесномъ. Въ оцѣнкѣ себя, что такое человѣкъ, какъ не бѣжавшій Божій рабъ?

Бѣжавшій рабъ Божій, — вотъ полное опредѣленіе каждаго человѣка, полное именованіе ветхаго Адама, т. е. состоянія нынѣшняго человѣчества. Мы — бѣжавшій отъ Бога, рабъ Его — Адамъ, котораго апостолъ, въ своей притчѣ жизни, называетъ Онисимомъ.

Онисимъ-рабъ представляетъ собою какую то цѣнность у Хозяина Небеснаго. Самое его названіе означаетъ „полезный“. Онъ долженъ быть возвращенъ къ Филимону, этого требуетъ даже самый смыслъ имени Филимона; — „Филимонъ“, вѣдь — „любимый, цѣлуемый“.

Совершилось грѣхопаденіе, — рабъ убѣжалъ отъ Владыки, ушелъ въ свою волю. И вотъ рабъ ходитъ по грязнымъ рынкамъ жизни, пробавляется, какъ нищій, безъ пристанища. Какъ рыба ходитъ по морю, такъ рабъ бѣжавшій ходитъ по жизни, и — попадаетъ въ сѣть апостоловъ-человѣколововъ, посланныхъ на уловленіе бѣжавшихъ рабовъ Божьихъ.

Сѣтью любви небесной привлекается и уловляется полезный, предъ Божьей любовью, Онисимъ. Онъ привязывается къ тому, кто сталъ орудіемъ его привлеченія. А этотъ, апостолъ Христовъ, съ какимъ уже *сыновнимъ* дерзновеніемъ о Христѣ, говоритъ „Возлюбленному Сотруднику“ своему — Отцу Небесному: „Имѣя великое во Христѣ дерзновеніе, приказывать Тебѣ (заклинать Тебя) что должно, по любви, лучше, прошу не иной кто, какъ

я, Павелъ, старецъ, а теперь узникъ Іисуса Христа. Прошу Тебя о сынѣ моемъ *(рабѣ Твоемъ)* Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ: онъ былъ нѣкогда неугоденъ для Тебя, а теперь годенъ Тебѣ и мнѣ, я возвращаю его, Ты же прими его, какъ мое сердце...“ — Какимъ голосомъ дерзновенія, ибо — великой любви, говоритъ апостолъ! Гдѣ слышалось такое дерзновенное слово?... Священный голосъ Іова — посредника межъ Богомъ и сыновьями своими — говорилъ такъ.

Истинное толкованіе притчъ — не символическое. Міръ символики шаткое основаніе для человѣческаго раціонализирующаго ума. Евангельское объясненіе притчъ — духовное, при немъ подробности остаются свободными. Убѣдительность духовнаго толкованія по церковному методу лежитъ въ основной линіи, въ сердцевинѣ каждаго евангельскаго событія, или притчи. Это происходитъ само собою, потому что въ Евангеліи притча есть такое же жизненное *событіе*, какъ и всякое другое, и всякое жизненно совершившееся событіе Христова Евангелія есть нѣмая вѣчная притча.

Полезный рабъ Онисимъ возвращается къ Владыкѣ. Смущеннымъ, смиреннымъ, покаяннымъ возвращается Блудный Рабъ къ дому своего Господина. Блудный Сынъ — самъ пришелъ къ Отцу; Блудному Рабу можетъ указать путь правды только свободный.

Свободный о Христѣ, старецъ Павелъ, воинъ и чудотворецъ свободы, привлекаетъ Онисима и снимаетъ внутреннюю цѣпь рабства съ несчастнаго, *ни въ чемъ внѣшнемъ не находящаго свободы*, человѣка.

Можетъ быть, какой-нибудь „рабъ тлѣнія“*) обѣщалъ страдающему въ рабствѣ Онисиму „свободу“, и указалъ для этого путь: бѣгство изъ Дома. И Онисимъ, Полезный Рабъ, убѣжалъ изъ Дома,

---

*) „Обѣщаютъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія“ (II Петра, 2, 19).

думая найти свободу за-моремъ. Но не за-моремъ свобода, а въ сердцѣ. И это — за моремъ — узналъ Онисимъ.

Сердце Блуднаго Раба было освобождено апостоломъ. Свобода блужданій не дала Онисиму свободы, — ее далъ ему „узникъ Іисуса Христа" (стихъ 1), благовѣстникъ человѣческаго освобожденія во Христѣ. Онисимъ освободился тогда, когда согласился ѣхать обратно, въ рабство къ Филимону. Здѣсь освободился рабъ человѣческій, и сталъ свободнымъ рабомъ Божьимъ (1, Кор. 7, 22).

Какъ ясно разрѣшается, въ этой жизненной притчѣ, смыслъ апостольскаго, священническаго дѣла.

Божье дѣло — выйти навстрѣчу Блудному Сыну; апостольское дѣло — найти Блуднаго Раба, и возвратить его въ Домъ Владыки. Какъ ревнуетъ священникъ — посредникъ предъ Первосвященникомъ, за Блуднаго Раба, чтобы искупилъ его Первосвященникъ: „если Ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ Тебя, или долженъ, считай это на мнѣ"... Вотъ участіе священника въ Искупленіи (болѣе подробно, объ этомъ же, см. Дневникъ русскаго Кронштадтскаго Пастыря).

„Надѣясь на послушаніе Твое — пишетъ апостолъ Богу — я написалъ къ Тебѣ, зная, что Ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю"... (далѣе — какая простота!). „Тя убо молю, Единаго, Благого и *Благопослушливаго!* (священническая молитва херувимской пѣсни).

Блудный Рабъ Онисимъ, уже не какъ рабъ, но „выше раба", уже, какъ „братъ возлюбленный", возвращается къ законному Владыкѣ въ *новое рабство.* Какъ глубокъ, торжественъ, и совершененъ въ мірѣ подвигъ этого дѣла. Вотъ подвигъ Церкви, соборный подвигъ Церкви, въ которомъ Самъ Господь благоволитъ подвизаться рядомъ съ человѣками.

„Посланіе къ Филимону“ — цѣлостное жизненное разрѣшеніе одного изъ основныхъ томленій человѣческаго духа. Посланіе — какъ это видно всякому — напоминаетъ Христову притчу, не только особо-малымъ размѣромъ своимъ, но и единственностью своего внутренняго духовнаго строенія.

И сама сохранность этого частнаго апостольскаго письма свидѣтельствуетъ, что оно написано апостоломъ не только возлюбленному Филимону, и не только для брата Онисима, но и Господу Богу, — для всего заблудившагося въ своей свободѣ человѣчества.

СТРАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ и СТРАХЪ БОЖІЙ.

(1-ый діалогъ).

1-ый Православный: — Скажите, пожалуйста: вѣрите ли вы въ „Сіонскіе Протоколы"?

2-ой Православный: — То-есть какъ: „вѣрю ли я въ нихъ"?.. Я вѣрю въ св. Евангеліе; двумъ господамъ не служу. Въ „Сіонскіе Протоколы", признаться, не вѣрю.

1-ый Правосл. — Вы отвѣчаете не по существу, я васъ спрашиваю, вѣрите ли вы въ реальную опасность международнаго заговора еврейства противъ христіанъ, а вы отвѣчаете, будто я васъ приглашаю поклониться Сіонскимъ Протоколамъ, какъ Евангелію.

2-ой Правосл. — Да вы, почти, это дѣлаете.

1-ый Правосл. — Что съ вами, — гдѣ же я это дѣлаю?

2-ой Правосл. — Знаете, вы не сердитесь на меня, что я вамъ отвѣтилъ немного рѣзко, — мнѣ уже не въ первый разъ задаютъ такой вопросъ, и, право, каждый разъ приходится отвѣчать въ повышенномъ тонѣ: такъ обидно, такъ тяжело дѣлается на сердцѣ отъ нашего откровенно-нецерковнаго воспріятія жизни. Гдѣ Церковь, гдѣ Ея особенность. Извольте открыть Евангеліе, — хотя бы, вотъ Посланіе къ Титу, главу вторую... смотрите, что пишетъ апостолъ: „... *Явилась благодать Бо-*

жія, спасительная для всѣхъ человѣковъ, научающая насъ, чтобы мы, отвергнувши нечестіе и мірскія похоти, цѣломудренно, праведно и благочестиво жили въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ожидая блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, Который далъ Себя за насъ, чтобы избавить насъ отъ всякаго беззаконія и очистить Себѣ народъ особенный, ревностный къ добрымъ дѣламъ. Сіе говори, увѣщевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегалъ Тебя." Какія драгоцѣннѣйшія слова, и какъ мы, христіане, упорно, не желаемъ понимать ихъ, размѣниваясь на геройство міра сего, и сокрушаясь о всякія вѣтреныя мельницы, разставленныя сатаною по этому міру.

Мы не видимъ своей *особенности*. Не желая вести — по обѣту нашего крещенія — особенную, христіанскую жизнь, мы не видимъ нужды, въ особенности для себя, *христіанской психологіи*. Мы, одно изъ двухъ, или мы — выгнанные, Христомъ, изъ храма Церкви, люди, или же мы сами не пускаемъ въ нашъ христіанскій храмъ ни Христа, ни апостоловъ, ни мучениковъ, ни преподобныхъ, — снисходительно оставляя имъ мѣсто только на небѣ, да на иконахъ. Вѣроятно, мы и то и другое, сперва первое, потомъ второе, — или же, въ обратномъ порядкѣ.

1-ый Правосл. — Что вы сразу такъ стали волноваться Я задалъ вамъ самый обыкновенный вопросъ, а вы...

2-ой Правосл. — Простите, дорогой, когда дѣло касается Церкви, я не могу не волноваться. Я волнуюсь потому, что, воочію, убѣждаюсь въ томъ, что мы, христіане, культивируемъ въ себѣ, и въ другихъ, ту теплоту, которая будетъ изблевана изъ Божьихъ Устъ. Вотъ вы мнѣ сейчасъ задали вопросъ... И, какъ будто бы ничего особеннаго тутъ нѣтъ; но, какъ заглянешь поглубже, да по святоотечественнѣе, то изъ вашего зауряднаго вопроса выглянетъ настоящее лицо духа зла.

1-ый Правосл. — Изъ моего вопроса? — Вы меня, кажется, отвергаете болѣе сурово, чѣмъ Сіонскіе Протоколы!

2-ой Правосл. — Конечно. Не васъ, а вашу сейчасъ болѣзненно распространенную психологію. Сіонскіе мудрецы (которые, несомнѣнно, глупцы, а не мудрецы, ибо готовятъ себѣ вѣчную погибель), они — *за оградою.* Вы же знаете, что слово „Церковь" значитъ: *Ограда?* А вы — въ оградѣ. За сѣрость нашихъ ризъ мы, христіане, отвѣтимъ предъ Богомъ, строже, чѣмъ „іудеи и эллины" за черноту своихъ.

1-ый Правосл. — Знаете, вы какъ то слишкомъ смѣло говорите. Вы не епископъ, не клирикъ... Кто вамъ далъ право такъ говорить?

2-ой Правосл. — А кто мнѣ далъ право *такъ не говорить*? Если я говорю неправду, покажите мнѣ, что я говорю неправду. Удивительно устроено положеніе христіанина въ мірѣ: проявляй онъ какое угодно дерзновеніе на войнѣ, въ политикѣ, въ донжуанствѣ, въ модахъ, — все ему зачтется во славу, а начни онъ проявлять хоть какую-нибудь волевую силу для благовѣстія Распятаго Христа, по Священному Писанію и Священному Преданію Св. Церкви, — какъ все словно ополчается противъ него: безразличное къ Богу и къ спасенію общество считаетъ его соціально вреднымъ и психически-ненормальнымъ человѣкомъ: близкіе, родные ему христіане начинаютъ опасаться за него и за себя: не сектантъ ли онъ. Церкви не знаютъ, не ощущаютъ Ея жизни... Вы православный?

1-ый Правосл. — Православный.

2-ой Правосл. — Обязательно ли для васъ Ученіе Церкви?

1-ый Правосл. — Ну да, обязательно.

2-ой Правосл. — А Ученіе Церкви очень ясное, по вопросу отношенія христіанина къ силамъ мірового зла. Вспомните слова апостола Петра къ христіанамъ: „Но вы — родъ избранный, царственное священство, народъ святый, люди, взятые въ

удѣлъ, *дабы возвѣщать совершенства призвавшаго васъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ*). А апостолъ Павелъ говоритъ апостолу Тимоѳею: „... Далъ намъ Богъ Духа не боязни, но силы и любви и цѣломудрія**)* Мы, дѣйствительно, христіане, особенны. Въ насъ есть духъ силы, *котораго нигдѣ въ мірѣ, кромѣ какъ въ насъ, нѣтъ,* силы, конечно, не человѣческой, а благодатной. Въ насъ, во всѣхъ, крещенныхъ во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, горитъ огонь Божій. Сила наша, и жизнь наша, только въ немъ, въ этомъ огнѣ Божіемъ. Не пушка, не сабля — оружіе наше, а слово Божіе, и чистота сердца, въ которой обитаетъ Духъ Святый — Царь всякой силы. Въ насъ не можетъ быть темной боязливости, разъ мы христіане; въ особенности, если мы называемъ себя *чистыми* христіанами, т. е. *православными.* Отчего я волнуюсь, когда затрагиваю все это: — я вижу, какъ многіе мои знакомые христіане каждое воскресенье бываютъ у обѣдни, каждый годъ пріобщаются Тѣла Самого Христа, и испытываютъ такой рабскій страхъ передъ масонами, и всепоглощающей силой „сіонскихъ мудрецовъ", что для меня дѣлается очевиднымъ: *они не вѣрятъ во Христа.* Это ужасно то, что я говорю, но какъ сказать иначе: *они не вѣрятъ.* Если бы хоть немного вѣрили, выбросили бы всѣ эти протоколы въ корзину.

1-ый Правосл. — Послушайте, но вѣдь масоны дѣйствительно же мощная и антихристіанская организація.

2-ой Правосл. — Конечно. Конечно она — антихристіанская организація, — но *мощная ли?* Въ чемъ же ея мощь?

1-ый Правосл. — Во всемъ.

2-ой Правосл. — Скорѣе добавляйте еще одно слово: во всемъ *человѣческомъ.* Вѣдь согласитесь, что *масоны совершенно безблагодатная организація.*

---

*) I. Петра, 2, 9.
**) II. Тимоѳ. 1, 7.

Она пустая внутри; она можетъ обнять и побѣдить только пустоту; другую пустую организацію, или пустое человѣческое, не отданное Богу сердце. Развѣ что-нибудь измѣнилось бы въ мірѣ, если бы масоновъ, какъ организаціи, не было?

1-ый Правосл. — Очень многое въ исторіи послѣдняго столѣтія измѣнилось бы.

2-ой Правосл. — Вотъ вы, православный христіанинъ, а психологія у васъ соціалистическая: вы религіозно переоцѣниваете плотскую и душевную силу, по отношенію къ духовной. Ничего не перемѣнится въ мірѣ если ,вдругъ, умрутъ всѣ масоны, до единаго, а черезъ минуту всѣ сіонскіе мудрецы. Останемся мы всѣ со своими страстями, гордостью, сребролюбіемъ, блудомъ... Право не измѣнимся мы. Ту злобу, которую мы тратимъ сейчасъ на евреевъ, станемъ тратить на своихъ братьевъ-христіанъ, какъ, впрочемъ, уже тратимъ. Мы бы могли измѣниться, если бы обратили свое духовное вниманіе внутрь себя, на свои грязныя дѣла, и очистились бы отъ нихъ. *Тогда* бы мы измѣнились. И измѣнилось бы наше отношеніе къ пониманію зла. Преподобный Серафимъ, или святитель Златоустъ, или страстотерпецъ Георгій, совсѣмъ вѣдь не такъ понимаютъ зло, какъ мы. Мы всѣ сейчасъ *лицепріятны ко злу*, намъ кажется, что масоны — это христіанское абсолютное зло, а добрый нашъ знакомый, Иванъ Петровичъ, видный членъ Н-ской монархической организаціи, всюду разыскивающій масоновъ, и открыто, въ то же самое время, попирающій всѣ заповѣди блаженства, онъ — мѣрило всяческой духовной благонадежности. Ой, оглянитесь, православные, не ищите врага въ таинственныхъ салонахъ и міровыхъ кабинетахъ, вашъ врагъ глаза вамъ отводитъ, — ищите духа злобы прежде всего въ сердцѣ своемъ, какъ заповѣдуетъ Христосъ, и Его Святая Церковь, а потомъ — среди друзей своихъ по партіи, по вину, по картамъ... не для осужденія друзей, а для выявленія зла.

1-ый Правосл. — Что же это выходитъ? Ма-

соны имперіи разваливаютъ, по всему міру гоненія на Христіанство устраиваютъ, изъ душъ дѣтей Бога вытравливаютъ въ школахъ всѣхъ государствъ, а вы говорите: „Не ищите врага въ салонахъ“...

2-ой Правосл. — Милый другъ, вѣдь все равно, вы не боретесь съ масонами, вы только ихъ ищете, да боитесь ихъ. Боязнь масоновъ — гибельна для вѣры нашего общественнаго полухристіанства. Не говоря о томъ, что страхъ передъ масонами есть лучшая пропаганда ихъ дѣла, всѣ святые отцы велятъ бояться одного Бога, а мы одного только Бога не боимся. Всего боимся, темныхъ и тайныхъ силъ въ особенности, Бога — ничуть. Скажите, по совѣсти своей христіанской, есть ли въ нашемъ обществѣ *Богобоязненность*... Вѣдь это же очевидная истина, что ея нѣтъ. И вотъ мы, масонобоязненные христіане, за личное и общественное нечестіе свое, лишены христова ума и христова зрѣнія, безъ которыхъ никто не пойметъ и не увидитъ Царства Божія. Что дѣлать? Продолжать коснѣть? Лицемѣрить? Получать благодать крещенія и не пользоваться ея защитой отъ діавола? Говорить „Отче Нашъ“, *и не вѣровать, что Всесильный Господь есть нашъ Отецъ?* Изъявлять болѣзненную подозрительность къ неизвѣстнымъ, незнакомымъ масонамъ, и дружески совѣщаться, и даже выпивать со своими пріятелями по партіи или по полку, ни жизнію ни словомъ не исповѣдующими *Божество Христа, и не желая знать, что*... всякій *Духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь уже есть въ мірѣ?...**) Вотъ оно гдѣ самое отвратительное лицемѣріе. Развѣ не обнаженная дѣйствительность то, что я говорю сейчасъ. Христіанинъ не можетъ быть лицепріятенъ ко злу, воевать противъ одного зла и закрывать глаза на другое. Въ полной нелицепріятности ко злу — полная нелицемѣрность Христовой

---

*) 1 Іоан. 4, 3.

вѣры. Единственный мечъ, который принесъ Христосъ въ міръ мечей человѣческихъ — это мечъ отдѣленія истиннаго послѣдованія Христу отъ лживаго. Здѣсь не можетъ быть *никакого компромисса*, здѣсь немыслима никакая спекуляція. Если ты не вѣришь въ Божество Христа, и не хочешь вѣрить, то ты внѣ ограды Святой Церкви, и твоя помощь Ей — будь ты самъ императоръ вселенной, только осквернитъ Ее. Церковь не національная надстройка, не историческое общество, во главѣ которой стоятъ люди съ длинными волосами, а святая воиствующая, въ Святомъ Духѣ, Церковь Христова — Тѣло Христа — единственная цѣнность земли, ковчегъ, съ единою Дверью, спасающій всѣхъ входящихъ въ него... Масоны. Не масоны страшны, а мы, мы, христіане, страшны; мы страшны для зла въ нашей святости, мы воистину страшны для себя въ своемъ паденіи.

Какъ чудно говорятъ объ этой истинѣ святые отцы, мученики, святители, преподобные! Какъ презираютъ они земное могущество гонителей Церкви, какъ посмѣяваются усиліямъ царей воевать со Святымъ Духомъ. — Вся ихъ бдительность — какъ и огненныхъ херувимовъ — у вратъ Церкви, чтобы не допустить войти въ Нее ничему нечистому. Мы же — не то, не то. Полнѣйшій индиферентизмъ къ подлинной духовной жизни, къ защитѣ чистоты ризъ церковныхъ, и тягостнѣйшая боязнь внѣшнихъ враговъ. Вы говорите: „масоны борются съ Церковью“. А мы не боремся, развѣ, съ Нею, ежедневно, ежечасно грѣша сердцемъ, и каясь умомъ разъ въ годъ. Вотъ *это дѣйствительно борьба съ Церковью*; болѣе того: *разрушеніе Церкви*. А масоны... вся ихъ сила въ нашемъ полухристіанствѣ, въ нашемъ кощунственномъ невѣріи въ Силу Господа Іисуса Христа, Живого, Живущаго среди насъ, Бога. Господи, прости намъ наши грѣхи.

О ПРАВОСЛАВІИ.

(2-ой діалогъ)

1-ый Православный: — Я хочу съ вами поговорить о Православіи. Въ прошлый разъ, вы мнѣ высказали нѣкоторыя мысли, надъ которыми я думалъ это время. Мнѣ, вдругъ, показалось, что ваша точка зрѣнія послѣдовательнѣе моей; впрочемъ, я чувствую у васъ какую то крайность. Мнѣ необходимо еще поговорить съ вами.

2-ой Православный: — Знаете, отчего вы пришли ко мнѣ? — Потому что вы любите Бога такъ, какъ Онъ хочетъ, чтобы Его любили Его дѣти — люди, — *больше какихъ бы то ни было земныхъ, даже самыхъ высокихъ привязанностей.* Вы любите Россію, вы любите семью свою, близкихъ людей, но ничему вы не отдаете святое святыхъ вашего сердца, — только одному Христу, по Его заповѣди. У васъ не языческое, но христіанское сердце. Вотъ наша съ вами „крайность", ибо и мое грѣховное сердце божескую почесть можетъ воздавать только Богу. Мы видимъ Христа дѣйствительно и реально, всюду на первомъ мѣстѣ. Отъ этого наша любовь, любовь трепетная къ Тѣлу Христову — Церкви. И здѣсь нерасторжимое наше единеніе. Мы не можемъ забыть словъ Христа: „Огонь пришелъ Я

низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся"*).

1-ый Правосл. — Я разскажу вамъ процессъ моихъ мыслей за это время. Я разстался съ вами, нѣсколько досадуя на васъ. Даже порядочно. Я обвинялъ васъ въ пагубномъ прекраснодушіи, и въ полномъ практическомъ неразуміи. Я чувствовалъ въ васъ какой то соблазнъ, и, придя домой, даже сѣлъ писать статью противъ вашихъ мыслей, но — ничего не вышло. Я сталъ вспоминать ваши слова, и, вдругъ, понялъ, — *Что*, вѣрнѣе сказать, — *Кто* стоитъ за всею вашею ревностью... И здѣсь, какъ то объяснилось, почему у меня внутренно горѣло сердце, когда вы говорили о Церкви. Я, прежде всего, увидѣлъ, что вы любите Христа, и Церковь не отдѣляете отъ Него.

2-ой Правосл. — Нѣтъ, я мало люблю Церковь; надо Ее больше любить. — Она Невѣста Божія, и спасеніе міра. Ее нельзя любить достаточно.

1-ый Правосл. — И вотъ мнѣ пришла мысль, что вы любите Церковь, любите Христа. Я записалъ сейчасъ же ваши мысли, и сталъ подробно обдумывать ихъ, и сопоставлять съ ними мое воспріятіе Евангелія. И я тутъ увидѣлъ, что будучи сердечно согласенъ съ вами, не имѣя, собственно, никакой внутренней возможности возражать вамъ, я, разговаривая съ вами, противился вамъ, вѣрнѣе не я, а что то во мнѣ противилось, и это, противящееся, само — было темно, страшливо и безплодно. Я почувствовалъ, что возражая вамъ, я говорилъ чужими словами, и понялъ, что — эти слова и чувства, „чужія" не только мнѣ, но и каждому христіанину, который ихъ произноситъ. А сколь часто ихъ произносятъ сейчасъ!

2-ой Правосл. — Сейчасъ мы страшное время переживаемъ. Злоба аггеловъ сатаны сходитъ на міръ, и накладываетъ свои печати на лица христіанъ. Печать эта: безразличіе къ словамъ Хри-

---

*) Лук. 12, 49.

стовымъ. Сколько единицъ, изъ тысячъ христіанъ, *любятъ* читать Евангеліе, *любятъ* стоять на молитвѣ, переживаютъ благоговѣніе и *радость* слыша о Христѣ, думая о Немъ, *или, хотя бы — каются предъ Богомъ, не имѣя этого?* А вѣдь какое благоговѣніе переживали христіане, раньше, предъ земными царями, теперь, переживаютъ предъ денежными властителями великой пустыни земного шара! Заражены христіане безуміемъ міра. Большинство изъ насъ крещено въ вѣрѣ, но не воспитано въ ней. Крестные отцы выбирались намъ познатнѣе да побогаче, о людяхъ имѣющихъ сокровище молитвы не думали, — вотъ мы и выросли соотвѣтственно. А сейчасъ люди страдаютъ и не вразумляются. Сбывается Апокалипсисъ: язвы должны убѣдить міръ въ его ничтожности — внѣ Христа; люди же, поражаемые язвами, хулятъ имя Божье, считая Господа — Виновникомъ своихъ страданій; „хулятъ Бога, имѣющаго власть надъ этими язвами, *и не вразумляются, чтобы воздать Ему славу*"*). Надо великимъ славословіемъ славословить Бога, за всѣ Его вразумленія, а люди хулятъ имя Божье: кто не хулитъ словомъ, тотъ хулитъ своими жизненными поступками.

1-ый Правосл. — Когда я понялъ то, что вы мнѣ говорили въ прошлый разъ, я осознал свой нехристіанскій, а потому тягостный образъ мышленія, и, какъ бы полнымъ подтвержденіемъ открывшейся мнѣ истины, счелъ я, вспомнившіяся мнѣ слова Христовы: „Не бойся малое стадо". *Боязливыхъ* и *невѣрныхъ*, Апокалипсисъ соединяетъ въ одной участи, въ озерѣ горящемъ**). Церковь — лодка Божья! пусть обуреваютъ Ее волны. Рядомъ, даже со спящимъ, Спасителемъ, нельзя быть маловѣрнымъ и боязливымъ... Мнѣ кажется, я понялъ даже причину этой боязливости, о которой вы говорили.

---

*) Откров. 16, 9.
**) Откров. 21, 8.

2-ой Правосл. — Въ чемъ же вы ее видите?

1-ый Правосл. — Въ общей боязливости нашей духовной жизни. Я совершенно ясно почувствовалъ на себѣ, что главная наша боязнь, это боязнь, *какъ разъ, именно того, чего хочетъ отъ насъ Христосъ.*

2-ой Правосл. — Да, это вѣрно.

1-ый Правосл. — Богъ хочетъ, и Учители Церкви объ этомъ горорятъ, чтобы вѣрующій, прежде всего, прежде всѣхъ цѣнностей міра, любилъ Его, Творца и Огца всѣхъ, а мы искренно хотящіе быть „вѣрующими", вмѣстѣ съ этимъ, тоже совершенно искренно, *боимся перваго условія вѣры, поставленнаго Самимъ Богомъ.* Святость семьи, святость земной родины, имѣющую смыслъ только въ Богѣ (Единственномъ Подателѣ и Источникѣ всѣхъ освященій), мы, въ нашей практической жизни, примѣняемъ внѣ Христа, и святыя во Христѣ вещи дѣлаются нашими идолами, и нашими высшими соблазнами. Бога — Причину и Смыслъ всего — забываемъ, и, оторванной отъ Него святости, святости близкаго человѣка — мужа, жены, матери, сына, святости семьи нашей общей — Россіи поклоняемся *честію любви*, принадлежащей одному Христу. А потомъ не понимаемъ: почему отнялась отъ насъ Россія, почему умеръ сынъ, заболѣлъ отецъ, или забыли насъ наши дѣти... А второй нашъ грѣхъ жизни, это — не сознаваться въ первомъ своемъ грѣхѣ.

2-ой Правосл. — Вы хорошо опредѣлили нашу бесѣду: это именно, сейчасъ, есть бесѣда „о Православіи" — о *правой* и о *славной* вѣрѣ христіанской. Потемнѣніе нашего христіанскаго сознанія вѣроятно началось съ грѣха противъ этого слова. „Православіе", значитъ чистая вѣра Христова; не голая, словесная, самопрославляющаяся вѣра, но вѣра плодоносная, жизненная, прославляемая Богомъ. Но во что выродилась наша православность! Одинъ стыдъ. Догматы, не оправданные дѣятельностью, и дѣятельность не запечатлѣнная плодами —

вотъ какой характеръ получило, въ жизни большинства православныхъ, „Православіе“. Но если правая вѣра безъ плодовъ была отвергнута Богомъ въ фарисеяхъ, то сколь же болѣе это относится къ намъ! Довольные древностью своей вѣры, мы довольствуемся только этимъ, какъ современные евреи. Но Господь нелицепріятенъ. Освѣтивъ Ѳаворскимъ свѣтомъ тѣхъ изъ нашихъ православныхъ братьевъ, которые построили свою жизнь на основахъ своихъ чистыхъ догматовъ, Господь проклялъ тѣхъ, которые удовлетворялись только сознаніемъ своей славности и своей правости. Отдана — буквально — отдана псамъ на съѣденіе Византія за религіозную лживость ея законниковъ и беззаконниковъ. Россію не вразумилъ ея примѣръ: лжеправославіе рушится и въ Россіи. А мы, ученые и мудрые и лицемѣрные, умѣющіе различать лицо неба на нашихъ климатическихъ станціяхъ, и въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, мы не уразумѣваемъ *трубныхъ* знаменій временъ — даже сейчасъ, послѣ всего, всего... Лукавые и лѣнивые (о, очень лѣнивые) мы рабы. И намъ будетъ хуже, чѣмъ евангельскому, ибо евангельскій закопалъ одинъ талантъ, а мы — всѣ десять. Мученики за вѣру — вѣчная слава имъ — выкопали, сейчасъ, во спасеніе наше, нѣсколько. Вотъ они — православны. Православенъ Пастырь Кронштадтскій, свѣтильникъ міра, утѣшеніе страны и ободреніе ея — предъ бурей; православны всѣ пастыри, подобные ему; православны святители Ѳеофанъ Вышенскій, Іеремія Новгородскій, и подобные имъ дѣятели слова церковнаго священноиноки Паисій, Макарій; православенъ святитель Николай Японскій, просвѣтитель язычниковъ, и всѣ апостолы — миссіонеры, подобные ему; православенъ избранникъ Божій — Тихонъ, патріархъ, и всѣ его духа архипастыри; православны міряне — тысячи и тысячи ихъ — *не стыдящіеся Христа нигдѣ:* непогодою, съ зажженными свѣчами, крестнымъ ходомъ ходившіе среди богохульниковъ, — тѣ, у которыхъ свѣтились ку-

пола, обновлялись иконы, которые за послѣднюю копейку выкупали у безбожниковъ церкви, могли выстаивать всенощныя моленія въ своей приходской церкви, а, на утро, всею церковью, причащались Животворящихъ Таинъ; православны тѣ, которые не имѣя ничего, посѣщали больныхъ, утѣшали немощныхъ, принимали странныхъ, за обиду не обижали, за злословіе не злословили, любили враговъ своихъ, и постились за гонителей своихъ, — отдавали послѣднюю одежду. Ихъ много сейчасъ, *и они есть Православіе.* Иного Православія не существуетъ, поймите, другъ мой, эту радость. Господь обнажилъ раны и исцѣлилъ души многихъ. Слава Господу! Православіе есть — узкія врата, ибо оно есть Царствіе Христово. Широкими путями никому нельзя итти въ Царствіе Божіе — даже Православію, ибо правъ и славенъ только крестный путь.

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ СѢТЬ НАДЪ МІРОМЪ.

„Не говори мнѣ: что сможемъ сдѣлать мы, двѣнадцать человѣкъ, вступивъ въ среду такого множества людей? Въ томъ самомъ и обнаружится яснѣе ваша сила, что вы, вмѣшанные во множество, не предадитесь бѣгству".

Св. Іоаннъ Златоустъ

Одному, недавно прославленному, французскому подвижнику 19-го вѣка, Господь далъ то, чего тотъ просилъ: видѣніе всѣхъ глубинъ его грѣховности. Видѣніе было столь ужасно, что святой сталъ взывать къ Господу, прося закрыть ему очи, и сдѣлать его опять подобнымъ всѣмъ людямъ, не ощущающимъ вопіющей смертности своей природы.

Нѣкоторымъ людямъ непонятно удивительное смиреніе святыхъ (говорятъ: „вѣдь они же не могутъ не знать, что они лучше другихъ!"). Но смиреніе постигается не „душевной" психологіей. Святой смиренъ не на словахъ, потому онъ и святой, — онъ *истинно* видитъ испорченность человѣческаго естества — такую великую, такую безмѣрную, отъ видѣнія которой — и отъ ощущенія Отцовства Божьяго — ему ничего не возможно

дѣлать, какъ только взывать къ Богу о помилованіи, и самому снижаться ниже пепла. Отъ чистоты совѣсти, малѣйшій грѣхъ кажется чудовищнымъ, словно огромное увеличительное стекло накладывается на покаянное сознаніе человѣка. И это — *реальное ощущеніе истины.*

Бѣдный міръ, въ какомъ страшномъ миражѣ онъ живетъ.

Жилъ въ мірѣ, въ Италіи, шесть вѣковъ тому назадъ, одинъ смертный, который на своемъ знамени написалъ: „Я герцогъ Вернеръ, вождь великой Кампаньи, врагъ Бога, состраданія и сожалѣнія“. Подобная чистота богоборчества можетъ быть только среди людей глубокой вѣры.

Теперь, открывъ газету, читаемъ: „Эмиль Лубэ и королева халвы“. „Бывшій президентъ республики, Эмиль Лубэ, которому исполнилось уже 90 лѣтъ, совершенно отошелъ отъ политической жизни, но принимаетъ, иногда, участіе въ дѣлахъ своего родного города Монтелимара. Въ праздникъ Успенія, подъ предсѣдательствомъ Лубэ, въ Монтелимарѣ, славящемся своей халвой, происходили выборы изъ мѣстныхъ красавицъ „королевы халвы“. Корона, изъ рукъ бывшаго президента республики была возложена на мѣстную работницу Розу Лебель“.

Несмотря на очень гуманную церемонію старца Лубэ, всякому, не останавливающемуся на поверхности явленій, станетъ ясно, что торжественный праздникъ халвы въ праздникъ Успенія, и афродитическое богослуженіе цѣлаго города, въ день памяти Преставленія Богоматери, есть прямое продолженіе дѣла герцога Вернера, врага Бога. Герцогъ только жилъ въ религіозную эпоху, и свое богопротивленіе облекъ, пусть отрицательно, но въ религіозно-волевую форму. (Такъ же облекаютъ теперь свое дѣло противники Божьи среди вѣрующаго русскаго народа).

Случай въ Монтелимарѣ очень характеренъ: *онъ, во-первыхъ, наглядно показываетъ характеръ*

того „рая на землѣ“, о которомъ мечтаетъ звѣроподобное человѣчество; а потомъ, вообще, въ немъ полностью выражены всѣ высоты міроощущенія, всѣ „праздничныя цѣнности“ людей тлѣннаго вѣка. Вождь великаго народа, человѣкоизбранный образецъ человѣчества, на краю могилы встаетъ во весь свой духовный ростъ... Народный праздникъ культа Венеры и культа вкусовой сласти, въ день Успенія Божіей Матери... Невольно вспоминаешь (какъ очевидецъ) бѣснованіе міровой столицы — Парижа, въ минуты ньюіоркской драки національнаго боксера Карпантье съ его американскимъ противникомъ; — всѣ эти толпы, эти свѣтовые аэропланные сигналы на ночномъ небѣ...

Гдѣ мы живемъ, кто этотъ міръ, что окружаетъ насъ? Кто смѣетъ призывать насъ къ любви къ такому міру? Любить человѣка, любить образъ Божій въ немъ, это значитъ всѣми силами своей души возненавидѣть тотъ космическій миражъ, которымъ окутанъ отошедшій отъ Бога міръ.

Совсѣмъ недавнее, незамѣтное сообщеніе газеты... на сценѣ одного австрійскаго курорта шла какая то комедія, роль камердинера въ этой комедіи исполнялъ „извѣстный комикъ“ Юліусъ Твердый. Среди комедіи, комикъ упалъ; публика, думая что *все входитъ въ игру*, встрѣтила это паденіе взрывомъ хохота. Когда хохотъ стихъ, всѣ увидѣли, что комикъ мертвъ.

Что же это случилось такое? Человѣкъ, вѣроятно, много лѣтъ духовно умиралъ предъ людьми, внося соблазнъ забвенія всего Христова; и вотъ, не доигралъ игры — умеръ при оглушительномъ хохотѣ міра. А люди, надъ кѣмъ они смѣялись? — надъ мертвымъ человѣкомъ.

Какой глубокій смыслъ въ этомъ. Мы почти всѣ умираемъ при хохотѣ веселящагося міра; пусть не въ нашей комнатѣ хохочутъ, а въ сосѣдней, пусть не надъ нами, а надъ какимъ нибудь бѣднымъ, воистину несчастнымъ Юліусомъ...

До какихъ поръ мы, христіане, не порывающіе

съ названіемъ христіанъ, будемъ двуликими (и хорошо еще, если только двуликими) въ нашей жизни? Даже если не говорить о дѣлахъ, но говорить о первомъ: *объ ощущеніи жизни.* Наши оцѣнки, наши интересы, наша *психологія*, до такой степени проникнуты, какъ грѣховной страстностью, такъ и грѣховной бездушностью вѣка, что Благодать Божья не можетъ не уходить отъ насъ. Живя теперь не въ языческомъ, а уже въ богоотступническомъ мірѣ, мы, внѣшне держась за христіанство, отдаемъ себя во власть всей жизни этого міра, міра уже начинающаго колебаться въ преддверіи страшныхъ катастрофъ.

Насъ связываютъ теплохладныя привычки. Мы прывыкли жить въ мірѣ какъ въ удобно обставленной комнатѣ, и намъ трудно понять, что міръ нашъ есть огненный шаръ сжигаемаго творенья, къ которому прикоснулся Богъ Отеческимъ прикосновеніемъ.

Сѣрость нашего сердца, и нашего ума, мы считаемъ за сѣрость минутъ Богомъ данной намъ жизни. Пребывая Вездѣсущимъ, Господь далекъ отъ нашихъ сердецъ, ибо быть съ Нимъ нельзя безъ любви къ Нему, а любить его нельзя, не возненавидя, *всею душою*, „похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую“, которыми отравлено сердце міра. Да не смущаются люди, читая евангельское слово „ненависти“. Это — отверженіе вѣчной смерти, столь же огненное, какъ и любовь къ вѣчной Христовой жизни. „Міръ, котораго Іоаннъ Богословъ повелѣваетъ не любить — не созданія, но мірскія похоти“, — такъ говоритъ Церковь о мірѣ, словами священномученика Петра Дамаскина.

Многіе удивляются мудрости и любви Евангельской; но нельзя имъ удивляться, не удивившись сперва безумности человѣческаго окаменѣннаго сердца, не устрашаясь растлѣнности міра и человѣка. Христіанамъ потому Господь закрылъ доступъ къ живому чтенію Слова Божьяго (страшный фактъ

нашего времени), что они не отвергаютъ зла, не отрываютъ сердца отъ косной стихіи міра, а погружаются въ нее все глубже и глубже, подъ всякими, даже высокими предлогами.

Человѣчество теряетъ ощущеніе грѣха. Это есть признакъ утери Бога. Подъ именемъ „зла“, люди, мнящіеся быть христіанами, начинаютъ отвергать не зло, а послѣдствія зла. Это отверженіе, эта борьба не съ существомъ зла, а лишь съ его послѣдствіями выпукло обнаруживается въ сектантскомъ „отрицаніи“ войны, какъ „зла“, и въ столь же далекомъ отъ Христа утвержденіи побѣды надъ „зломъ“, чрезъ побѣду человѣческаго меча.

Но грѣхъ надо ощутить, какъ грѣхъ: отвергнуть его *какъ грѣхъ, — предъ Богомъ*, не глядя на человѣческія лица (будь то лицо человѣка, или цѣлой страны). Въ христіанскомъ мышленіи насущно необходимо очистить понятія „добра“ и „зла“, какъ не личныхъ, не коммерческихъ, не общественныхъ, не государственныхъ категорій, а церковно-абсолютно Божьихъ.

Только понявъ *зло*, какъ единый *грѣхъ*, ощутивъ его такъ, какъ повелѣлъ его ощущать Господь, христіане смогутъ противостать, благодатной силой, коснымъ стихіямъ и сознательно-растлѣвающей силѣ міра, берущей, сейчасъ, надъ человѣкомъ, все болѣе мучительную, *и все меньше замѣчаемую* власть.

ПРОРОКЪ ЦЕРКВИ.

Великопостные часы начались чтеніемъ Пророка Исаіи. Первая же великопостная паремія поражаетъ: до того, она, написанная болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ назадъ, подходитъ къ нашему времени. Неудивительно, когда бываютъ какъ бы для насъ написанными притчи Священнаго Писанія, или заповѣди Божьи: предметъ заповѣдей и притчъ — человѣческая душа, а законы души человѣческой одни и тѣ же для всѣхъ временъ и народовъ. Въ великопостныхъ же чтеніяхъ Пророка Исаіи насъ поражаетъ сходство общаго, духовнаго и матеріальнаго состоянія израильскаго народа, временъ пророка, съ современнымъ состояніемъ народа русскаго. Говоря о своемъ народѣ, Пророкъ открыто говоритъ о нашихъ язвахъ и указываетъ пути нашего возстановленія, ибо единъ и неизмѣненъ путь Промысла Божія, въ спасеніа любимыхъ.

Жизнь шла и идетъ — съ удивительной точностью — такъ, какъ говоритъ Пророкъ Исаія.

Пророческими велѣніями руководился Святѣйшій Патріархъ Тихонъ, посланіемъ призвавшій русскій народъ къ подвигу покаянія. 10 лѣтъ тому назадъ, Святѣйшій Патріархъ назначилъ общій постъ, общее говѣніе, общее очищеніе душъ, ибо онъ зналъ *что* можетъ спасти Божью Россію. Не

покаялся народъ слезами, — Господь его привелъ къ покаянію крови. Но не у всѣхъ добровольно было покаяніе крови, и потому Господь медлитъ избавленіемъ.

Вотъ Господь отнимаетъ, отъ избраннаго народа, по слову пророка — „всякое подкрѣпленіе хлѣбомъ и всякое подкрѣпленіе водою, храбраго вождя и воина и мудраго художника и искуснаго въ словѣ, и даетъ народу отроковъ въ начальники. И будетъ, говоритъ Господь, въ народѣ одинъ угнетаемъ другимъ, и каждый ближнимъ своимъ: юноша будетъ нагло превозноситься надъ старцемъ и простолюдинъ надъ вельможею. Поникнутъ гордые взгляды человѣка, и высокое людское унизится, и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день. Сильный въ народѣ — будетъ отрепьемъ, и дѣло его — искрою, говоритъ Господь."

Господь воспитывалъ и возвышалъ насъ, *какъ сыновей* своихъ, ибо мы носимъ имя правыхъ послѣдователей Христа. Такъ Господь и говоритъ: „Я воспиталъ и возвысилъ сыновей, а они возмутились противъ Меня. Волъ знаетъ владѣтеля своего и оселъ ясли господина своего, а Израиль не знаетъ Меня, народъ Мой не разумѣетъ. Увы, народъ грѣшный, народъ обремененный беззаконіями... Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева — повернулись назадъ... И, дальше, горькое и праведное слово говоритъ намъ Господь: *во что васъ бить еще, продолжающіе свое упорство?* Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло... Земля ваша опустошена, города ваши сожжены огнемъ, поля ваши, на вашихъ глазахъ, съѣдаютъ чужіе."

Много духа намъ далъ Господь, а когда пришелъ взять плоды, все сокровище наше, Богомъ данное, оказалось зарытымъ въ землѣ. Должны были быть благоуханнымъ свѣтильникомъ духа всему міру, а оказались чадящимъ огаркомъ. Если бы Господь, говоритъ пророкъ, не оставилъ намъ небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содомъ, уподобились бы Гоморрѣ. „Слушайте слово

Господне, князья Содомскіе, внимай закону Бога нашего, народъ Гоморрскій... праздничныхъ собраній — вашихъ не могу терпѣть: беззаконіе и празднованіе! Праздники ваши ненавидитъ душа Моя, они бремя для Меня, Мнѣ тяжело нести ихъ. И когда простираете руки ваши Я закрываю отъ васъ очи Мои... омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ, перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и разсудимъ, говоритъ Господь. Если будутъ грѣхи ваши какъ багряное, — какъ снѣгъ убѣлю, если будутъ красны, какъ пурпуръ, какъ волну убѣлю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то мечъ пожретъ васъ: ибо уста Господни говорятъ."

Точно и ясно говоритъ пророкъ о растлителяхъ народа: „выраженіе лица ихъ свидѣтельствуетъ противъ нихъ, и о грѣхѣ своемъ они разсказываютъ открыто, какъ Содомляне, не скрываютъ: горе душѣ ихъ!..." Да, все — какъ тогда.

И начинаетъ пѣть пророкъ пѣснь про наше усыновленіе Богу, черезъ Христа, и про наше паденіе. Чудными высокими образами поэзіи онъ рисуетъ насъ, нашу землю русскую: „Воспою Возлюбленному Моему пѣснь Возлюбленнаго Моего о виноградникѣ Его. У Возлюбленнаго Моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы. И онъ обнесъ его оградою, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы, и построилъ башню посреди его, и выкопалъ въ немъ точило, и ожидалъ, что онъ принесетъ добрые грозды, а онъ принесъ дикія ягоды." Поистинѣ, страна наша была виноградникомъ Христовымъ: и чистота вѣры христіанской, апостольской, и могущество царя христіанскаго, и широта и даровитость народа, и богатство земли... Ожидалъ, говоритъ Господь, что добрые грозды принесетъ виноградникъ сей; а онъ принесъ дикія ягоды.

„И нынѣ, жители Іерусалима (разумѣй святыхъ) разсудите Меня съ виноградникомъ Моимъ. Что, еще надлежало бы сдѣлать для виноградника Моего, чего Я не сдѣлалъ ему? Почему, когда Я ожидалъ, что онъ принесетъ добрые грозды, онъ принесъ дикія ягоды? Итакъ Я скажу вамъ, что сдѣлаю съ виноградникомъ Моимъ: отниму у него ограду, и будетъ онъ опустошаемъ, разрушу стѣны его и будетъ попираемъ. И оставлю его въ запустѣніи; не будутъ ни обрѣзывать, ни вскапывать его; и заростетъ онъ тернами и волчцами, и повелю облакамъ не проливать на него дождя... Горе вамъ, прибавляющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ... Горе тѣмъ, которые съ ранняго утра ищутъ сикеры и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ. И утра, и гусли, и тимпанъ, и свирѣль, и вино на пирушкахъ ихъ; на дѣла Господа они не взираютъ, и о дѣяніяхъ рукъ Его не помышляютъ.

За то народъ Мой пойдетъ въ плѣнъ непредвидѣнно, вельможи его будутъ голодать, и богачи его будутъ томиться жаждою. За то преисподня расширилась и безъ мѣры раскрыла пасть свою; и сойдетъ туда слава ихъ, и богатство ихъ, и шумъ ихъ, и все что веселитъ ихъ. И преклонится человѣкъ и смирится мужъ, и глаза гордыхъ поникнутъ. А Господь Саваоѳъ превознесется въ судѣ, Богъ Святый явитъ святость Свою въ правдѣ, и будутъ пастись овцы по своей волѣ, и чужіе будутъ питаться оставленными жирными пажитями богатыхъ... Горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ, а добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ, и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ, и сладкое горькимъ! Горе тѣмъ, которые мудры въ своихъ глазахъ и разумны передъ самими собою!“

Да, мы мудры въ своихъ глазахъ, какъ и весь грѣшный и прелюбодѣйный міръ, да мы разумны сами предъ собою. И оттого, зло грѣха, многіе изъ насъ называютъ добромъ, и сладкое Церкви — горькимъ.

V

ПИСЬМА В БРЮССЕЛЬ

1927-1931

Некоторые письма к матери

Париж, Сергиево Подворье.
8/21 января, 1927 г.

Вчера Академию посетило горе, владыка Вениамин уехал в Сербию, быстро собравшись. Он уже давно хотел уехать из Парижа, академическая работа была ему не по духу, – хотелось пастырской, миссионерской работы и уединения.

Тебе: Вероятно и у меня что то переменится. Хотелось бы последовать за Владыкой в Сербию и поселиться в одном из уединенных сербских монастырей. В последнее время я стал все острее чувствовать, что нельзя совместить монашество мое и священнослужение с учением в Академии. Если на мой отъезд не будет воли Божьей, я с радостью останусь и проживу здесь, сколько будет надо. Но, повидимому (боюсь еще говорить об этом), воля Божия будет на мой отъезд. Работа над собой и духовная жизнь неизмеримо важнее наук, которые, кстати сказать, всегда смогут быть около меня, где бы я, в тишине и спокойствии не находился. Слишком много я жил в последнее время только "умственно" ; надо *сейчас* всё внимание устремить на духовную сторону ("Духа не угашайте", говорит апостол Павел). И мне не хочется угасить своего духа, который крепнет, с Божьей помощью. Что потом будет – неизвестно, нельзя говорить о послезавтрешнем и даже завтрешнем дне. Господь укажет, как Он и теперь, кажется, указывает.

Сербские монастырьки своеобразны, это скорее хутора, даже усадьбы, где живет монах, или два, или три, управляющие хозяйством и, иногда, заменяющие приходских священников. Вообще, сербское монашество в упадке в смысле духовном, но ведь я, если поеду в Сербию, поеду пожить уединенной жизнью, набраться мира и тишины, побезмолствовать с писаниями святых отцов. Для всего этого деревенская глушь какого нибудь сербского монастырька (по выбору владыки) наиболее подходит.

Владыка, может быть, уедет и в Японию, а если будет в Сербии, то я буду с ним, что мне ценно очень. Отец Кирик написал мне, – попал как раз к случаю: "Держись за мантию Владыки Вениамина крепко и неопустительно, и спасен будешь благодатью Христовою". *Как ты смотришь на все это ?**

У нас окончились вакации, начались занятия. Служил литургию каждый день и прочие службы почти всю неделю. Всё – слава Богу.

Твой Иоанн

* См. стр. 137.

Париж,
Январь 1927 г.

На днях поехал к митрополиту Евлогию и беседовал с ним. Он сказал, что вполне понимает мое стремление к уединению, но просит меня подождать "по крайней мере до Пасхи", с окончательным решением. Мой отъезд может вызвать некоторый нежелательный, сейчас, отзвук в Академии, – его могут истолковать по злобе дня. На следующий день был у меня разговор с о. Сергием Булгаковым. О. Сергий очень разволновался когда узнал, что я имею помысел уехать из Парижа. Наговорил мне кучу всяких вещей и хотел, чтобы я дал ему обещание не уезжать до конца учебного года. Я ему определенно ничего не обещал, но выразил "внутреннее удовлетворение" после того, как он изложил мне план маленьких реформ в академических занятиях во втором семестре, который начнется через неделю. Предполагается сделать два-три предмета необязательными и тем разгрузить, хоть немного, студентов, кои, даже и не имея духовных дел, погружены в занятия свыше человеческих сил. Реформа меня освободит немного. Кроме этого – дано нам разрешение (мне и о. Афанасию) служить по одной литургии на неделе (помимо воскресений). Таким образом состоится "оттяжка в духовную сторону". Это в значительной мере сглаживает остроту вопроса, который я поднял.

Пока, пребуду в Академии. Что Бог даст дальше, не знаю. От владыки Вениамина нет никаких сведений, – что то он сообщит. Мысль о. Г. о Льеже мне совсем не подходит. Во-первых, я не чувствую сил для священства и не чувствую сил быть в суете прихода. Пользу другим можно приносить духовно только, если себе не приносишь вреда. Только тот, мне кажется, приносит *(в духовной жизни)* пользу людям, кто приносит ее себе. И наоборот. Это верно для всякой духовной жизни, в миру и в отшельничестве. Духовная жизнь, с ее законами, одна для всех.

---

* Еще один пункт хочу тебе осветить: не желая, чтобы истолковывали мой уход из Академии неправильно, я не хочу переходить в юрисдикцию Синода, а приму тогда юрисдикцию Сербского Патриарха.
(Это не осуществилось. Вызвавший меня в Сербию владыка Вениамин вошел в юрисдикцию Зарубежного Русского Синода, и я, по прибытии к нему, был включен в нее. А.И.).

Среда, 1927.
Конец января. Париж.

Опять перемена, повидимому окончательная. Владыка Вениамин вызывает в Сербию. После тех бесед, о которых тебе писал, я получил от Владыки из города "Белая Церковь" письмо следующего содержания: "... пишу Вам кратко. Советую, сокровенно, не откладывая, испросить у Митрополита Евлогия канонический отпуск для перехода в иную Епархию, – и собирайтесь в Сербию. Монастырь для Вас есть. Дальнейшее Бог укажет. На дорогу распродавайте все лишнее (книги)..." Дальше указания путешествия, как ехать. Оканчивалось письмо: "о подробностях перепишемся еще". В ответ на все это, я сейчас же написал длинное письмо, где просил Владыку сообщить хотя бы о некоторых подробностях – как он думает меня устроить. Я указал, что, по совести, признаю Митрополита Евлогия и не будет ли у меня конфликта с духовенством русским в Сербии. Так же написал, что с *человеческой* стороны не имею решительно никаких предпочтений в пользу отъезда или пребывания в Академии. Молюсь лишь о проявлении Божьей Воли.

Вчера получил такое указание, с приветствием, от владыки Вениамина: "Пишу Вам второй раз. Я, помня завет и о. Кирика, и по своим здешним соображениям, молитвенно желаю, чтобы Вы приехали в Сербию и именно ко мне.

Но, заранее предупреждаю, чтобы Вы не смущались послушанием, каково бы оно ни было; на что я надеюсь вполне, с Божьей помощью и за молитвы о. Кирика; зная к тому же, что намеченные мною Вам дела будут полезны и Вам и другим. – Не знаю: добыли ли Вы визу? Я ныне на всякий случай вчинил хлопоты о визе Вам в посольстве нашем. Сказали, что визу дадут; вероятно дней через 10 она будет в Париже. По получении ее, с Богом отправляйтесь в Сербию таким путем... (Владыка подробно указал маршрут) до Белой Церкви, городка бывшей Австрийской Сербии".

У меня сейчас возникает несколько "фронтов": 1) Митрополит, 2) Академия, 3) финансы. Митрополит не будет ли откладывать "до Пасхи" "канонический отпуск"? Не поймет ли Академия, в конце концов, мой отъезд как бегство от Митрополита и начало развала Академии? (Не все ведь могут понять те высшие мотивы, которыми владыка Вениамин всегда руководствуется). А по третьему "фронту" мне надо, приблизительно, около 1000 фр. на дорогу, паспорт, визы и т.д. Не знал, как ликвидировать книги; а сегодня

приходит ко мне один немолодой вольнослушатель Академии (бывший юрист, теперь готовящий себя в священники), и я узнаю, что он занимается продажей старых книг. Сейчас же мы составили список книг моих, оценив их, в среднем, в 700 фр. Но время продажи – длительно. Я прямо ему говорю, *для чего* мне нужны деньги, и он дает мне 500 фр. Это – великодушно. Остальные 500 думаю получить за мое Добротолюбие знаменитое (у меня все 5 томов его на русском языке). Так, материальный вопрос решен.

17 февраля, 1927 г.
Четверг, 11 ч. ночи. Шварцах.

Кажется, впервые пишу тебе, дорогая, из Австрии. Сижу на перепутьи между Цюрихом и Веной, – в первом был, до второй не доехал; жду скорого поезда на югославянскую границу, в нем будет вагон, который довезет меня до Загреба. В Загребе пересадка на пассажирский; в субботу, в 6 часов утра буду в Белграде, а 11 ч. вечера в Белой Церкви, на границе Румынии. Владыка там и определит меня на что-нибудь, а на что – не знаю.

Хотел тебе черкнуть в день отъезда из Парижа, но все ждал последней минуты, а день этот вчерашний был для меня хаосом. Академия "закатила" мне такие проводы, которых я во всю жизнь свою не видал, как своих глаз и ушей. В 3 часа дня был молебен. Отец Сергий сказал мне в церкви слово, и когда говорил, прерывался и чуть не плакал, что повергало меня в большое волнение; потом – благословил меня иконой Божьей Матери. Затем в аудитории старший студент сказал мне глубоко-трогательное слово, на которое я отвечал – очень не красноречиво, но, помню, от сердца.* И здесь благословили меня... На вокзал, к половине десятого, собралось человек 20 и с такой душевностью, с такой любовью провожали меня, что ни глазам, ни ушам своим я не верил. Провизии мне надавали столько, что мы с владыкой Вениамином, вероятно, только ею будем питаться до Великого Поста.

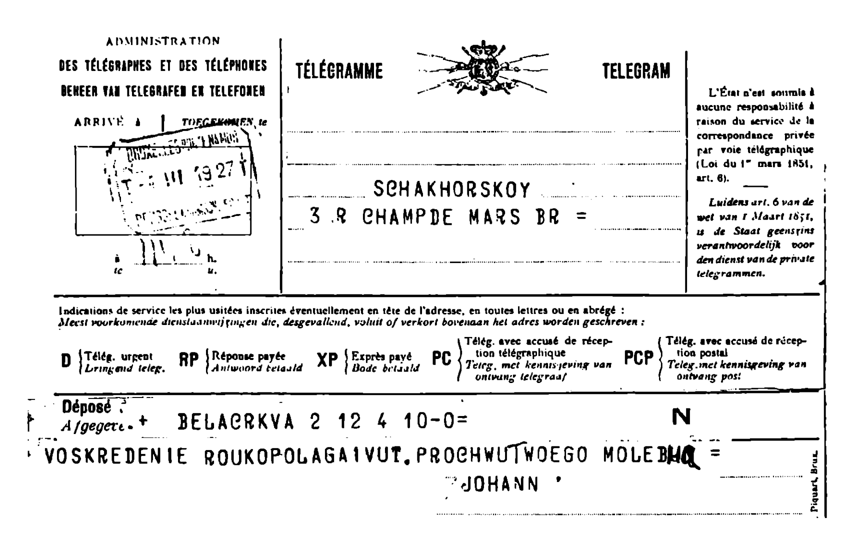
---

* До сих пор осталось в памяти, что я сказал. Я выразил мысль, что в служении Церкви нам надо быть *очень твердыми и очень мягкими*. Твердыми в сути веры и мягкими – по человеколюбию.

Заказное письмо твое получил и когда получил, то у меня, сейчас же, сложилась в голове фраза: “Дорогая мама, ты безумствуешь”. Эту фразу и говорю сейчас. Сделал как ты сказала, спрятал помощь твою “про запас”, а для чего, про какой “запас”, – не знаю, ведь я еду на “что то”, а не за “поисками счастья”. Необходимое мне будет. Другие 500 франков тетя Маша сама мне предложила – купить духовные мои книги, с тем только условием, чтобы они бы оставались моими. Так я ей и “продал” часть своих книг, за которыми приехала ее дочь Татьяна на Подворье, да привезла мне еще две рубашки (в виде процентов за то, что я получил). Я заехал к тете Маше попрощаться – первый раз увидел ее в таком тяжелом состоянии: лежит на спине, а голова оттягивается под подбородок тяжестью. Финансовый наш разговор начался с того, что она предложила мне деньги *на проезд чрез Бельгию, чтоб я повидал тебя* (как это трогательно, не правда ли?) Часть духовных книг, значит, у тети Маши. Там есть одна книга *про Афон,* которую ты, потом, попроси дать тебе прочесть.

На днях должна быть в “Возрождении” моя статья – Письмо в редакцию о Маркове II-м, писанная по благословению митрополита Евлогия. Когда будешь писать мне, напиши, как восприняли ее в Бельгии.

Белая Церковь,
4 марта 1227.

ADMINISTRATION
DES TÉLÉGRAPHES ET DES TÉLÉPHONES
BEHEER VAN TELEGRAFEN EN TELEFONEN

TÉLÉGRAMME — TELEGRAM

ARRIVÉ à | TOEGEKOMEN te
[stamp] 1927
à ... h.
te ... u.

SCHAKHORSKOY
3 .R CHAMPDE MARS BR =

L'État n'est soumis à aucune responsabilité à raison du service de la correspondance privée par voie télégraphique (Loi du 1er mars 1851, art. 6).

Luidens art. 6 van de wet van 1 Maart 1851, is de Staat geenszins verantwoordelijk voor den dienst van de private telegrammen.

Indications de service les plus usitées inscrites éventuellement en tête de l'adresse, en toutes lettres ou en abrégé :
Meest voorkomende dienstaanwijzingen die, desgevallend, voluit of verkort bovenaan het adres worden geschreven :

D Télég. urgent / Dringend teleg.
RP Réponse payée / Antwoord betaald
XP Exprès payé / Bode betaald
PC Télég. avec accusé de réception télégraphique / Teleg. met kennisgeving van ontvang telegraaf
PCP Télég. avec accusé de réception postal / Teleg. met kennisgeving van ontvang post

Déposé : / Afgegeven + BELACRKVA 2 12 4 10-0= N

VOSKREDENIE ROUKOPOLAGAIVUT.PROCHWUTWOEGO MOLEBNA =
JOHANN

Piquart, Brux.

Чистый Понедельник, марта 1927 г.
Белая Церковь

Дорогая мама, вчера, в предвеликопостное воскресенье, я был хиротонисован, владыкой Вениамином, в пресвитеры, иеромонахи. Хиротония произошла в церкви русской колонии, как полагается, после херувимской песни. Оказались в Белой Церкви два архиерейских иподиакона русской церкви в Белграде. Когда я стоял, перед самой хиротонией у амвона, Владыка вышел на амвон и объяснил всем молящимся значение предстоящего Таинства и необходимость общих молитв о ниспослании Святого Духа в момент наложения рук; о молитве он просил от своего и от моего имени... Это было очень хорошо – вся церковь сознательно приняла участие в моем рукоположении, молилась о мне.

О проэкте моего рукоположения я тебе ничего не писал, потому что был он очень проблематически высказан Владыкой, по моем приезде в Сербию. Ведь дело в том, что Владыку назначили заведывать здешним Приходом, а вместе с тем стали настаивать, чтоб он и преподавал в Кадетском Корпусе, где был со слишком мягким характером преподавателем архимандрит Ф. Вопрос о Корпусе поднялся с самого приезда Владыки в Белую Церковь. Владыка тогда сказал, что быть и в Корпусе, и на приходе он не может без помощника... Вот, что означало то *послушание,* о котором он мне писал в Париж.

Но, когда я приехал, вопрос этот еще не был решен, и у митрополита Антония явился новый проэкт: назначить Владыку инспектором Закона Божия во всех русских учебных заведениях в Сербии. Началась переписка по этому новому проэкту, да и по старому тоже, и Владыка не знал, чем все окончится... В четверг, идя с вечерни, узнаю от одного человека, что в воскресенье "торжество": меня рукополагают... Должен был сделать вид, что мне это известно. Но пришедши домой, и даже, кажется, не сразу, спрашиваю владыку о городских слухах. Оказывается, владыка получил окончательные сведения о назначении его в Корпус и объявил на происходившем в тот день церковном собрании, о рукоположении меня в иеромонаха в это воскресенье... В связи с этим и была телеграмма моя тебе, и надеюсь, ты ее получила во время.

В Париж ты мне как то писала о яко-бы желании Владыки рукоположить меня в иеромонаха (о чем тебе писал о. Кирик). На самом же деле, обстояло несколько иначе: сам отец Кирик этого хотел, а владыка уже как бы из послушания о. Кирику (который и его духовник), запросил митрополита Евлогия телеграммой (Митрополит был в это время в Берлине) о благословении рукоположить меня и послать на Рождество (дело было под Рождество) в Тур, где просили на праздник священника. Митрополит, из Берлина, – справедливо, конечно, – ответил, что “считает мое рукоположение преждевременным” (с чем я душою согласился).

Обязанности у меня теперь будут следующие: 1) жить в Корпусе, и держать двери своей кельи открытыми для кадет; 2) преподавать Закон Божий в трех классах (6 часов в неделю); 3) служить в корпусной Церкви, а воскресные службы – попеременно с владыкой (одно воскрес. он в городе, а я в Корпусе; другое воскресенье наоборот); 4) преподавать на Пастырских Курсах по Ветхому Завету, и, может быть, по Догматическому Богословию (курсы – вечерние)... Вот мои официальные обязанности, а какие будут неофициальные – не знаю. По всей вероятности, придется помогать Владыке по Приходу. Кроме того, надо будет учить церковный устав, хотя, вероятно, он сам будет учить меня...

В Корпус перееду, когда съедет архимандрит Ф. Владыка будет жить в городе и выписал своего старого духовника и келейника иеросхимонаха Марка, живущего в одном из Сербских монастырей.

В Париже я думал об уединении. Но Господь его мне не дает, и я верю и знаю, это к моей пользе. Находясь в Париже и предчувствуя какие-то возможные перемены, я особо молился Господу, чтобы устроил Он меня по Своей Воле.

Благословляю тебя и обнимаю крепко, дорогая. Вчера же вечером служил первый свой молебен – о тебе. И первую свою панихиду – по папе.

Воистину Христос Воскресе!

Глубокоуважаемая княгиня!

Спасибо за приветствие. Да обрадует и укрепит Вас Христос! Слава Богу, живем здесь тихо. Церковных споров нет, слава Богу. Служим ежедневно. Отец Иоанн литургисает, мы (я и схимонах Марк) прислуживаем. Здоровье его удовлетворительное. И настроение – слава Богу.

На следующей неделе начнет преподавание. Пока в младших трех классах. Занимается богословским самообразованием.

Вам, конечно, напишет.
Помоги Вам Господь в Ваших трудах.

Просим молитв

Недостойный Епископ Вениамин.

1927, 25/IV – 8/V.
Бела Церква, Крымский Кадетский Корпус.

28 апр./11 май, 1927 г.
Белая Церковь

Ты меня спрашиваешь о моих "мелочах". Отвечаю: стал я теперь вставать немного раньше, чем раньше, так как служу сейчас литургию каждый день в своей корпусной церкви (петь приходят Владыко и иеросхим. Марк). Начинаю литургию в 7 ч. утра. Для этого нужно встать в 5.30 часов для молитвы и уборки. Вечерню и утреню слушаю в "беженской" церкви: десять минут ходьбы от Корпуса. Правило вычитываю вечером, перед сном или, часть – днем. Пищу мне приносят в мою келью, куда обедать приходят владыка и о. Марк. Пища меняется. Утром приносят чай и хлеб, принесли недавно банку меда, вечером приносят мне опять чай и пару яиц, часто сверх того – масло. В постные дни воздерживаюсь от молока и яиц, есть другие питательные продукты.

Утреню Пасхальную и Литургию служил один. Владыка был в беженской церкви, о. Марка услали в одну безцерковную колонию. Служба, с торжественным крестным ходом, прошла вполне хорошо, кажется. Кадеты в первый раз одели белые рубашки, угощенье им было после хорошее. Куличи и пасхи я освещал еще вечером, ходил в офицерский дом (воспитателей и преподавателей). Меня угостил после пасхальной литургии (на которой был весь Корпус) директор Корпуса; разоблачившись, мы, с о. дьяконом, отправились к нему наверх и разговелись с его семьей, старушкой-женой, сыном и дочерью, приехавшими из Белграда. Тут вскоре появился и Владыка, окончивший у себя службу.

Первые три дня отдыхал, не служил. За Страстную неделю немного устал, но хорошей усталостью физической. Но, вместо служб, надо было мне знакомиться с преподавательским и воспитательским персоналом Корпуса. Взял с собою одного кадета, епитрахиль, крест, евангелие и пошел делать молебные визиты. Приду, отслужу, маленький совсем пасхальный молебен, присяду, отведаю чего-нибудь, а иногда и винца, поговорю о каком-нибудь предмете минут пять, отсилу десять, и – дальше. Кадет мой возвращался навеселе, я же всегда несколько благочестиво обманывал добрых хозяев в отношении до́лга к налитому стакану, и таким образом, неизменно "сохранялся", не имея и вида, в то же время, "печального воздержника"... Не даром святые отцы считали "рассудительность" – высшей добродетелью. Отдав дань, таким образом,

своим со-преподавателям, я успокоился и, с середины Светлой Седьмицы, опять стал служить литургию.

Конечно, не успеваешь делать сейчас всего, что хотелось бы... С кадетами понемногу сближаешься, очень помогла исповедь. Важно их приучить к себе, некоторые уже заглядывают ко мне в келью.

11 мая 1927 г.

... Ты спрашиваешь, есть ли иконы "Иоанна Богослова – в молодости". – Конечно, есть. Художники Ренессанса очень любили изображать Любимого Ученика Господа восторженным юношей и красивым физически; вкус и манера этих художников имеют своих подражателей, главным образом в Католическом мире, но и в России, тоже. Я думаю, что есть большое количество изображений апостола, Иоанна, именно таким молодым, красивым, сияющим и патетическим. Но все это игра на земных чувствах, хотя и благородных. Православная иконопись иначе смотрела на дело изображения святых. Она оттеняла в святых не то, что у них общего с несвятыми, а – в чем они от последних отличаются. Фигуры святых получались не "натуралистическими", и позы их как бы искусственными, но соблюдалось главное: иконописец помнил, что пишет не портрет, а икону, образ не бренного, а нетленного человека. Отсюда символичность православной иконописи, отрешенность от страстей, как плохих, так и хороших. Выражение даже хороших страстей (восторженности, например) все таки дело "душевное" которое по Ап. Павлу христиане призваны переводить в "духовное", т.к. в Будущем Веке никакой человеческой земной *душевности* не будет, а одна богочеловеческая *духовность*. Православная символистическая иконопись ближе к вере Церкви 'чем религиозная живопись западных мастеров, смотрящих даже на Христа и на Божью Матерь "по-человечески".

Среда Пятидесятницы
Июнь 1927 г.

У нас уже в Белой Церкви лето. Занятия торжественно окончились: оркестр проиграл "Царский отбой", и каждый кадет получил свою летнюю судьбу, заработанную во время года. В конце мая был парад, по случаю храмового праздника Корпуса. Фотографию подобного парада ты имеешь. Молебен в поле служил Владыка, в сослужении четырех священников (в том числе и меня грешного). Сейчас кадеты уже частью разъехались, частью разъезжаются. Некоторые остаются и будут работать на сельско-хозяйственных работах. Восьмой класс держит "Матуру" (атт. зрелости). Вот – корпусные события. Моя жизнь попрежнему идет тихо и мирно; день ото дня мало отличается. Попрежнему служим с владыкой, попеременно, Литургию в 7 1/4 ч. утра, в Корпусной церкви, в 5 ч. вечера идет у нас вечерня и утреня в беженской церкви. После литургии пью чай, или какао ("какаву", как говорит о. Марк). Обедаем теперь, пораньше, в 2 часа дня. В 7-8 ч. ужинаю у себя. Остальное время распределяется на молитвенное правило, чтение, прогулку, беседу с кадетами, иногда писание кой каких заметок.

Шлю тебе отдельные мысли святых умов:

БЛАЖЕННЫЙ ДИАДОХ (V век)

Все мы люди: "по образу Божию"; быть же "по подобию Божию" есть принадлежность одних тех, которые, по великой любви, свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы делаемся чужими самим себе (отвергаемся себя), тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою. Этого никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

*

"Гнев больше всех других страстей обыкновенно встревоживает и в смятение приводит душу; но есть случаи, когда он крайне полезен. Так, когда *несмущенно* гневаемся на нечествующих, или другим каким образом безстудствующих, да спасутся, или, по крайней мере, да устыдятся; тогда душе нашей доставляем то же,

что кротость, потому что споспешествуем целям Божьей правды и благости".

*

"Как двери в бане часто отворяемые, скоро выпускают внутреннюю теплоту во вне, так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, теряет сознательное стояние в строе духовных вещей чрез словесную дверь. Ум лишается чистейших помышлений, ибо не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в целомудрии; сей Дух Благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегает многословия. – Молчание же напротив, благотворно, будучи материю премудрых помышлений".

*

"Любящий Бога много более себя, или совсем нелюбящий себя, а одного только Бога, уже не заступается за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Того, Кто почтил его честию вечною жизни безсмертной".

*

"Когда ум начинает с великим чувством вкушать блага всесвятого Духа, тогда знать мы должны, что благодать начинает как бы живописать не чертах образа Божия, черты богоподобия".

Монастырь Петковица.
Июль, 1927 г. Шабац.

Пишу из монастыря. Послушание мое – молиться, продолжать образование и работать над переводом житий святых со славянского языка на русский. Сколь долго мы останемся в монастыре, неизвестно. Все зависит от владыки.

Предпразднество Успения,
Август 1927
Белая Церковь

Пишу тебе снова из Белой Церкви, где, повидимому, теперь останусь, как настоятель беженского русского Прихода. Не официально это решено уже, а дня через три-четыре, думаю, это будет решено и официально. Владыка приедет в Белую Церковь только, чтобы сдать дела, – он остается в Шабацкой епархии, в монастыре.

Вероятно, ты удивишься нашему с Владыкой разделению. Но, может быть, оно промыслительно. Если бы я думал иначе, не уехал бы из Петковицы (откуда я 1-го августа ст. ст. уехал). Пред тем, владыка ездил в Белград и Карловцы и, пред надлежащими властями, отказался за себя и за меня от Корпуса. В Петковице владыка взял меня с собой в пешее путешествие (не очень большое), для осмотра нового монастыря и некоторых монастырских хуторов. Я узнал желание Владыки основаться в Петковице, или в другом монастыре. Когда я ехал в Петковицу, я допускал возможность монастырского жития в сербских, или полу-сербских монастырях. Но, пожив там, убедился, что это вещь, если не невозможная, то во всяком случае трудная. Трудная для меня, для моего духовного состояния. Я знал и раньше о духовном упадке сербских монастырей, но думал, что можно жить в них "закрыв глаза". Но это не оказалось для меня возможным.

В Петковице я несколько раз испытывал ощущение, что я живу не в монастыре, а в имении (в особенности, когда меня привозили или отвозили со станции на паре, в дышло, откормленных горячих лошадок). И при всем своем достатке, монастырь еще берет плату с тех немногих верующих больных и разслабленных, приезжающих помолиться у мощей преподобной Параскевы.

Русские монахи еще ведут себя более, или менее, достойно; но падение сербского и монашества и духовенства белого таково, что бумага не стерпит, если писать о всем. Жить в этой атмосфере – нет возможности; не солгу, сказав, что "бежал".

Зло, конечно, всюду, от зла не спрячешься. Но в мире для монаха одно только зло, а в монастыре сербском, кроме зла, есть еще и лицемерие. Да и грехи монашеские во много раз хуже немонашеских; у мирских людей нет обетов (кроме обета крещения).

По всему этому я и не смог остаться в Петковице. Владыка может смотреть поверх его теперь окружающего, а я не смог.

Уехал – поистине – *куда глаза глядят*. Верил, что Господь не оставит и укажет путь. Решил ехать в Карловцы к Митр. Антонию. Митрополит принял меня очень хорошо. Живет он в огромном Патриаршем дворце. Прожил я там трое суток, очень много беседовал с Митрополитом. Но, гуляя по элегантному саду дворца, я снова недоумевал: бежал от помещичьей жизни, а попал, если не в царскую, то во всяком случае великокняжескую. В таком раздумьи я провел трое суток. Митрополит поехал в Белград и взял меня с собою, пригласив остановиться у него на квартире, где я и пробыл еще двое суток.

Об устроении меня, Митрополит лишь разводил руками, что было естественно, так как в его ведении находится лишь восемь приходов. Но я видел, что ему очень хотелось устроить меня – по некоторым соображениям, о которых ты, может быть, догадаешься. Вскользь предложил мне ехать в Германию, на что я, немедленно, ответствовал в отрицательной форме. Привлекла его мысль об устройстве меня на богословский факультет сербского университета... но я ее тоже отклонил, имея многие причины к тому. Наконец, вспомнил про остающуюся, после ухода владыки Вениамина, вакансию прихода Белой Церкви. Я согласился условно – "если прихожане искренно согласятся", – и уехал в Белую Церковь, где весть о перспективах моих произвела – насколько мне это видно – благоприятное впечатление. На Успение будет приходское собрание, где и решится вопрос мой. Митрополит, конечно, утвердит приговор прихода, и – я останусь в Белой Церкви, на новой работе.

Понедельн. 31 октября,
1927 г.
Белая Церковь

Здесь есть Братство, вместо Приходского Совета, выборные люди общего собрания Прихода. Братство заведует ремонтом, чисткой, уборкой церкви, есть небольшая ссуда на вспоможение бедным. Хотя меня и приглашают на ежемесячные заседания братства, но я держу себя, вполне сознательно, немного отдаленным от деятельности братства, ибо у меня своя линия – священнослужителя – своя область. Бесед специальных не бывает. Беседы частно, на дому происходят. Но в церкви, по завещанию Владыки, и по обычаю здешнему, я говорю и в субботу, после 1-го часа, и в воскресенье после литургии. Кроме этого, в 5.30 часов вечера, каждое воскресенье бывает Акафист – то Божьей Матери, то преподобному Серафиму, то Николаю-Угоднику, и другие Акафисты. После акафиста, я опять говорю небольшое слово. Большею частию, пишу его предварительно, и читаю свое Слово. Иногда прочитываю по-русски Апостол, какой полагается в тот день, и разбираю его смысл. Вот подробности моего служения. Ты спрашиваешь еще, “доволен ли я приходом”? Это нужно у прихода спрашивать, доволен ли он священником. Я, слава Богу, очень доволен, действительно, доволен людьми, данными мне Богом. Прошу тебя, молись за них.

26 ноября 27.

Получил дароносицу от Золотницкого – антиквара; понял, конечно, сейчас же, чья рука мне ее послала. Это очень ценный подарок. Он очень ценен тем, что теперь, когда случится мне приобщать больных, Святые Дары будут у меня достойно охранены. Спасибо тебе.

Св. Даниила пророка и
свв. трех отроков. 1927 г.

Наша Белая Церковь действительно сделалась белою. По снегу сегодня провожал одного моего прихожанина к месту его последнего упокоения. Скончался хозяин русской здешней библиотеки, офицер-юрист Миронов, года полтора лежавший в параличе ног и очень страдавший. В последнее время, я как то сблизился с ним. Человек он был – жаждавший веры, но наследство интеллигентского рационализма тяготело над ним, и очень его мучило. Как хотелось ему выздороветь! Но, не судил Господь, – скончался – в покаянии, и приобщившись. Жена его (воспитательница в Институте) сказала мне, что перед самой кончиной он, вдруг, стал как-то метаться, сестра милосердия стала читать молитвы, и он, сие же мгновение, успокоился и тихо умер.

По случаю зимы, прихожане решили, что мне нужна теплая ряса. И хотя она мне вовсе уж не так была нужна (ибо я много теплого одеваю под мою широкую летнюю рясу), но ряса заказана, и скоро я облекусь в нее. Таким же образом дело вышло с сапогами, и теперь будут у меня полусапожки – на всякую погоду... На днях получил в конверте из Вршаца, теплые носки. Люди очень, вообще, заботливы.

Скоро Новый год. Миновал год моего иночества, скоро будет год моему пресвитерству. Да укрепит Господь всех нас, – за твои молитвы.

В перспективе Гетеова улица, где был дом-храм Св. Вел. Георгия, где совершилось мое рукоположение.

11/12 января 1928 г.

Кончились Праздники, возобновились занятия в Корпусе, приют мой разболелся, почти все мальчики в кроватках, попростужались. И из прихожан, в последнее время – болеют, сейчас три человека очень плохи, один молодой бывший военнопленный, умирает, по-видимому, от чахотки и слабого сердца, потом одна молодая женщина, жена русского на сербской службе военной, офицера, в уютно устроенном домике-гнездышке умирает от страшкой сердечной болезни; несмотря на то, что ей лишь 26 лет, сердце у нее совсем больное, припадки ужасные. И третий умирающий – 84-х летний старик генерал, участник еще Турецкой кампании, умирает от старости; организм, начиная с сердца, отказывается служить и старик весьма страдает. Всех их приобщал, все они верующие. Да, в моем положении видишь настоящую жизнь, такой, какова она на самом деле. Человек и жизнь его раскрываются передо мною с их истинной стороны.

Пятница 2-й недели В.П.,
февраль 1928

Поздравляю тебя с первым великопостным Приобщением Св. Таин. Говорю "первым", т.к. думаю, что оно не будет единственным, в Великом Посту. Радостна мне была твоя радость духовная, под впечатлением которой писалось твое письмо. Да, это слабый, слабый отблеск радости нездешней, – искорка с неба, из уготованных людям Христовых обителей. Не лишай и в году этого утешения себя, верь, что достойным приготовлением ко Причастию служит *более всего* – предыдущее Причастие, и чем оно ближе, тем достойнее человек приобщается. Это великая очистительная сила. Ты, как вдова, и уже пожилой человек, тем более, не должна лишать себя этого счастья духовного, и лучшего укрепления души человеческой. Не только себе, но и для других ты будешь более плодотворна духовно, принимая в себя силу Божью – Само Тело и Самою Кровь Христовы. А в молитвенной подготовке ко Причастию Св. Таин читай Акафист ко Причащению (его можно и в другие дни читать, понимая соединение со Христом – духовное, – постоянное приобщение к Его духу).

О свидании скажу, что, даже в самых лучших делах надо испытывать волю Божию, которая в данном случае и выяснится из ряда благоприятных, или неблагоприятных обстоятельств, для твоей поездки. Ибо, действительно, мы ничего о себе не знаем, не знаем даже, как день кончим. Свою волю подчинять Божьей (действующей очень открыто, для тех, кто привыкает искать ее во всем). Это истинный, непреткновенный путь.

Слава Богу, что идет понемногу твоя духовная жизнь. Крайне важно чувство постоянной виновности и ответственности пред Богом. Будучи истиной для каждого человека, оно движет его вперед. Как 50-й псалом говорит – мы ничего не можем принести Богу, кроме своего сокрушенного сердца. Великое дело – постичь это.

Твое письмо получил в день св. Ап. и Ев. Иоанна Богослова. В этот день было основано "Православно-Миссионерское Книгоиздательство".

Все, кто сколько-нибудь захотят принять участие в миссионерском распространении его изданий, или ежемесячном, все равно каком, взносе, будут *"Сотрудниками"* Книгоиздательства и будут иметь сотруднические билеты. Твой, семейный, взнос получил, спаси Господи.

Меня бы интересовало следующее: если бы ты собрала сведения о всех школах русских и приютах детских и группах русских детей, разбросанных по монастырям и иностранным школам, и *предложила бы во все те места детскую литературу.* ("Заповеди в разсказах").

Рождество Пресвятой Богородицы
21 сент. 1928 г.

18

Я начал свой второй год приходской работы, благодаря Бога. Прошу тебя, дорогая мама, когда поминаешь меня в своих молитвах, *всегда благодари* Бога за себя и за меня. Через благодарность Богу нисходит благодать Божья в сердце человека, благодарность – как бы (выражусь грубо) проволока, по которой сходит огонь неба. *Нужно за все, всегда* благодарить Бога, – тем более за высшую милость приближения к Нему.

Вторник 1-й седмицы В.П.
1929 г.

Дорогая Зина,

Христос Воскресе!

Скоро, как будто, кончается срок ваш в Африке и вы возвратитесь в Брюссель. Если веришь, что я тебе одни хорошие советы даю, сделай следующее: приехав в Европу, *сейчас* же отслужи *благодарственный молебен Богу, и возможно скорее* поговей. Пусть это будет первым делом конца одного периода твоей жизни и началом *второго*. На исповедь и Причастие, прошу тебя, смотри по настоящему, как на *насущную* пищу души, без которой она влачит полумертвое – если не мертвое! – существование. Преп. Серафим говорил: "Как бы ни был недостоин человек, но если он только с истинным сознанием своего недостоинства и с верою во всемогущество Божие приступает, то с каждым принятием Св. Таин все более и более будет очищаться, просветляться, пока совсем не очистит его благодать Божья, великая благодать Таинства Приобщения"... Настоящее благоговение к Плоти и Крови Христовым есть вкушение их во оставление грехов своих, *на что они и даны миру*. "Достойным" человек никогда не может быть, и боящиеся частым Приобщением нарушить свое благоговение забывают, что лучшая, благодатная подготовка к Причастию есть *прежде всего само Причастие,* до этого принятое. К чему лишать себя высочайшего милосердия Божия? жизнь так изменчива, так шатка, подует ветер и погасит нас.

Ты спрашиваешь меня о противоречиях в жизни христианина. Ты пишешь, что путь христиан в миру может быть только один: принимаю крест, но следовать за Христом, отказаться от всего, что немного украшает нашу жизнь – любовь к родным, к поэзии, к музыке – мне не под силу. Крест мой это мое раскаяние, ежеминутное страдание от того, что я делаю не то, что нужно". Слава Богу, что есть раскаяние, есть это "внутренне страдание от неудовлетворения тем, что "украшает" жизнь, но не имеет связи с Духом Святым. *Страдает душа человеческая не от естественного, но от противоестественного. Естественна в мире любовь к родным, чувство*

* Сестра Зинаида Алексеевна, по мужу Малевская-Малевич.

прекрасного, музыка, и это не противоречит Кресту Христову (помыслиться даже не может, как противоречие). Противоречат *данному тебе* таланту жизни все болезненные наросты на душе, называемые "страстями": 1) гордость (тщеславие, самолюбие, зависть и все ветки гордости), 2) сребролюбие (скупость равна воровству). 3) блуд (брачная жизнь, кроме особых дней воздержания, свята), блуд не только в самом совершении, но и в начале его, кокетстве, игре с мужчинами, двусмысленные истории и анекдоты. 4) чревоугодие – невоздержание в пище, капризное к ней отношение. Укрощающий чрево силен укротить всего себя. 5) гнев, раздражительность, вспыльчивость, злопамятство, 6) печаль ("не по Богу", т.е. не о несовершенствах своих; огорчение из за тленного, печаль века сего, 7) страх (но страх Суда Божия хороший, – оскорбить святыню, не исполнить заповеди Христовы). Страх же за себя, – болезни, одиночества, внезапных бед, тяжелого материального положения – это страхи, разрушающие веру во Христа. 8) Уныние безнадежности, страсть разслабления душевного, *потеря надежды на Бога*. Конец этого самоубийство, отказ от данной Милосердным Творцом жизни.

Эти страсти описаны у Лествичника и у Ис. Сирина. Нужно знать эту духовную медицину. Вот видишь, нé добрые чувства должны быть оставлены нами, но злые, тяжелые, в сердце и уме тяготящие всякого человека. Чем более чуток человек духовно, тем менее терпимо для него его собственное зловоние, разложение душевное. Путь счастья и радости идет об руку с крестным отвержением, с отказом от своего ветхого злого человека. Апостол Петр был женат, и это не помешало ему быть первоверховным апостолом. Ничто естественное не может мешать очищению сердца. Все дело веры в том, чтобы не вести с собой абстрактной борьбы, но вымолить у Христа *сознание* веры *любовью к Нему*. Когда ляжет на сердце человека *любовь к Богу, тогда в этой любви человек меняется совершенно, отвергая зло не в его отвлеченности, а во Имя Бога Живого.*

Благодать Духа очищает человека. Человек сам только соглашается, хочет плыть по Божьей реке под Божьим святым Солнцем Христом. Всякая красота тогда делается еще красивее, но по новому, во Христе. Близкими делаются все люди по слову Христову: "нет никого, кто бы оставил мать или отца или братьев, и не получил бы во сто крат более отцов и матерей и братьев"... *в жизни сей,* а по смерти – жизнь вечную". "Оставить" вовсе не значит забыть, но – *приблизить к своему сердцу весь мир,* а особенно всех *обидящих*

тебя, ненавидящих и проклинающих. Тайна веры – Преображение, и люботрудное возрастание Царствия Божия в человеке, чрез очищение человека.

Неверно смотреть на "крест", как на только скорбь и тесноту. Да, это скорбь для нисшей природы нашей. Нарыв взрезаемый и йод причиняют боль. Но это – радость для нашего нового, вечного, бессмертного во Христе человека, несоизмеримая со скорбями этой нашей жалкой пятикопеечной жизни, так быстро исчезающей. Дух Божий не назывался бы Утешителем, если бы жизнь во Христе не была бы высшим утешением человеку. "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, *не так, как мир дает, Я даю вам:* да не смущается сердце ваше, и да не устрашается" (Иоан. 14, 27).

В Нем брат твой
Иоанн иеромонах.

20/3 мая 1930

Великий Пост, слава Богу, прошел хорошо. На Крестопоклонной ездил в Вршац, а оттуда с псаломщиком в город, лежащий около Венгрии, числящийся большим в нашей стране, – Осек, где было говение всей колонии русской, конечно, не всей буквально, ибо повсюду есть люди, не входящие в церковь, но во всяком случае, было довольно много говеющих, так что приходилось их два дня исповедывать, не только в церкви, но и у себя в отведенной мне комнате, – в продолжении дня.

Афонские иноки отозвались на просьбу пожертвовать книги и прислали два ящика. Так что библиотека духовная у нас ширится.

3/16 июня 1930

Да, я понимаю, что "не таких" писем ты ждешь от меня, какие я тебе пишу. Но я тебе их пишу такими, потому что именно я хочу быть *прост* с тобою, и не выказывать того, чего у меня нет, и что не нужно ни тебе ни мне. Я не могу сейчас жить "в семье", – даже так плохо и несовершенно, как жил до пострига. Конечно, я не был семьянином, не был добрым твоим сыном в миру, ибо все беря от тебя, ничего тебе никогда не давал.

Ты мне сделала все, и довела меня до пострига своим исключительно любовным, жертвенным и чутким служением материнским. У Господа все это записано в Книгу, Господь тебе воздаст за это – и независимо от того, буду ли я, или не буду Ему угоден.

Промыслом Божьим, мое непопечительное (все берущее и ничего не дающее) отношение к семье, обратилось в облегчение моего выхода из семьи. Как вот уходят странники, чтоб *ничем* и *никак* не быть связанными на земле, так я ушел, и иду *по человечески* совсем "одиноко", духовно же с Господом, несмотря на все мои слабости и немощи. "Оборачиваться", как обернулась жена Лота, не хочу. Жизнь прошедшая моя была глубиною неведения, Господь меня простил за нее, но *касаться* ее я не хочу. Пусть все будет новое, все отношения будут новыми, по-новому искренними и сознательными.

Я мог бы подделаться под то, что тебя интересует (в семье, и вокруг меня), и беседовать с тобою об этом. Но, у меня *ничего не выходит* в этом направлении, ты верно это заметила. Было время это проверить. Я хочу быть для Господа "странником", отошедшим от своего "вчера", не знающим своего "завтра". Слишком тяжелый груз – своя греховность, слишком краток срок земного пути. И слишком много дел посредничества священнического меж людьми и Богом. Все – даже доброе – но что не относится к прямому делу моему, должно быть оставлено. "Мир" втягивает своими отношениями и надо постоянно "грести против".

Преп. Серафим был угодник Божий, осиянный Благодатию с младенчества. *Он имел силы бóльшие;* и если бы я мог последовать ему в любви к Богу, то конечно, и в выражениях любви к матери мог бы последовать. Примеры угодников Божьих *всякие* бывали. Так что здесь важно *совесть свою соблюсти*. Господь, чрез совесть говорит; она нелицеприятный судья. Род переписки с тобой мне представляется лишь как духовный (т.е. о переживаниях веры), либо "деловой" (в гораздо меньшей степени).

15/28 окт. 1930 г.

Не унывай, мать! Это *очень хорошо,* когда мы видим нашу немощь и болеем от суеты мира сего и своих собственных страстей. Когда горит дерево, бывает дым и треск, а, перегорев, обратится в спокойный уголь, раскаленный от внутреннего огня, в нем живущего. Так и с нами. Главное здесь не с обстоятельствами, а с собою бороться. "Борьба" же не в чем ином, как в ясном и глубоком сознании пред Богом своей нравственной и духовной слабости, с постоянным понуждением себя к надежде на Христа. Надо нам иметь постоянное внутреннее предстояние пред Богом, на всяком месте.

А мучит *злая сила* (реальная в жизни духа). Мы ею "наказываемся", вразумляемся от Бога за наши – пусть самые мимолетные – отступления от веры. И в этом – будь совершенно уверена – скрыта особая милость Божия к нам. И потому, я благодарю Господа, что Он тебе дает идти путем узким. Молись *об умножении* веры, никогда не думай, что у тебя ее достаточно: верой нельзя насытиться; важно, чтобы человек постоянно жаждал тех благ духовных, которые будут представлять наше единственное богатство в будущем веке (близком от нас – очень).

Иное дело – уныние. Этого нельзя допускать, как нельзя допускать безблагодатную печаль (печаль – по поводу бедности, "оскорбленного самолюбия", неудач житейских и т.д.). Это все зло. Печаль же о своей греховности (и даже плач о ней), замечание греха в мире и в себе – это *действие самой благодати Божьей.* В письме всего не скажешь, что хотелось бы.

Если видишь во мне грех против тебя, – *прости меня,* и тем облегчи свою и мою душу. И если видишь во мне слабость, немощь, – тоже прости. Ибо я немощен. А что трудно и тяжело может быть сейчас твоей душе, то это не *всегда будет так. Это должно быть* в твоем положении, ибо многими скорбями надлежит человеку войти в Царствие Божие. А меня еще понимай вот с какой стороны: когда что-либо человек хочет сделать для Бога, то не всегда он по-истине делает, но *Господь судит намерения.* Помолись Господу, чтобы всегда мои намерения были чисты пред Ним, очищены от всякого самоугодия и самолюбия. Миллионы людей, миллионы

сыновей не имеют Господа Иисуса на первом месте в душе своей. Если же я, по неведению своему, делаю больше (в смысле духовного уединения моего), чем следует мне, то по молитвам твоим и по кротости твоей, Господь мне не вменит этого. Я же очень боюсь не исполнить воли Божьей.

Ноябрь 1930 г.

Если угодно будет Господу, я на очень недолгий срок поеду в Швейцарию в самом начале декабря – по миссионерским делам. Если будет угодно Господу, и ты это ясно почувствуешь, и сложится все материальное так, что это будет возможным – приезжай тоже. Повидаемся и поговорим о путях Господних. Очень прошу тебя, помолись об этом, ибо я очень боюсь поступить против воли Господа, в Коем вся наша жизнь и каждое дыхание.

Я тебе уже писал, что для меня все – в действительной воле Божией, я очень хочу быть Господу верным и не жить по своей человеческой воле. Я ничего не могу дать Господу, как только покорность. Воля же Господня проявляется очень реально, и надо следовать ей без всяких колебаний. Сейчас я ничего не вижу ни за, ни против твоей поездки в Швейцарию для нашего свидания. И т.к. ничего не вижу сейчас против, то пишу тебе, зная, что ты бы хотела повидать меня и из духовных соображений тоже. Ради этого Господь может дать Свое благословение на нашу встречу; но, зная волю Божию, уже раз отрицательно проявленную в этом направлении, прошу тебя помолиться и внимательно посмотреть на свои обстоятельства и свою совесть, как зеркало воли Господней.*

* Мать смогла приехать и мы повидались в Швейцарии.

4/17 марта 1931 г.

Строить Храм с чистою мыслью только воздать славу и благодарение Творцу и Спасителю сейчас трудно: люди *просто не понимают,* что цель всей жизни – прославление (всецелое!) Бога. Не говорю даже о людях ослепленных врагом Божьим, танцующих свою жизнь над пропастью и проваливающихся в нее в минуту смерти. Возьмем даже христиан, добрых, хороших людей: сколь

многим из них понятнее, если преданность Богу и чистое славословие Его Имени "оживить" человеческими мотивами: национальными, местными, благотворительными, даже тщеславными чувствами. Легче просачивается людская копеечка в дело, связанное с земным чувством. На какая радость дти против всего течения этого мира и хоть бы самым заглуженным и придушенным голосом говорить и вопиять (хотя бы на чистый Божий ветер – бесплотным силам!) *О славе Одного только Господа,* о сладкой возможности для человека поклоняться сердцем Ему Единому – *Только.*

Ну, вот видишь, какую написал тебе "православную философию". Да, так верую, так исповедую. Невольно лукавлю в жизни и не приношу всю свою душу (как Авраам Исаака) в жертву тому, что исповедую. Силен грех и предлежит путь борьбы, каждую минуту, каждое мгновение. Надо претерпеть *до конца* в исповедании правом. "Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни". Но не ради "венца" хочется быть верным, а ради Того, Кто хочет дать этот венец Жизни — Себя Самого, Неизреченного и Непостижимого Творца света и любви, Отца, близкого, близкого к нам. Жизнь вечная близка к нам. (Мы даже не можем себе представить, как она близка!)... И надо потому, все сводить *к Нему.* Он "Альфа и Омега – начало и конец" и средоточие жизни. То, что строится на Нем – строится на Камне вечном. Утешительно сознавать, что ты готова итти к Нему и хочешь этого не умом одним, но и сердцем. Это самое главное, сердцем, *духом* захотеть. Кто начинает *так* хотеть, тот будет напоен и насыщен... и не только – но и *развиты* будут в человеке *жажда и алкание* последней правды Христовой, – необходимые чувства для понимания Царства Божьего и ощущения его. (Отсюда близок вопрос, часто разбираемый в жизни: какова разница между просто "добром", и добром, творимым "во Христе"?... Разница огромная. Беседа преп. Серафима с Мотовиловым хорошо объясняет это).

Сейчас мы с о. диаконом и псаломщиком находимся в пути. Начали свою миссионерскую поездку: богослужебную (говение) и лекционную. Везем с собою аппарат-эпидиоскоп для иллюстрирования лекций о Евангелии. Если Господь дарует, побываем в нескольких местах северо-восточного края Югославии. Предполагаем быть в путешествии недели две.

После Пасхи вероятно приступим к постройке храма. С проекта инженер наш снял клише и заказывает открытки, которые дадут представление о внешнем виде храма.

VI

В ЖУРНАЛЕ БЕРДЯЕВА

ПОСТЪ.

Постъ, это святая болѣзнь человѣка, при которой не хочется вкушать, иногда и хочется, но — не въ моготу.

Господь велитъ умереть, чтобъ жить; Церковь велитъ болѣть, чтобъ получать здоровье.

Косный міръ земли, предоставленный себѣ, ведетъ человѣка на закланіе духа, уловляетъ и истребляетъ въ человѣкѣ сына Божія, — Міръ вѣдь этотъ, есть міръ упраздненный, имъ жить нельзя.

Есть въ мірѣ знаніе: «чтобъ жить, надо питать себя», но міръ знаетъ это *по природѣ, какъ безсловесное животное, и тѣмъ растлѣваетъ себя* (Іак. 1, 10).

Чрезъ человѣка закоснѣвшій, и въ Сынѣ Божіемъ упраздненный ветхій міръ *водимъ природою, какъ безсловесное животное, на уловленіе и истребленіе* (2, Петр. 2, 12).

«Ея, гряди Господи!», постнически восклицаютъ первые ученики Слова, до ужаса познающіе содомское растлѣніе этого міра.

Постъ есть свобода всего естества, всѣхъ чувствъ, мыслей и стремленій, отъ всего, что обречено на гибель.

Постъ есть утвержденіе вѣчной жизни. Постъ ничего не запрещаетъ, ничему не мѣшаетъ, никого не понуждаетъ, —понужденіе есть слѣдствіе поста, а не самый постъ. Самый постъ есть утвержденіе, исповѣданіе, изъявленіе, — *предвкушеніе* плода райскаго. Постъ не есть убѣганіе отъ тлѣн-

---

* Журнал “Путь”, октябрь 1927, № 13.

наго міра, постъ есть устремленіе къ нетлѣнному міру. Постъ всегда побѣдитель, онъ убиваетъ смертную природу, благовѣствованіемъ воскресенія.

Предѣлъ и завершеніе поста есть вкушеніе Тѣла и Крови Христовыхъ. Ибо постъ есть именно вкушеніе, а не воздержаніе отъ вкушенія. Постъ ведетъ лишь къ воздержанію отъ лже-пищи, во имя Пищи. Постящіеся, вкушая тлѣнную пищу, не вкушаютъ ее, какъ нѣчто, — они ее вкушаютъ, какъ ничто; и то, вкушаютъ ее только потому, что Господь, въ Лицѣ человѣческомъ освятилъ вкушеніе тлѣна.

Воздержаніе Господь заповѣдалъ несовершеннымъ, не могущимъ вкушать тлѣнъ, какъ тлѣнъ. Совершеннымъ же Господь заповѣдалъ вкушеніе тлѣна; иначе бы, самовольно умирали люди отъ любви къ Господу. Заповѣдь вкушать тлѣнъ, именно какъ тлѣнъ, была дана послѣ Воскресенія: медъ въ сотахъ и кусокъ печеной рыбы вкусилъ Господь какъ ничто, ибо, воистину, они уже были для духовной Его плоти, какъ ничто.

Каково же шествіе постнической любви?.. — Воздержаніе во вкушеніи, отреченіе отъ вкушенія, вкушеніе, какъ невкушеніе (1, Кор. 7, 29-31), вкушеніе, какъ вкушеніе.

Всякому изъ насъ, хотящему истинно пріобщиться Пищи и Питія, нужно пройти чрезъ вторую и третью ступень постнической любви... А мы, часто и о первой препираемся: нужна ли она или не нужна. Воистину, удивительно, какъ не попаляетъ насъ, послѣ этого, Трапеза Господня!

Пища земли — та же земля, и вкушающій ее — земля. Вкушая пищу, человѣкъ вкушаетъ землю, себя же самого. Вкушеніе себя самого съ услажденіемъ, или безъ мѣры, есть самолюбіе. Самолю-

біе есть чревоугодіе, отверженіе Бога. Я долженъ вкушать себя, какъ ничто, въ малости своей, и нищетѣ своей, я долженъ не любить себя за свою невольную любовь къ землѣ. Чѣмъ меньше я услаждаюсь собою, тѣмъ большій я держу постъ, тѣмъ скорѣе усладитъ меня Господь жизни.

Постъ меня самого, пощеніе мое надо мною же самимъ есть средоточіе поста и самое его исполненіе.

Въ устахъ человѣческихъ есть небо, священный знакъ богоподобія и богоизбранности каждаго человѣка. Уста — особенно священны, они дверь молчанія —сего таинства будущаго вѣка (Ис. Сир.) Уста человѣка рождаютъ въ мірѣ Слово Божіе, и вкушаютъ Плоть Слова. Великое горе, великое стенаніе и нищета человѣка — вкушать устами тлѣнъ. Это возмездіе за грѣхъ нелюбви къ Богу.

«Воздѣлывай землю, изъ которой ты взятъ», «трудись въ потѣ Лица», сказалъ Господь... Самъ прахъ, выходящій изъ праха, ползающій въ прахѣ и въ прахъ уходящій, человѣкъ воздѣлываетъ землю — чѣмъ? — собою же, прахомъ. Страшная, безысходная работа, и слѣдъ ея на всемъ мірѣ творенія, какъ болѣзнь рака. Рожденіе безысходно, рожденіе — для смерти, трудъ безысходенъ, безысходны терніи и волцы — терніи и волчцы, эти, воистину, «законы природы», о которыхъ лицемѣрно не хотятъ знать нынѣшніе фарисеи земли.

Извратители Ветхаго Завѣта не понимали безысходности ветхаго человѣка. Во внѣшнемъ видѣніи Закона, они, какъ нынѣшніе законники научнаго разума, видѣли душу жизни. *Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня*, сказалъ пророкъ, отъ имени Господа; Господь повторилъ это и добавилъ: *слушайте и разу-*

мѣйте; не то, что входитъ въ уста оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ, оскверняетъ человѣка. И Господь объяснилъ недоумѣвающимъ ученикамъ: *неужели и вы еще не разумѣете? еще ли не понимаете, что все входящее въ уста проходитъ въ чрево и извергается вонъ?...* Поймите, люди, говоритъ здѣсь Господь, что внѣшнее естество ваше — пепелъ и прахъ; пища для чрева, и чрево для пищи, *но Я уничтожу и то и другое.* (1, Кор. 6, 13).

Но — «придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся», придите вы всѣ, обремененные, узрѣвшіе безпросвѣтность жизни своей, суетность ея — предъ вѣчной гибелью... Съ приходомъ Господа на землю, сгораютъ всѣ стихіи, рушится древнее мірозданье и становится новая тварь, — новое небо, новая земля, новыя уста. Межъ двумя мірозданіями: старымъ, уже несуществующимъ, но еще длящимся, и новымъ, уже утвержденнымъ, но еще не царствующимъ, полагается лѣстница священная — постъ.

Постъ — основаніе Домостроительства нашего спасенія. Онъ есть сжигающая любовь Бога къ человѣку, и огненная любовь человѣка къ Богу. Твореніе Богомъ твари изъ ничего, — дѣло Поста Божьяго; Вочеловѣченіе Слова есть дѣло Поста Божьяго. По плотскому мудрованію , постъ: умаленіе, самоограниченіе, самоуничиженіе; по небесной мудрости: прославленіе превысшею, ибо преестественною, славой.

Всякій соблюдающій постническую молитву среды и пятка, мудрѣе всякаго несоблюдающаго. Но всякій несоблюдающій мудрѣе соблюдающаго эту заповѣдь благодати, какъ ветхую заповѣдь Закона. Постъ вольнаго и святого повиновенія Церкви — постъ церковный — есть духовное строи-

тельство на камнѣ, камень же — Христосъ. Всякій постъ Церкви, въ году, есть постъ усыновленія.

Не поститься въ Страстную седмицу, такой же темный грѣхъ, какъ — поститься въ седмицу Свѣтлую, такой же великій грѣхъ, какъ вкусить предъ Причастіемъ, такой же, какъ не вкусить Причастія... Постъ Церкви есть постъ любви и вѣры въ Агнца, и во вкушаемость Его въ пренебесномъ іерусалимскомъ чертогѣ.

Постъ есть очищеніе любви, праздникъ вѣры, вещество надежды. Любящій Бога не любитъ сласть міра, алчущій Христа не насыщается пепломъ, вѣрующій въ Сына Божія, Единороднаго, закалываетъ Ему себя въ жертву, ибо знаетъ, что всякая жертва, въ Духѣ Святомъ, есть милость, а не жертва.

Постъ — цвѣтъ молитвы, погашеніе земного ума, обиліе Божьяго воздуха. И сердце человѣческое, тѣлесное, постится въ молитвѣ: замедляетъ біеніе свое, навстрѣчу нисходящему уму... Постъ есть замиреніе твари, блаженная мука рожденія Сына Божія.

Іеромонахъ Іоаннъ (*Шаховской*).
Бѣлая Церковь.

СБОБОДА ОТЪ МІРА.

Не «пріятіе», не «непріятіе міра», но свобода отъ него.

I

Ко Христу подходятъ два человѣка: «Господинъ, разсуди насъ, мы споримъ изъ-за имѣнія». «*Кто Меня поставилъ судить васъ?...*» говоритъ Господь. Богъ отказывается судить! Нѣтъ почвы для суда. Но — Господь продолжаетъ свое слово — «*берегитесь любостяжанія... жизнь* человѣка *не зависитъ* отъ изобилія его имѣнія».

Въ лицѣ тѣхъ двухъ, что подошли ко Христу съ просьбою о земной справедливости, подошелъ ко Христу весь міръ. Если вы хотите увидѣть міръ, вотъ онъ пріоткрылся предъ Истиною, — смотрите на него.

Тѣ, два, конечно, не понимали, что въ лицѣ ихъ, всѣ мірскія отношенія, вся мірская смертная сложность жизни подошла ко Христу, и раскрыла свою пропасть, чтобъ поглотить.

Но Богъ не вовлекся въ грѣховную сложность міра. Господь простеръ руку, и — отодвинулъ ее *въ сторону*. Вотъ, что должны запомнить люди, какъ желающіе «пріять» міръ, такъ и отказывающіеся отъ «пріятія» его.

«Кто Меня поставилъ судить васъ!?»... вопросъ Христа. Никто изъ людей ничего не можетъ отвѣтить. Отвѣчаетъ Самъ же Христосъ, въ этомъ же

Журнал “Путь”, июль 1929, № 17.

вопросѣ: «Никто Меня не ставилъ судить васъ». Вѣдь *поставить* Господа въ рамки грѣховныхъ соотношеній міра никто не могъ.

Вотъ ключъ къ вопросу о порядкѣ міра. — Господь не принимаетъ этого порядка — какъ Богъ, и не отрицаетъ его — какъ Человѣкъ.

Мірской порядокъ есть жатва хлѣбоплевельная. Господь ангеламъ велитъ не трогать его. До Суда.

II

Не судить міръ, но спасти его пришелъ Господь. Неужели мы не можемъ вникнуть въ эти слова. Если Господь говоритъ, что «не судить» пришелъ Онъ міръ, то неужели можно сомнѣваться, что міръ достоинъ суда?! Не отодвигалъ бы Господь суда, если бы міръ не былъ зрѣлъ для него (иначе въ чемъ же *спасеніе*?). Самое слово «судъ» не упомянулъ бы Господь, если бы не было насущности Божьяго суда надъ землей.

Чаша беззаконій земли — Чаша Сына Божія исполнилась. Господь сошелъ на землю, въ земныхъ одеждахъ. Если бы Господь пришелъ *судить* міръ, то всѣ стихіи земли такъ же свернулись бы и сгорѣли, какъ сгорятъ онѣ во второе и славное пришествіе Его. Но, въ первый разъ, Господь пришелъ, *чтобъ спасти*. Онъ, какъ бы, плѣнилъ судъ, удержалъ его въ рукѣ Своего безмѣрнаго человѣколюбія. Онъ явился въ зракѣ раба, состраждущаго, сотяготящагося, согрѣховнаго. Иначе — сгорѣла бы земля.

Справедливость и Правда удержаны въ Божьемъ лонѣ. Нынѣ, до *поистинѣ страшнаго* суда, — царство милосердствующей благодати.

III

Явясь въ міръ, обернувшись, одѣвшись жизнію міра, Господь не *пріялъ* ее, но *подъялъ*. Во

всѣхъ Своихъ словахъ, во всѣхъ Своихъ движеніяхъ, въ каждую минуту Своего служенія, Господь есть Полнота *не*-мірской жизни. Вглядитесь въ Евангеліе, какъ міръ бушуетъ около Него, какъ накатываются на Него волны міра. Крестъ обнятъ Господомъ въ вифлеемскихъ ясляхъ — даже ранѣе того — въ Предвѣчномъ Совѣтѣ Пресвятой Троицы. Три искушенія въ пустынѣ — одинъ лишь эпизодъ въ земной жизни Господа. Они, только — заостреніе искушенія; заостренность же искушеній не всегда бываетъ тяжелѣе незамѣтности искушеній, — иногда бываетъ легче.

Какъ огромное холодное бушующее море охватилъ міръ человѣческій сіяніе Единой Любви — Ликъ Бога... «Не дается міру сему знаменій, кромѣ знаменія Іоны пророка».

Какъ пѣнится и увивается міръ вокругъ Господа, но — не можетъ поглотить Его. Господь идетъ по водамъ.

Эту устремленность міра на своего Спасителя и Творца, страшно, трепетно и блаженно усматривать въ Евангеліи.

IV

Когда міръ, тая пучину въ лживой кротости, кладетъ себя къ ногамъ Христовымъ, и, *подошедъ*, спрашиваетъ Его: «давать ли подать Кесарю?», отвѣтъ Господень, по выраженію одного святителя Церкви, *творится изъ ничего*. «Принесите Мнѣ монету, которою вы уплачиваете подать», «чье на ней изображеніе?» «Кесарево? — такъ и отдавайте ее Кесарю». «*Божье же отдавайте Богу*».

Не внѣшнее отверженіе міра, на внутреннее... Такъ — все Евангеліе, каждая его строка.

Внѣшнее отверженіе совершится въ Судѣ. До Суда — спасеніе, внутреннее отверженіе существенности міра. «Нейтрализація міра», какъ сказа-

ли бы въ наукѣ, — для дѣятельности огня любви — дѣятельнаго и цѣлостнаго уподобленія Богу, т. е. спасенія.

V

Говорятъ о христіанской свободѣ отъ авторитета... Но вѣдь самая первая свобода христіанина есть свобода *отъ міра*. Христомъ міръ вмѣненъ ни во что. Онъ и былъ въ своемъ вавилонскомъ творчествѣ — *ничто*. Господь пришедъ, сказалъ объ этомъ міру, и далъ человѣчеству оружіе противъ притязаній міра: Свое Воскресеніе и Свое Слово.

Міръ нынѣ пустъ въ очахъ Божьихъ; пусты всѣ его дворцы и хижины, торжища и пустыни. Что то длится еще въ немъ, цѣны не имѣющее, не отвергнутое Христомъ, не попранное Имъ, но въ сторонѣ оставленное, ибо цѣнности любви не имѣющее.

Господь не отвергъ матеріальность жизни, Онъ принялъ ее, подчинился ея временности, и, чрезъ нее, пострадалъ во славѣ. И мы не можемъ отвергать ее, — они длятся еще всѣ эти монетки Кесаря, вся эта пища входящая и уходящая изъ человѣка, всѣ эти раздѣлы имѣній... Господь всталъ посреди всего этого, и сталъ внѣ всего этого.

VI

«Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ. Рабомъ ли ты призванъ, не смущайся... ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ... Я вамъ сказываю, братія: время уже коротко, такъ что имѣющіе женъ, должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе; и

пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся; ибо проходитъ образъ міра сего. А Я хочу, чтобъ вы были безъ заботъ».

Сокрушающій молотъ апостольскаго слова падаетъ на всѣ проявленія души міра и уничтожаетъ ихъ земной смыслъ. Эти апостольскія слова надо всегда читать рядомъ съ заповѣдями блаженства. Они — оборотная сторона заповѣдей блаженства. Христосъ обратился къ новому, апостолъ сжигаетъ старое.

Апостолъ не осуждаетъ «имѣющихъ». Онъ говоритъ только, что они *должны быть, какъ не имѣющіе*... Апостолъ помогаетъ понять Христа тѣмъ двумъ, подошедшимъ ко Христу, изъ-за раздѣла имѣнія своего.

Плачъ и радость — состоянія богатства чувствъ. Пусть же это богатство прилагается къ истинѣ, а не къ пустотѣ. Плачущій или радующійся «изъ-за тлѣннаго» — неразуменъ; *время уже коротко*, надо отдавать радость вѣчной истинѣ, и плачъ ей же, — ибо образъ міра сего уже не существуетъ; «проходитъ», какъ мягко говоритъ апостолъ.

Іеромонахъ Іоаннъ (Шаховской).

Бѣлая Церковь.

О НАЗНАЧЕНІИ ЧЕЛОВѢКА И О ПУТЯХЪ ФИЛОСОФА

(Н. А. Бердяевъ. «О назначеніи человѣка». Опытъ парадоксальной этики.).

«И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю въ тѣлѣ или безъ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать.. Такимъ человѣкомъ могу хвалиться; собою же не похвалюсь, развѣ только немощами моими». (II Кор. XII, 3-5)

«Прометей былъ, въ сущности своей, смиреннымъ. Онъ хотѣлъ только похитить огонь съ неба; онъ понималъ, что ему нельзя этотъ огонь творить».
(Изъ одного парадоксальнаго разговора)

Если бы въ этой книгѣ было меньше парадоксовъ, ее можно было бы не называть «опытомъ парадоксальной этики». Правда, «парадоксальная» этика — звучитъ болѣе солено въ нашъ культурно-прѣсный, любящій остроту, вѣкъ, но на этомъ пути лежитъ печать нѣкоей временности, почти публицистичности. Можетъ быть оттого, что парадоксъ самъ по себѣ не духовенъ (эсхатологически не этиченъ). Онъ есть лишь философская акциденція раціонализма, бьющагося въ своемъ кругу. Включающая въ себя, формально, эсхатологическій отдѣлъ и внутренно движущаяся этимъ отдѣломъ книга, въ общемъ, составляетъ впечатлѣніе скорѣе философско-публицистической, чѣмъ философско-мистической... И, какъ ни странно, наиболѣе публицистическими мѣстами, подчасъ, кажутся мѣста ея наиболѣе «мистическія» и наиболѣе мистическими — страницы, приближающіяся къ парадоксальной этикѣ... Въ этомъ можетъ быть, сказывается и не только формальная парадоксальность книги.

Какъ философское явленіе, книгу «О назначеніи человѣка» надо глубоко привѣтствовать. Не лишенная, къ сожалѣнію, часто

"Путь", декабрь 1931, № 31.

обычнаго для автора полемическаго, не всегда оправданнаго паѳоса, книга построена на такъ же обычномъ для автора алканіи правды: онъ казнитъ весь этическій міръ человѣка во имя алканія подлинныхъ этическихъ цѣнностей. И жалко становится, что эта праведная казнь... сама, въ концѣ концовъ, должна стать на эшафотъ своего же этическаго закона, направленнаго противъ недобраго или недостаточно добраго добра.

Человѣкъ - творецъ въ силу непреложности образа и подобія Творца. Вотъ реально-этическая основа міросозерцанія Бердяева. И этотъ «человѣкъ-творецъ» становится и долженъ стать идеаломъ человѣка современной эпохи, въ коей — по мнѣнію автора — потускнѣли идеалы прежнихъ историческихъ эпохъ: святости, эллинскаго канона красоты, героичности, рыцарства... Не раскрытое въ человѣчествѣ Богочеловѣчество требуетъ раскрытія образа Божія — Образа Творца — въ этикѣ и жизни человѣка. И авторъ беретъ на себя эту задачу: выискать, опредѣлить и оправдать образъ Творца въ человѣкѣ. Задача трудная, и именно для Н. А. Бердяева, который умѣетъ столь творчески-правдиво разоблачить не только человѣческую жизнь, но и человѣческую этику, да еще въ свѣтѣ безпощаднаго закона парадоксальности.

Н. А. Бердяевъ апологетъ свободы, и потому мы будемъ свободно говорить о его книгѣ.

Тотъ эпиграфъ Гоголя, который онъ помѣстилъ во главѣ своей этики: «грусть оттого, что не видишь добра въ добрѣ», мы считаемъ цѣннымъ эпиграфомъ для отзыва и о его во-многомъ цѣнной, книгѣ о добрѣ.

Гоголь глубоко постигъ качество грусти христіанина въ мірѣ семъ. Конечно отъ этого онъ сжегъ результаты своего человѣчески - понимаемаго творчества. Бердяевъ проходитъ мимо этой трагедіи творчества въ «мірѣ семъ», а обнаруженіе ея помогло бы уяснить многое въ основной проблемѣ его парадоксальной книги.

Желая философски разсѣять гоголевскую грусть, Бердяевъ подчеркиваетъ ее, открывая во всей ея наготѣ трагичность этическаго бытія міра. Какъ бы до конца снимается маска съ лица міра прелюбодѣйнаго и грѣшнаго. Въ этомъ большая заслуга Бердяева, пошедшаго крестнымъ путемъ Начальника Жизни, обличавшаго ложное добро (фарисеевъ и книжниковъ) болѣе видимаго зла (мытарей и блудницъ). Разоблаченіе лицемѣрія, огненное устремленіе къ послѣдней правдивости — сіяніе этической чистоты. Но, конечно, нельзя забыть, что огонь этого устремленія можно взять лишь рукою метафизическаго (змѣино-мудраго) смиренія... Здѣсь опять трагическая парадоксальность книги, запечатлѣвшаяся въ нѣсколькихъ ея срывахъ. На пути правдивости, философская этика должна

дойти до предѣловъ книги «о назначенiи человѣка» и несомнѣнно перешагнуть ихъ, неся въ Божью безконечность свой крестъ «безумія и юродства» предъ «міромъ» — крестъ послѣдней мудрости предъ Богомъ Творцомъ.

Основной вопросъ этической системы «назначенія человѣка» — о творчествѣ остается по существу не рѣшеннымъ у Бердяева, хотя и намѣченнымъ — хотѣлось бы сказать — вѣрно. Тупикъ вопроса этого въ томъ, что въ категоріяхъ христіанскаго разума «творецъ» не можетъ быть инымъ идеаломъ, чѣмъ «святой». Образъ и подобіе Божіи должны открыться Духомъ, въ отвѣтъ на творческую самоопредѣлительную свободу человѣка. Господь призываетъ творить добро и признаетъ великимъ лишь сотворившаго и — потомъ уже — научившаго (Матѳ. 5, 19). Это и есть святость, ни предѣла коей, ни какихъ-либо единыхъ формъ нѣтъ. Формъ столько, сколько лицъ человѣческихъ, и даже болѣе.

Поставивши проблему творчества, какъ человѣческаго назначенія, Н. А. Бердяеву надо было бы (соотвѣтственно-значительно) выявить ложную онтологію творчества. Это проблема какъ разъ его этики, но она далеко не достаточно раскрыта въ книгѣ, и читатель можетъ быть близокъ къ впечатлѣнію, что въ пониманіи творчества человѣка авторъ лишь косвенно отражаетъ апостольскій опытъ — опытъ двухтысячелѣтняго христіанства, творившагося въ духѣ и истинѣ. Наиболѣе значительная часть книги — о фантазмахъ, кромѣ остроты философскаго прогноза, еще и тѣмъ значительна, что является какъ разъ анализомъ ложной онтологіи творчества. Къ сожалѣнію, авторъ не захватываетъ наиболѣе широкой области фантасмагоріи: фантасмагорію философскаго творчества фантасмагорію лже-мудрости и лже-искусства человѣческаго, обоготворяющаго хаосъ падшаго космоса, являющагося соблазномъ *ложной культуры*, царствующей (вѣрнѣе — княжествующей) въ мірѣ.

Не нужная, и не отражающая дѣйствительности полемическая струйка, льющаяся въ книгѣ противъ нѣкоторыхъ свв. отцовъ *), можетъ дать невѣрное направленіе мысли читателя, хотя возможно, что «тактически» является и благопріятнымъ симптомомъ для круга нѣкоторыхъ лицъ, привѣтствующихъ не только «свободу въ Церкви», но и «свободу отъ Церкви». Весь опытъ Церкви стоитъ на молитвенномъ творчествѣ («творить» молитву) и само «личное спасеніе», противъ котораго такъ

*) Трактатъ св. Меѳодія Патарскаго «Пиръ десяти дѣвъ» жалокъ и *баналенъ*. «Трактатъ бл. Августина невозможно читать, такимъ духомъ мѣщанства отъ него разитъ» . . . (стр. 251)

считаетъ нужнымъ вооружаться авторъ, есть по существу (въ его подлинной, святоотеческой сути) нѣчто безконечно отличное отъ узко-эгоистическаго замыканія души въ свою самость. «Спасеніе мое» цѣликомъ (помимо всѣхъ творчествъ!) *внѣ меня — во Христѣ*, а Христосъ — *Спасеніе всѣхъ*, Онъ Альфа и Омега жизни. Въ немъ надо «погубить душу свою», «свое» творчество... Погубить можно только то, *что имѣешь*... Невольно вспоминаются слова старца Нектарія Оптинскаго: «Богъ творитъ только изъ ничего... надо *себя сотворить ничѣмъ*, и Богъ будетъ изъ тебя творить. Пресвятая Богородица болѣе другихъ сотворила Себя «ничѣмъ», и болѣе всѣхъ вознесена Богомъ». Младенческая простота и мудрость этихъ словъ, могутъ ли быть эпиграфомъ какой нибудь философской книги о творческомъ назначеніи человѣка? Вопросъ существенный для пути философіи. Старецъ Нектарій, какъ и говорившій объ этомъ же митрополитъ Филаретъ, *тоже* вѣдаютъ меоническую свободу человѣка, но какъ «младенцы о Христѣ» протягиваютъ ее Отцу для творчества второго творенія — второго рожденія

Примѣчательно, что своей идеей «творчества», полемически противо*поставленнаго* «личному спасенію», Бердяевъ (невидимо для себя) столкнулся съ фактомъ *творчества Іисусовой молитвы*: «Господи Іисусе Христе, помилуй меня грѣшнаго.» Эта *духоносная* (обильная неисчислимыми плодами) молитва, весь смыслъ свой полагающая не въ личности творящаго ее, а въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, представляетъ наглядный примѣръ «неэгоистическаго эгоизма» христіанскаго, какъ любви «всѣмъ сердцемъ», какъ распятія во Христѣ человѣческой личности. Бердяевъ самъ не можетъ не утверждать этого: «Нужно любить ближняго, какъ самого себя: значитъ нужно и самого себя любить, почитать въ себѣ образъ Божій. Эта любовь противоположна эгоизму и эгоцентризму, т. е. помѣшательству, ставящему себя въ центрѣ вселенной». (стр. 140). И потому фантастическими кажутся его слова о томъ, что «творить невозможно при одномъ непрестанномъ чувствѣ грѣховности и при одномъ смиреніи» (стр. 140). Чувство грѣховности всегда «непрестанно» и должно, какъ воздухъ, проникать во всѣ поры человѣческаго творчества, составить атмосферу земной человѣческой жизни подъ Благодатію. (Это *глубочайшимъ образомъ* выражено Церковью въ *покаянной молитвѣ* пятидесятаго псалма, читаемаго священникомъ при кажденіи алтаря *во время херувимской пѣсни*, образующей ангельское состояніе

1) «Я просто *не хочу* имѣть *никакого спасенія* въ себѣ самомъ. Потому и пришелъ я ко Христу, что созналъ неимѣніе *ничего* спасительнаго въ себѣ» (мысль всякаго *христіанина*).

молящихся). Далѣе, смиреніе подлинное—развѣ можетъ остаться «одно»? Не является ли смиреніемъ всякій трудъ, всякое дѣло, всякое истинное служеніе христіанина?.. «Внутри христіанскаго міра — говоритъ далѣе Бердяевъ — противоборствуютъ двѣ моральныя направленности: смиреніе и творчество, мораль личнаго спасенія и страха гибели и творческая мораль цѣнностей, мораль отданія себя преобразованію и преображенію міра» (стр. 145). Искусственность этой схемы — такимъ образомъ выраженной — несомнѣнна. Безъ соли духовнаго истиннаго смиренія невозможно никакое христіанское творчество. Христіанское творчество, не осоленное смиреніемъ, это — contradictio in adjecto.

Преображеніе же міра — по слову Божію — есть дѣяніе Славы Божіей, а отнюдь не падшаго, изгнааннаго изъ рая человѣка, не могущаго безъ Славы Божіей преобразить, ни преобразовать даже самого себя. И, конечно, — ни единой песчинки въ мірѣ! «Безъ Меня не можете творить ничего», — *Заранѣе сдѣланная божественная поправка ко всѣмъ имѣющимъ произнестись въ исторіи человѣческимъ словамъ о творчествѣ.*

Если Бердяевъ возстаетъ противъ лже-смиренія, лже-пониманія глубинъ грѣховности, то это необходимо выразить гораздо яснѣе. Ибо лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ его новая моральная концепція творчества будетъ — для христіанъ — соотвѣтствовать извѣчной евангельской истинѣ и войдетъ въ сокровищницу познанія Церкви.

Вопросъ о назначеніи человѣка еще глубже, чѣмъ его ставитъ Н. А. Бердяевъ. И не скрываются ли въ его альтруистическомъ бореніи, противъ своего «личнаго спасенія», элементы не-творческаго упрощенія проблемы личности человѣческой, высоко возвышающейся надъ эгоизмомъ человѣческимъ во всѣхъ проявленіяхъ своего духа. Бердяевъ здѣсь явно не учитываетъ преображенія «личнаго сознанія» — этого центральнаго момента христіанской аскезы Благодати. Мы знаемъ три ступени въ приближеніи къ Богу: рабская, наемническая и сыновняя. Но на сыновней ступени (моментами, извѣстной жизни каждаго христіанина) теряется всякое ощущеніе между рабствомъ Богу, наемнической службой Ему и преданностью сыновней. Ибо по отношенію къ Пресвятой Троицѣ всѣ живыя, молитвенныя чувства человѣка безконечно святы и высоки и не поддаются никакимъ мѣркамъ человѣческихъ отношеній. По отношенію къ Святѣйшему Святыхъ — Слову Божію всѣ три чувства человѣческихъ ступеней сливаются, преображенныя въ одно царство Божіе, приходящее въ «силѣ» (Мр. 9, 1) и заливающее внутренняго человѣка. Смерть благоразумнаго разбойника тому примѣръ.

Не можемъ не утверждать, что человѣку надо всецѣло потерять, распять, испепелить свое мнимое, свое интеллектуальное безкорыстіе, когда начинаетъ казаться человѣку будто онъ выше «корыстныхъ» евангельскихъ понятій о наградахъ и наказаніяхъ. Не можемъ не утверждать, что человѣкъ никогда не переростаетъ на землѣ понятій, данныхъ въ Евангеліи. По мѣрѣ пріятія Духа, понятія эти преображаются, но никогда не переростаетъ ихъ человѣкъ. И потому соблазняться евангельскими образами разсчетливости или считать ихъ принадлежащими низшему, экзотерическому кругу, — это не понимать глубинъ Евангелія. Можно безошибочно сказать что въ словахъ духовной корысти (о «покупкѣ» Благодати), проповѣданныхъ препод. Серафимомъ Мотовилову, гораздо больше сыновняго безкорыстія, чѣмъ во многихъ отвлеченныхъ трактатахъ, говорящихъ о высокихъ чувствахъ безкорыстной любви къ Богу. Категорія земныхъ «высотъ» и благородствъ не примѣнима къ высотѣ и благородству евангельскому. Надо этическо-эсхатологически р а с п я т ь свой міръ душевной гносеологіи, провести и въ философіи принципъ: «Дай кровь и пріими Духъ».

Словно боится Бердяевъ быть «безумнымъ» въ очахъ чистой философіи міра сего и слишкомъ трудно преодолѣваетъ дурную безконечность опустошенно-логическаго гносеологизма. Найденный выходъ «парадоксальности» (удвоенный эсхатологичностью) конечно, даетъ автору нѣкій мандатъ на благовѣстіе Истины Христовой в ъ п р е д ѣ л а х ъ н о в о н а й д е н н о й п о ч в ы , но и заключаетъ автора въ этихъ *предѣлахъ*. Парадоксальность же, какъ гносеологическое орудіе, имѣетъ несомнѣнно два конца: остроту эсхатологичности и тупикъ раціонализма.

Трагизмъ этики Н. А. Бердяева исходитъ изъ слишкомъ «все же» большой близости (не свободно-арбитральной, подчиненно-кровной) къ ложнотворческимъ проявленіямъ и достиженіямъ міровой философской мысли, подлежащей болѣе опредѣленному суду евангельской истины. «Какъ ни и н т е р е с н о в с е , что говоритъ Ницше, и с т и н а з а к л ю ч а е т с я в ъ п р я м о п р о т и в о п о л о ж н о м ъ» (стр. 123) — вотъ образецъ ложно-великодушной, «двойственной философіи», притупляющей (апокалиптически-охлаждающей) свою истину.

Мы совсѣмъ не хотѣли бы ставить передъ авторомъ задачъ формально-философскаго самоубійства. Закваскѣ не надо выходить изъ тѣста. Но было бы утѣшительно увидѣть въ творчествѣ Н. А. Бердяева е щ е б о л ѣ е независимую линію. Болѣе независимую отъ философіи, чѣмъ отъ Церкви. Линію меньшей зависимости отъ дурно-безконечной, ложно культурной оригинальности, столь смѣшиваемой въ культурѣ міра съ идеей творчества.

Если бы Н. А. Бердяевъ не боялся зависимости отъ «теологіи» *), не боялся бы быть даже слугою ея въ самомъ чистомъ значеніи этого слова, т. е. пресѣкъ бы традицію псевдо-свободной филоссфіи: быть въ феербаховской оппозиціи къ теологіи, — онъ могъ бы назвать свою книгу: «опытомъ духовной этики», ибо его книга преодолѣваетъ «душевную» сферу филоссфіи и идетъ по духовной сферѣ профетическихъ утвержденій, укорененныхъ въ вѣрѣ Христовой, спасающей Духомъ и филоссфію и этику отъ сѣрости самодовольной добродѣтели. Центръ и значеніе книги въ филоссфскомъ свидѣтельствѣ (понимаемъ это слово первохристіански) о Христѣ, о-Словѣ - Смыслѣ, сотворившемъ міръ — Альфѣ и Омегѣ бытія.

Совсѣмъ напрасно авторъ нападаетъ на «ортодоксальную теологію», чтобы удержаться въ своей философской свободѣ. Ортодоксальная теологія въ лицѣ хотя бы трехъ ея столповъ, названныхъ Церковью ея представителями въ этой области, т. е. свв. Іоанна Богослова, Григорія Богослова и Симеона Новаго Богослова, — не очень уже противорѣчитъ всѣмъ творческимъ утвержденіямъ его... А въ чемъ противорѣчитъ, тамъ она намъ кажется болѣе права, чѣмъ Н. А. Бердяевъ.

Бердяевъ говоритъ: «Филоссфія приходитъ къ результатамъ познанія изъ самаго познавательнаго процесса, она не терпитъ навязыванія извнѣ результатовъ познанія, которое терпитъ теологія» (стр. 6). Гдѣ и какъ терпитъ теологія «навязываніе извнѣ» (?) результатовъ познанія? И, если счесть навязываніемъ воспріятіе откровенныхъ истинъ (какъ это имѣло мѣсто у перечисленныхъ выше столповъ церковной теологіи), то неужели филоссфія не терпитъ этого процесса пріобщенія къ добытому познан ю? Конечно, терпитъ — и вся исторія философіи тому свидѣтельство — но различіе существенное лежитъ межъ двумя дисциплинами: подлиноое теологическое познаніе связуется дѣтскою простотою вѣры и любви ко Спасителю-Логосу, филоссфское же, мнимо-свободное познаніе всегда находится въ положеніи змѣи, пожирающей свой хвостъ, т. е. вращается въ атмосферѣ неочищеннаго благодатію ума и не освобожденнаго отъ дебелости плотскихъ тумановъ сердца. Преп. Исаакъ Сиринъ, пошедшій путемъ вѣры и благодатныхъ откровеній, очень вы-

---

*) Трудно опредѣлить, что, собственно, Бердяевъ понимаетъ подъ «теологическимъ міровоззрѣніемъ», о которомъ онъ говоритъ, что оно «совпадаетъ съ натуралистическимъ эволюціонизмомъ» (стр. 37) въ «отрицаніи творчества». Напр. православный никейскій символъ вѣры, являющійся экстрактомъ теологическаго міровоззрѣнія, — въ чемъ онъ «совпадаетъ съ натуралистическимъ міровоззрѣніемъ»?

разительно говоритъ объ этомъ состояніи «внѣшнихъ философовъ» *), дѣля тѣмъ самымъ философію на «внѣшнюю» (по отношенію къ Церкви Христовой, конечно, по смыслу: I Кор. 5, 13) и на другую «внутреннюю» философію, воспринятую имъ самимъ, какъ служеніе Духу.

Но, въ сущности, всегда правильнѣе говорить не о томъ, что «философія приходитъ» или «теологія терпитъ» какое-либо построеніе, но что человѣкъ приходитъ, человѣкъ терпитъ, ибо фактически, въ земномъ порядкѣ обѣихъ дисциплинъ, одинаково могутъ быть и благодатно-познающіе истину вѣчнаго Откровенія и мудрствующіе въ границахъ плотскаго (иногда очень тонкаго) ума.

Самыми блестящими страницами книги слѣдуетъ признать первыя главы отдѣла «конкретные вопросы этики». Думается, что удача Бердяева въ этомъ отношеніи будетъ отъ него въ дальнѣйшемъ требовать творчества въ направленіи эсхатологическо-практической этики (или «этики практическаго творчества»). Книга его, въ общемъ, мало доступна среднему читателю мыслительныхъ книгъ, а вопросы творческой этики — вопросы именно читателя, а не академіи. Этическая философя должна перерости академичность своей мудрости. Въ этомъ было бы наиболѣе реальное ея культурное завоеваніе и оправданіе. (Конечно это также путь не мірской, не «философской» теологіи).

Разочаровываетъ эсхатологическій отдѣлъ. Самое введеніе его въ этику — мудрое творчество автора, но трактовка вопроса реально не сдвигаетъ его со своего эсхатологическаго мѣста. «Оправдать» адъ Бердяеву совершенно не удалось... даже въ отрицаніяхъ его. И, да проститъ намъ авторъ, здѣсь съ удивительной ясностью раскрылось слово Божіе о «посрамленіи мудрости мудрецовъ» и отверженіи «разума разумныхъ». Разумъ, даже оплодотворенный Логосомъ, даже профетическо-христіанскій уперся въ тупикъ и бьется, какъ раненая въ сердце птица. Вѣрнѣе, какъ Икаръ, упадаетъ разумъ, растопивъ свои крылья у огня Премудрости Божіей, черезъ положенную черту которой ему не дано переступать. И — не скроемъ — радостно созерцать, какъ бьется мудрость мудреца въ тенетахъ дѣтской простоты Откровенія, не въ силахъ летѣть выше... туда, куда уже влечетъ Самъ Духъ тѣхъ, кто распялъ въ себѣ не только ветхую этику,

---

*) «Умъ имѣетъ созерцаніе для созерцанія себя самого. Въ немъ то внѣшніе философы и вознеслись своимъ умомъ при представленіи твари».

но и всю парадоксальность этики новой. «Основной признакъ философіи духа тотъ, что въ ней нѣтъ объекта познанія»... (стр. 9), говоритъ авторъ, соединяя этимъ философію и жизнь. Остается вопросъ о способахъ осуществленія этого соединенія, какъ творческаго акта дѣйствительнаго познанія. Подлинная трудность осуществленія этой связи ощущается въ объективированіи Живого Бога въ самой книгѣ о назначеніи человѣка. Это объективированіе не можетъ остаться во всякой такъ называемой «философіи духа», которая будетъ одновременно упираться и на остріе эсхатологичности и въ тупикъ парадоксальнаго ratio.

Подлинная философія духа — и въ этомъ ея основное отличіе отъ недуховной философіи — должна содержать въ себѣ *молитву*, какъ атмосферу своего познанія. Большая ошибка считать Духъ выражаемымъ отвлеченно. Нельзя духовно говорить «о Духѣ», можно лишь говорить «Духомъ». Духъ не поддается объективизаціи, и въ этомъ подлинное постиженіе философское — дойти до этого сознанія. Но это сознаніе должно быть и перейдено. Нѣтъ иного способа осуществленія гносеологическаго познанія Духа,, какъ лишь черезъ молитву. Молитва, какъ всякое подлинное дѣло жизни, овитое духомъ молитвы, носитъ въ себѣ иной міръ — тотъ міръ, котораго не знаетъ «культурная философія» или *о которомъ* она только знаетъ. Подлинное томленіе разума именно въ томъ, что онъ, доходя до познанія своей недостаточности и, пріемля знаніе «о Богѣ», остается незнающимъ Бога, не преображеннымъ въ Духѣ, хотя и принявшимъ (отвлеченно) «приматъ Духа».

Философія, преступившая этотъ предѣлъ, становится «молитвой разума», теряетъ методъ холодной объективизаціи Господа (присущей, несомнѣнно, нѣмецкой мистикѣ, какъ отчасти и Н. А. Бердяеву), соединяется съ сердцемъ-духомъ, выходитъ на сыновній, крестный путь «отверженій», дѣлается менѣе «широко-терпима» къ возстаніямъ противъ воли Отца — не по нелюбви къ возставшимъ, но по любви къ Истинѣ Кроткаго Божьяго Беззащитнаго здѣсь отъ нападеній людскихъ Духа. «Философія духа» можетъ быть только такой.

Ибо самый серіозный вопросъ этой философіи — вопросъ: *какого* духа? — благодатнаго, соединившагося со Святымъ Духомъ или — пустого отъ Благодати, оккультнаго холоднаго духа, — тоже духа, такъ же могущаго быть освобожденнымъ отъ матеріи, но оставленнымъ, оставщимся безъ соединенія съ Живымъ Богомъ.

Бердяевская философія не болѣетъ этимъ — истинно творческимъ для всякаго духовнаго познанія вопросомъ. Духъ человѣка, не оплодотворенный Святымъ Духомъ, представляетъ

собой большую познавательную опасность, чѣмъ плоть. Весь соблазнъ оккультныхъ теософскихъ и антропософскихъ системъ состоитъ въ этомъ. Слѣды этого же видны и въ творчествѣ Бердяева. Понимая, конечно, всю ложь оккультной антропософіи и теософіи, Бердяевъ еще недостаточно отдалъ свое творчество Живому Богу-Отцу, недостаточно усыновилъ его Единому Учителю Іисусу Христу. И потому холодный огонекъ «автономнаго» человѣческаго духа еще пробѣгаетъ по страницамъ его творчества — творчества, идеологически нашедшаго вѣрный путь, но не имѣющаго еще вѣры слѣдовать имъ до конца.

Подъ «творчествомъ молитвы» мы не разумѣемъ одной элеваціи... Паскаль, столь же сколь и Францискъ Ассизскій, былъ на Западѣ творцомъ «молитвеннаго творчества». (Изъ западныхъ современниковъ — Эрнестъ Элло, Леонъ Блуа... Беремъ имена для бѣглаго примѣра). Религіозная мысль Востока, преимущественно, этого типа.

Молитва православія — мученическаго евангельскаго православія — можетъ идти, конечно, обоими путями въ мірѣ: путемъ молчанія и путемъ творчества. Н. А. Бердяевъ будетъ принадлежать второму пути Церковной культуры, если онъ не отгородится мнимой свободой мнимаго творчества отъ всячески страждущаго въ мірѣ Тѣла Христовой Церкви, воинствующей съ духомъ міра и торжествующей познаніемъ Бога.

Ученіе книги «о назначеніи человѣка» о томъ, что человѣческая свобода исходитъ только «наполовину» отъ Бога, а другой половиной исходитъ изъ меоническаго «ничто» (изъ котораго сотворенъ человѣкъ), не есть ли попытка отгородиться своимъ творчествомъ — своей свободой — отъ Творца, лишь в ъ К о - е м ъ Е д и н о м ъ обрѣтаетъ, истинно, человѣкъ свою свободу? Развѣ «образъ и подобіе» человѣка восходятъ одновременно къ Творцу и къ «меоническому ничто»? Не есть ли это ученіе о двухъ образахъ и подобіяхъ въ человѣкѣ, одновременно даровавшихъ человѣку свободу? Если подлинно одинъ образъ и одно подобіе въ человѣкѣ, то не можетъ быть двойственности источника свободы. Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, утверждать то меоническое ничто, къ которому тянется иногда человѣкъ, отходящій отъ Бога, какъ источникъ н е - с в о б о д ы? Драгоцѣннѣйшее и неповторимѣйшее слово «свобода» — можетъ ли уйти для человѣка изъ Объятій Отчихъ?.. Намъ кажется, что ища второй «рукавъ» своей свободы, внѣ лона Отчаго, Бердяевъ теряетъ ощущеніе Богосыновства, — того, что онъ самъ такъ трепетно ищетъ въ человѣкѣ. Немыслимо уйти человѣку изъ лона Отчаго, не найдя з д ѣ с ь полноту своей — именно не отвлеченной, именно не діалектической, но — сыновней свободы.

Сыновне погубить въ лонѣ Творца всѣ признаки своей автономно-меонической свободы, чтобы обрѣсти ее во вселенной творенія, здѣсь вся евангельская истина объ Отцѣ Небесномъ, о любви къ Нему неисповѣдимой и о нахожденіи своей жизни черезъ погубленіе ея въ Немъ. *Полу-отдача* себя Богу, *полуоставленіе* себя въ пустотѣ ничто, — уничтожающая человѣка философія, которую разрушилъ въ мірѣ Сынъ Божій Это философія любви къ Богу только отъ половины разума своего, отъ половины крѣпости и отъ половины сердца

Господь-Творецъ погубилъ всю неописуемость Божества Своего и Творчества на Крестѣ смертномъ передъ глазами человѣческими, а человѣкъ не можетъ погубить (безъ всякихъ остатковъ!) свободу своего меоническаго ничтожества передъ Богомъ?!.. Что могло быть позволено нѣмецкому мистику, вышедшему изъ протестантскаго апофатизма, то горько въ устахъ православно-апостольской философіи духа.

Невѣрными и недостойными благодатнаго духа кажутся въ книгѣ мысли Бердяева о «библейскомъ пониманіи Бога» Вотъ что говоритъ онъ — съ несомнѣннымъ чувствомъ справедливости въ своихъ намѣреніяхъ, но вполнѣ не по существу: «Можно ли сказать, что Богу не присуща никакая душевная жизнь, никакія аффективныя и эмоціональныя состоянія? Статическое пониманіе Бога, какъ чистаго акта, не имѣющаго въ себѣ потенцій, самодовольнаго, ни въ чемъ не нуждающагося есть философско-аристотелевское, а не библейское пониманіе Бога. Богъ Библіи, Богъ Откровенія совсѣмъ не есть чистый актъ, въ немъ раскрывается аффективная и эмоціональная жизнь, драматизмъ всякой жизни, внутреннее движеніе , но раскрывается экзотерически И поразительна ограниченность человѣческой точки зрѣнія на Бога (не всякой ли отвлеченной? — добавимъ. . I.) Богу боятся приписать внутренній трагизмъ, свойственный всякой жизни, тоску по своему другому, по рожденію человѣка, но нисколько не боятся приписать гнѣвъ, ревность, месть и пр. аффективныя состоянія, которыя считаются предосудительными для человѣка. Существуетъ глубокая пропасть между пониманіемъ человѣческаго совершенства и Божьяго совершенства. Самодовольство, самодостаточность, каменная бездвижность, гордость, требованіе безпрерывнаго себѣ подчиненія — все свойства, которыя христіанская вѣра считаетъ порочными, но Богу ихъ спокойно приписываетъ» (Подчеркнуто нами. I. I.) (стр.32)... Цитируя эти мысли Н. А. Бердяева, мы изумлены ихъ легкомысленностью, столь несвойственной автору. Когда и гдѣ, и какая «христіанская вѣра» могла говорить подобныя вещи? Мириться съ грѣховностью

Божества, съ человѣческой эмоціональностью Его — это дѣло сумеречнаго политеизма, который, конечно, можетъ своебразно возродиться въ томъ или иномъ псевдо-вѣрующемъ христіанинѣ, но за который немыслимо дѣлать отвѣтственной «христіанскую вѣру». Церковь понимаетъ аффекты Божьихъ дѣйствій въ мірѣ (о коихъ повѣствуетъ Библія) отнюдь не эмоціонально, не сообразно человѣку, но сублимаціонно. Дѣйствіе сублимаціи производитъ благодатный «страхъ Божій» — высочайщее благоговѣніе — предъ Творцомъ, пронизывающе всѣ человѣческія (необходимыя для человѣка) понятія о Немъ. Языкъ аффектныхъ понятій — младенческій языкъ земли, который преодолѣвается лищь «страхомъ» («ужасомъ», по Бердяеву) сублимирующимъ содержаніе каждаго человѣческаго понятія, обращенанаго къ Богу.

Въ Церкви не можетъ даже и возникнуть вопроса о пониманіи Бога, «какъ чистаго акта» или какъ «статики». Если своего земного отца нельзя разсматривать, какъ «чистый актъ» или какъ «статику» (это было бы выраженіемъ, можетъ быть философской любви, но не человѣческой), такъ тѣмъ болѣе о Небесномъ Отцѣ Живомъ нельзя говорить въ категоріяхъ мертваго объективизма.

Безконечны духовныя постиженія близости Господа, но всѣ они — внѣ категорій, внѣ «философіи» даже. Конечно, и тѣ, которыя закрѣплялись въ богословскихъ апофатическихъ и катафатическихъ выраженіяхъ. Символъ св. Григорія Чудотворца — лучшій отвѣтъ Н. А. Бердяеву, какъ «христіанская вѣра» понимаетъ Живого Бога, Котораго гораздо больще любитъ, чѣмъ понимаетъ, гораздо больше исповѣдуетъ, чѣмъ опредѣляетъ. И у подвижниковъ вѣры церковной, какъ и у подвижниковъ церковной мысли выражено Богопознаніе, какъ молчаніе чувствъ и дѣйствіе Духа.

Не во всей существенности Бердяевъ воспринимаетъ санъ и смыслъ священства Церкви. Священство-апостольство не только символическій знакъ, но и сила реальная, независимо отъ того, пользуется или не пользуется этой силой кто-либо (или даже самъ священникъ). Священство — посредничество любви, посредничество тайнъ, талантъ особой власти, вручаемой грѣшному человѣку. Онъ есть талантъ подлиннаго и высокаго творчества, по вѣрѣ Церкви, и именно Н. А. Бердяеву, въ связи съ его системой эсхатологической этики, легче всего было бы воспринять священство, не какъ символику, даже «реальную», но какъ реальность. Однако, онъ видитъ два міра: міръ символики и міръ реальности, и священство относитъ къ первому міру, противополагая ему святость, какъ чиновничеству государства —

государственный героизмъ. Но власть не символъ, а реальность. Реальность власти можетъ обезцвѣтиться до символизма (можетъ быть этимъ процесомъ соблазняется Бердяевъ), но тогда это будетъ возстаніе противъ реальности. Какъ Причастіе можетъ быть принято безъ вѣры, но оно отъ этого не обратится снова въ хлѣбъ, но останется Тѣломъ, и вкушающій безъ вѣры вкуситъ судъ. «Святого» и «священника» нельзя смѣшивать, но уже никогда нельзя противополагать. Нельзя противополагать «небо» и «день», но сочетаться эти понятія могутъ. Здѣсь нѣтъ элементовъ противоположенія. Священство, при грѣховности священника, но при вѣрѣ его въ даръ свой, или по вѣрѣ другого, можетъ быть большей реальностью святости, большимъ освященіемъ земли, чѣмъ неукорененная въ порядкѣ міра, т. е. не имѣющая дара освященія земли святость. До Суда, до «видѣнія», въ земной лишь атмосферѣ вѣры, въ коей мы всѣ живемъ, невозможно проводить окончательной границы между символической и реальной святостью. Священство же, имѣя въ себѣ реальную символику, конечно въ сознаніи православной вѣры является болѣе твердой и гносеологически ясной реальностью, чѣмъ святость.

Духъ нѣкотораго неразличенія явствененъ и въ полемикѣ Бердяева противъ «страха» вообще, какъ этическаго матеріала. Здѣсь авторъ является глазамъ читателя какъ бы захваченнымъ фантасмагорической стихіей, которую онъ самъ, столь творчески обличилъ въ своей же книгѣ. Категорія страха цѣликомъ дѣлается примѣнима къ нему же самому, ибо онъ высказываетъ страхъ предъ страхомъ (...такой же, какъ и передъ «личнымъ спасеніемъ»).

Въ томъ и тайна духовной этики, что не всякій страхъ противорѣчитъ любви. Благовѣніе любви — страхъ, но ангельскій, Божій. И потому онъ — «начало Премудрости» — по слову Премудраго. Не плотской, бѣсовскій, безблагодатный, но сыновній, духовный, который есть творческая атмосфера Благодати, по свидѣтельству всѣхъ тѣхъ, кои имѣли совершенную любовь. «Въ какомъ страхѣ и трепетѣ пребываютъ христіане?» спрашиваетъ преп. Макарій Египетскій, и отвѣчаетъ: «Чтобы не поползнуться въ чемъ-нибудь, но пребывать въ согласіи съ Благодатью» (Бесѣда 27).

Тотъ, который хотѣлъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ, котораго никакіе ангелы не могли отлучить отъ любви Христовой, онъ до конца дней стращился самого себя, сознавалъ, что течетъ измѣнчиво-творческимъ поприщемъ жизни и силу безстрашія полагалъ лишь въ живущемъ въ немъ Христѣ.

Противоположеніе «рабьяго страха» — «мистическому ужа-

су» нѣсколько искусственно. Оно цѣнно можетъ быть для дидактическихъ разсужденій. Но лучше не мѣнять духовной терминологіи, сложившейся тысячелѣтіями, въ словѣ Божьемъ укорененной, и все равно понятной лишь тому, кто самъ идетъ къ духу.

Отрывъ отъ своего же эсхатологическаго воспріятія реальности у Н. А. Бердяева и въ пониманіи «закона», какъ нормы. Бердяевъ титанически борется съ закономъ, какъ нормой. Но эта борьба аналогична борьбѣ съ Богомъ тѣхъ атеистовъ, которые не съ Живымъ Богомъ борятся (ибо они Его не знаютъ), но со своей фикціей о Богѣ И. Н. А. Бердяевъ борется со своей фикціей о Законѣ, съ своимъ закономъ о законѣ. Но «законъ» —понятіе гораздо болѣе духовное и эсхатологическое, чѣмъ то кажется чистому или практическому разуму. Законъ — Тайна Бытія, а совсѣмъ не «норма». Норма, это отраженіе — всегда слабое — закона. Законничество есть неповиновеніе закону, худшее, чѣмъ беззаконіе. Законничество, это лишеніе Закона Духа. И въ это законничество, только «съ другой стороны», впадаетъ всякій борящійся съ законничествомъ черезъ умаленіе духа и тайны Закона.

Законъ евангельскаго духа, законъ небесной жизни, конечно, цѣликомъ вложенъ былъ въ Ветхій Завѣтъ, только не раскрытъ, икономически. Не нарушить законъ пришелъ Господь... И намъ нельзя нарушать его, отождествляя съ нормой. Царство Божіе — Небесный Іерусалимъ — есть новое раскрытіе того же Единаго Творческаго Закона, который не имѣетъ иной нормы, кромѣ: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершененъ есть». Законъ — безконечная святость Бытія въ Богѣ, отъ котораго ни іота не можетъ отпасть.

Этотъ Божественный Законъ, трудно постигаемый мудростью, но лишь довѣріемъ любви къ Законодателю, соблазнительный для іудеевъ-законниковъ и являющійся безуміемъ для эллиновъ-мудрецовъ, — этотъ Законъ открылъ міру — какъ откровеніе Истины — тайну двухъ путей человѣческой свободы: широкаго и узкаго. Чрезъ все Евангеліе проходитъ эта недомыслимая тайна, постижимая лишь черезъ всесожигающую любовь къ Богу. Это Божье пророчество объ Истинѣ, Жизни и Смерти, о пшеницѣ и плевелахъ — есть такой же Крестъ, какъ все Евангеліе, и, помимо возвѣщенія реальности, служитъ мѣрою вѣры-довѣрія человѣка къ Богу и погубленія своего ветхаго добра,— того самаго недобраго добра, той самой мало-справедливой справедливости, на которыя праведно возсталъ Н. А. Бердяевъ, не дошедшій только до конца своей эсхатологической этики, обернувшійся назадъ, — взглянуть на свое горящее

старое философское отечество, и... остановившійся, въ созерцаніи оставленнаго.

Ветхій разумъ («кичащій», какъ мудро говорили свв. отцы) не пріемлетъ тайны, одной изъ самыхъ великихъ: тайны сыновняго свободнаго послушанія «угонзанія въ Сигоръ» (см. Великій Канонъ св. Андрея Критскаго), изъ горящихъ городовъ. Онъ не имѣетъ силъ (евангельской любви!) возненавидѣть «отца и мать»—свои ветхо-эти ческіякатегоріи: разстаться съ философіей своей «доброты», съ культурой своей «справедливости».

Признать ничтожество своихъ этическихъ оцѣнокъ или хотя бы понять ихъ относительность для надмірнаго Бытія, современному законническо-культурному сознанію человѣка столь же трудно, сколь древнему законническому сознанію іудеевъ был оп принять своимъ Богомъ — Страдающаго на Крестѣ Человѣка, лишеннаго общественно-принятой этической нормы. То былъ соблазнъ, и это есть соблазнъ ложной культуры, — не сыновней, не знающей Отца.

«Соблазнъ адомъ» есть соблазнъ ветхой этики, той «доброй» этики, которую творчески образумилъ Н. А. Бердяевъ, но изъ которой онъ самъ до конца не выщелъ *). Какъ на рубежѣ ветхой и новой эры человѣчества — двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ — человѣкъ - законникъ хотѣлъ ограничить Бога нормой высоты и отдаленности отъ земли, такъ и теперь человѣкъ, соблазненный закономъ ложной культуры, хочетъ ограничить Бога нормой этики своего меонически-нравственнаго масштаба.

Невозможно принять того, что адъ есть «проблема». Это данность, если и испытуемая, то только какъ данность. Данность эта аналогична данности безсѣменнаго зачатія.

Адъ есть дѣйствительность, дѣйствительность антропо-демонологическая — безусловно восходящая по ту сторону антропологической этики... Реальность «дѣтей діавола» (Іоан. 8, 44), творящихъ похоти «отца своего» и «ничего» (!) (Іоан. 14, 30) не имѣющихъ во Христѣ, изображена въ Евангеліи образомъ плевеловъ, всъваемыхъ врагомъ въ пшеницу, невидимыхъ въ періодъ роста всходовъ (исторія культуры), и только послѣ какого то времени замѣчаемыхъ... Все это безмѣрно углубляетъ (и упрощаетъ!) вопросъ, дѣлая его во всякомъ случаѣ непосильнымъ для той методологіи, которой придерживается философія Бердяева, въ этомъ пунктѣ особенно теряющая соль своей эсхатологичности.

---

*) Несмотря на прекрасныя свои слова: «Суда надъ Богомъ быть не можетъ, ибо Онъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей, съ точки зрѣнія которыхъ происходитъ судъ». (стр. 48) .... Вотъ здѣсь — зарожденіе той сыновней этики, о которой говорили мы.

Христіанинъ - философъ призывающій общество къ послѣдней правдивости, долженъ самъ выдержать испытаніе эсхатологическаго мужества и правдивости, своей любви къ Богу, какъ своего безграничнаго благоговѣйнаго довѣрія къ данному Слову, Его всецѣло потусторонней справедливости, столь же возвышающейся надъ нашей этической атмосферой, сколь небо надъ нашими крыщами.

Иначе, безъ «погубленія души своей», своего мятущагося разума въ небѣ Евангелія (радостномъ, свѣтломъ конечно погубленіи сыновнемъ!) трудно почти невозможно выходить на проповѣдь въ мірѣ подлинно новыхъ, подлинно правдивыхъ словъ христіанской этики.

Христіанство обезсолилось совсѣмъ не только потому, что много лицемѣровъ числится въ немъ, но главнымъ образомъ потому, что обличающіе лицемѣріе сами не до конца доводятъ ни свое бѣгство изъ ветхаго, уничтожаемаго Богомъ міра чувствъ и помышленій, ни свою огненную любовь къ Живому Отцу, ту любовь, которую свелъ на землю Сынъ Человѣческій, и — какъ томился, пока она возгорится (Лук. 12, 49). Священники, учители, философы христіанства, судъ надъ которыми во много разъ острѣе — не до конца доводятъ свою возможную въ мірѣ преданность Богу: распинаютъ міръ себѣ, но не распинаютъ себя міру.

Н. А. Бердяевъ несомнѣнно оказываетъ услугу философіи, что въ ущербъ своей чистотѣ устремленія къ духу, гносеологически почти не отрывается отъ не-христіанской философской культуры, въ которой благовѣствуетъ христіанскій эсхатологизмъ этики. Эта его заслуга, это культурное дерзновеніе, конечно хотѣлось бы видѣть внѣ всѣхъ пробѣловъ, всѣхъ несвершеній его «методологіи духа».

Невозможно не испытать этическаго удовлетворенія отъ философскаго умерщвленія не-эсхатологической этики Канта, къ сожалѣнію умерщвленной не до конца.

Безотносительное «творчество» уже оправдываетъ книгу тѣмъ, что она написана... Творчество же Духа Истины ее оправдываетъ тѣмъ, что она предполагаетъ свое развитіе (и — если надо — свое уничтоженіе).

Самое цѣнное въ книгѣ Бердяева — этическая печаль о несовершенствѣ добра и добрыхъ. Это ощущеніе безмѣрныхъ совершенствъ Отца Небеснаго и подчиненіе Его заповѣди о пріятіи этихъ совершенствъ, какъ «нормы» этическаго закона.

Не-христіанскіе философы «ищутъ». Христіанскіе — «доискиваются». Философія Бердяева есть эта цѣнная христіанская доискивающаяся философія... Могущая доискаться до самоотрицанія, во имя высоты своихъ исканій.

«Человѣкъ есть существо недовольное самимъ собою, способное себя перерастать» (стр. 51), говоритъ Бердяевъ.

Если до этого послѣдняго, дѣйствительно, можетъ доискаться свобода ветхаго человѣка, то это — признакъ ея вѣры въ правдивость словъ: «собою же не похвалюсь, развѣ только немощами моими»... словъ перваго философа свободнаго духа — болѣе святого, чѣмъ творца.

Іеромонахъ Іоаннъ
(Шаховской)

Сергіево Подворье.

КРЕЩЕНІЕ ЗНАНІЯ *)

«И сказали жители того города Елисею: вотъ положеніе этого города хорошо, какъ видитъ господинъ мой, но вода не хороша и земля гибельна. И сказалъ онъ: дайте мнѣ новую чашу и положите туда соли. И дали ему. И вышелъ онъ къ истоку воды и бросилъ туда соли и сказалъ: такъ говоритъ Господь: исцѣляю воду эту, не будетъ отъ нея впредь ни смерти ни гибели.

4. Царствъ, 2, 19-21.

«Въ какой мѣрѣ тѣло освобождается отъ вещественныхъ узъ, въ такой освобождается и умъ. И въ какой мѣрѣ умъ освобождается отъ узъ попеченій, въ такой просвѣтляется онъ; а въ какой просвѣтляется, въ такой же утончается и возвышается надъ понятіями вѣка сего, носящаго на себѣ образы дебелости. И тогда умъ научается созерцать въ Богѣ сообразно Ему, а не какъ видимъ мы. Если человѣкъ не сдѣлается сперва достойнымъ откровенія, то не можетъ видѣть его.И если не достигнетъ чистоты, понятія его не могутъ стать просвѣтленными, чтобы видѣть ему сокровенное. И пока не освободится отъ всего видимаго, усматриваемаго въ видимой твари, не освободится и отъ понятій о видимомъ, и не сдѣлается чистымъ отъ потемненныхъ помысловъ. А гдѣ тьма и спутанность помысловъ, тамъ и страсти. Если человѣкъ не освободится какъ сказали мы отъ сего и отъ причинъ къ тому, то умъ не прозритъ въ сокровенное».

Преп. Исаакъ Сиринъ, Сл. 39.

I.

Земныя человѣческія понятія, на которыхъ необходимо лежитъ печать первороднаго грѣха,

*) Давая мѣсто разнымъ теченіямъ христіанской мысли, редакція печатаетъ статью Іеромонаха Іоанна Шаховского, хотя съ основной тенденціей ея, аскетически враждебной философіи, наукѣ и культурѣ, не согласна. *Редакція.*

"Путь" июль 1933, № 39.

по существу своему *не просты*. Они сложны. И въ этой необходимой сложности всѣхъ вводимыхъ въ міръ понятій человѣка раскрывается все несовершенство ветхой философіи, *какъ науки*. Основа научности: знаніе точныхъ законовъ міра и причастіе къ этой точности — отсутствуетъ въ томъ мысленно-застроенномъ пространствѣ, которое тяготѣетъ къ названію «научная философія».

Подлинно-научное любомудріе въ мірѣ одно: откровеніе плана вѣчнаго спасенія человѣчества, премірные законы Духа, лежащіе въ основѣ всѣхъ законовъ видимой и невидимой природы: гносеологическій эзотеризмъ библейскаго откровенія. Лишь тамъ открыта подлинная наука о духѣ и о плоти, слышно біеніе чистой мысли, видны непреложные законы, по которымъ существуетъ человѣкъ и міръ, въ феноменально четкомъ уясненіи конечныхъ причинъ міра и человѣка.

Гносеологія же принимаемой во внѣшнюю философію христіанской философіи часто находится въ пространствѣ чистой относительности, въ сферѣ Духомъ непреображеннаго космоса. Оторванная отъ своихъ истоковъ, но уже тронутая христіанскими надеждами мысль человѣка дѣлаетъ попытку возстановить свое единеніе съ Истиной Божіей — *во внѣшнемъ* («програмномъ»), а *не въ органическомъ оцерковленіи разума*.

2.

Міръ ветхихъ философскихъ концептовъ — больной міръ. Болѣзнь его выявляется въ теологической безцвѣтности мысли, и въ системѣ безсодержательныхъ ея усложненій.

Но сложность концептовъ — слѣдствіе болѣзни, а не причина ея, и потому, конечно, всякому желающему оттолкнуться отъ «душевнаго» знанія человѣку можно пребывать, жить и ды-

шать въ этой спеціальной сложности концептовъ, не заражаясь тою духовною болѣзнью, которая ихъ вызвала.

Даже иногда эта сложность болѣе способна явить мысль Духа, чѣмъ *внѣшне выраженная* простота. Это вопросъ жизненной практики. Когда надо проповѣдывать въ Китаѣ, особенную цѣнность представляетъ китайскій языкъ, никакого духовнаго отношенія къ проповѣди не имѣющій. Здѣсь разрѣшеніе всей формальной стороны участія философскихъ знаковъ ветхой культуры въ строительствѣ новой жизни. Въ жизненномъ сотрудничествѣ съ людьми усложненными, обремененными, и даже больными своей мнимой высотой познанія Реальностей, человѣкъ не можетъ этимъ людямъ (а часто и *самому себѣ*) о простотѣ говорить просто. Раз-сложнить душу, «родить ее въ простоту» это — особый даръ *внутренняго стоянія въ благодати*. И потому будетъ совсѣмъ не разсудительной упрощенная критика той «христіанской философіи», которая образуется въ атмосферѣ ветхой философіи міра сего, и неистинны будутъ всѣ внѣшнія нападки даже на самую ѳалесовско-бергсоновскую ветхую философію, нерѣдко честно поѣдающую крошки, падающія со стола истинъ Богооткровенія.

3.

Но, конечно, состояніе безблагодатной человѣческой мысли въ мірѣ, какъ меркантильной, такъ и философской (какими бы эмоціями эта мысль ни сопровождалась), есть состояніе блуда. Блужданія. «Похоть очей, похоть плоти и гордость житейская» — адэкватное опредѣленіе прѣсной, холостой человѣческой мысли, пѣнно разливающейся въ мірѣ.

Всякая человѣческая мысль, какъ и всякій

человѣкъ въ мірѣ, есть блудница, *нѣчто блуждающее внѣ Бога.* Человѣкъ даже въ раю благодати заблудился: «Адамъ, гдѣ ты?»... «Нагъ я и скрылся» — отвѣчаетъ человѣкъ. Вотъ — состояніе ветхой человѣческой культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но всякая человѣческая мысль, какъ и всякій человѣкъ можетъ пріобщиться Евангелію, стать *евангельской блудницей.* Это и есть *спасеніе міра.* Ибо только искрѣ евангельской, высѣченной изъ человѣка, дано воспламенить міръ.

4.

Мысль, какъ и все въ мірѣ, подлежитъ воскресенію, возведенію въ Царство Божіе. Въ порядкѣ земного бытія, воскресеніе есть умираніе во Христѣ для новой жизни.

Царство Божіе должно зародиться внутри мысли, какъ оно зарождается внутри человѣка. Не переодѣться въ христіанство должна мысль, но облечься во Христа. То, что истинно крестилось во Христа, въ Него и облеклось. Пойти новымъ порядкомъ, задышать новымъ воздухомъ должна мысль. Какъ и слово, познаніе должно быть «съ солію» — съ невидимымъ, но осіявающимъ присутствіемъ Благодати. Слово же «съ солію» есть, конечно, телеологически, «нездѣшнее» слово.

5.

Мысль христіанская не связана никакими формами. Священномученикъ Петръ Дамаскинъ такъ обосновываетъ оцерковленіе всѣхъ формъ человѣческой мысли: «... если бы всѣ писали просто, то никто изъ высокихъ (ученыхъ) не получалъ бы пользы, и считалъ бы написанное по простотѣ слова за ничто; но также и изъ простыхъ никто не получилъ бы пользы, если бы всѣ писали высо-

ко, потому что не понимали бы силы сказаннаго. Кто дѣйствительно вкусилъ вѣдѣнія Писаній, тотъ знаетъ, что сила и простѣйшаго изреченія Писанія, и наиболѣе премудраго одна и та же и *направлена къ тому, чтобы спасти человѣка* (курсивъ нашъ I. I.), а непричастный этого вѣдѣнія часто соблазняется, не зная того, что обученіе земной мудрости много помогаетъ, если оно дѣлается колесницею для премудрости Свыше». (Слово 23).

На периферіи общечеловѣческой непреображенной жизни естественна сложность и даже несомнѣнна неразрѣшимость сложности понятій. По существу, напримѣръ, неантиномиченъ концептъ *самаго понятія* «антиноміи», и всѣ предѣльныя философскія понятія — до единаго — разлагаются на спектры тонкихъ духовныхъ *неутоленныхъ движеній мысли*, жаждущихъ все новой устремленности въ истину.... Это — порочный кругъ ветхаго знанія.

6.

Ветхій философско-научный «гносеологизмъ», изображенный *со стороны*, представитъ какъ бы такой видъ: течетъ ручей; человѣкъ знаетъ, гдѣ онъ начинается (родникъ), и гдѣ кончается (рѣчка). Можно измѣрить длину ручья, можно составить точную описательную карту изгибовъ его и дать топографически исчерпывающую характеристику его. Но исчерпывается ли знаніе ручья этими знаніями? Вѣдь это будетъ знаніе не ручья, а видимаго, *открытаго намъ* отрѣзка его (и то — знаніе несовершенное). Пусть отрѣзокъ цѣленъ, но онъ никогда не перестанетъ быть «отрѣзкомъ», даже тогда, когда его «для научнаго удобства» будутъ считать «ручьемъ». Ручей есть ручей. Гдѣ онъ начинается — неизвѣстно, гдѣ кончается — никто не вѣдаетъ. Извѣстны лишь частности:

вкусъ воды въ этомъ отрѣзкѣ, прозрачность ея и т. д. Мысль человѣческая доходитъ до нѣкоей водной широты, гдѣ кончается видъ ручья. *Но вѣдь вода-то живая* (мысль человѣческая)! Она течетъ дальше уже не ручьемъ, но какимъ то инымъ воднымъ пространствомъ, можетъ быть — *болѣе совершеннымъ*. Какая-то здѣсь иная нисходитъ философія, раскрывается въ опытѣ жизни-смерти, и самая дѣйствительность существованія ея есть что-то уничтожающее для удобно-условной ветхой философіи, серьезно облекающейся въ недѣйствительную броню экспериментальности, логическихъ скрѣпъ, и ни на чемъ не утвержденнаго вдохновенія. На огромномъ покрытомъ чудною растительностью мірѣ, падшій съ высотъ своей солнцеподобной высоты разумъ человѣческій вычистилъ, сотворилъ маленькую игральную площадку, гдѣ играется культурная игра. Чтобы ничто не соскакивало съ площадки, она обнесена сѣточкой общеобязательныхъ аксіомъ и правилъ. И кто уходитъ — въ Богѣ Воплощенномъ — съ этой площадки въ лѣсную гармоническую пустыню творенія Слова — тотъ выходитъ изъ философской игры... «Мы не играемъ съ нимъ» — говорятъ философы св. Апостолу Павлу.

7.

Философы: внѣшнее единство игры, внутренній разладъ духа и познанія. Св. Отцы: внѣшняя раздѣленность времени, пространства, характера, культуры; внутреннее единство духа и познанія.

Нѣтъ въ философской культурѣ единства вѣры, оттого отсутствуетъ единство познанія. И ничего не остается философамъ дѣлать, какъ радоваться этому. Радость какъ бы вторичная: отсутствіе единства — говорятъ — должно помочь неустанному горѣнію мысли человѣчества въ *дра-*

гоцѣнныхъ поискахъ единства»... Оцѣнка этого въ седьмомъ стихѣ, третьей главы, 2-го посланія къ Тимофею, о «всегда учащихся и никогда не могущихъ дойти до познанія истины».

«Внѣшнихъ судитъ Богъ....» Но къ чему христіанская мысль совсѣмъ не можетъ быть равнодушной, это къ затменію и къ перелицовкѣ ея *основныхъ цѣнностей догматическаго мышленія*. Жизненно-трудный вопросъ встаетъ здѣсь предъ христіанскою благовѣстническою работою въ мірѣ. Вопросъ этотъ есть *оцерковленіе мысли*, но не внѣшнее «апологетическое» оцерковленіе, а существенное, цѣлостное.

8.

Какой-же практическій по-земному (и благовѣстническій — по небесному) долженъ слѣдовать выводъ изъ объявляемаго непріятія яствъ и питій ветхой человѣческой мысли?

Тотъ же, на который благовѣстники вселенной указываютъ: путь сердечнаго пріятія ясныхъ заповѣдей — чувствъ «нелюбви къ міру» («міръ» — въ евангельской гносеологіи), «непріятія міра», «храненія себя неоскверненнымъ отъ (гносеологіи) міра». Нельзя соединять душу съ тѣмъ, *что противостоитъ Христу*. Заповѣдь *цѣлостнаго* противленія страстямъ міра дана Творцомъ не пустынникамъ, не монахамъ, а всѣмъ послѣдователямъ Воплощеннаго Слова, и преображеніе ветхаго человѣка немыслимо безъ соблюденія этой разсѣкающей человѣка «до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, помышленій и намѣреній сердечныхъ» (Евр. 4, 12) заповѣди.

9.

Нѣкоторые могутъ сказать: Нужно *преображать* міръ... платоновскій, аристотелевскій, кан-

тіанскій міры... Не объ этомъ ли только что говорилось, не это ли: «китайскій языкъ для китайцевъ»? Все должно вести ко Христу!.. Но возраженія эти будутъ какъ разъ изъ той философско-исторической области, которую надо покинуть. «Преображать міръ».... Господь этого не заповѣдуетъ, это уже *дѣяніе славы Божьей*. Господь велитъ человѣку преображать лишь самого себя, да и то не своими силами, а стяжаніемъ Духа, *въ усиліи самоотвергающагося ветхаго естества*. Истинная любовь къ человѣку и міру открывается только въ соблюденіи этого. Міръ преобразится чрезъ подвигъ внутренняго человѣка и, значитъ, также *черезъ крестъ его мысли*.

10.

Какъ преувеличена въ сознаніи нѣкоторыхъ познавательная опасность быть «внѣ теченія жизни». Какъ уничижаютъ христіане Христово Имя! «Христіанская философія» держитъ себя по отношенію къ «философіи какъ наукѣ» подобно тому, какъ эта «философія какъ наука» держитъ себя по отношенію къ «наукѣ». Философія хочетъ стать «наукой», «христіанская философія» хочетъ стать «философіей». Происходитъ процессъ обратный тому, который долженъ былъ бы происходить въ вѣрномъ Богу мірѣ культуры: истинная наука должна была бы стремиться къ философіи, философія — ко Христу. Тогда, дѣйствительно, можно было бы бояться соблазнить культуру философовъ. Но нынѣ... при господствующемъ въ философіи началѣ подсознательнаго атеизма (исканіе Двери, которая открыта), боязнь «юродствомъ» проповѣди нарушить линію общепринято-заблуждающейся человѣческой мысли, — серьезный и тягостный симптомъ.

11.

Въ чемъ же можетъ выражаться и проявляться *христіанская* мысль? Кромѣ слова — въ писаніяхъ и дѣяніяхъ. Но въ писаніяхъ, не подтверждающихъ систему догматическаго неблагодатнаго человѣческаго мышленія, но упраздняющихъ ее. Великіе Отцы и Учители Церкви знали философію, какъ мы знаемъ марксизмъ. Но они не были философами, какъ мы не марксисты. Изученіе, знаніе — для личнаго и церковно-культурнаго отверженія. Разумѣемъ, конечно, не дѣтское отверженіе сложности, но мужнее отверженіе безблагодатности. До какой-то степени *философія Имени Христова должна быть всегда юродствомъ для погибающихъ* (и — также по апостолу — запахомъ живительнымъ для однихъ философовъ и смертоноснымъ для другихъ), и если она перестаетъ быть таковой, то погибающихъ она не спасаетъ, но себя губитъ. Если что можетъ спасти погибающаго, то это только благодать — чрезъ подвигъ слова. Никакимъ «хожденіемъ въ народъ» философовъ и ученыхъ нельзя спасти и преобразить человѣческую мысль.

Христіанской философіей можно назвать только то писаніе, авторъ котораго остро ощущаетъ «міръ сей», преходящій, и постнически преодолѣваетъ его. Философія, какъ иконопись, требуетъ поста, поста — отъ міра, поста формъ и словъ, возможную для творца безстрастность, т. е. именно *свободу* отъ міра, отъ его неблагодатной склеенной гносеологичности, отъ его похоти мысли и слова.

12.

Христіанская философія есть *служанка богословія*, въ самомъ чистомъ и прямомъ смыслѣ этого свѣтлаго выраженія. До чего силенъ гип-

нозъ «философіи, какъ науки» можно провѣрить хотя бы на фактѣ, что христіанскіе философы ветхой философской культуры еще не перестали стыдиться Христова богословія предъ давно уже мертвой тѣнью фейербаховскаго атеизма. Это очень характерно для общей установки современной научной философіи: бояться болѣе мертваго Фейербаха, чѣмъ Живого Бога!

Христіанская философія есть Христословіе, слово помазанное — елеемъ Духа, вопіющаго въ сердцѣ: «авва, отче!» Христіанская философія — дочь «Ума Христова» (I Кор. 2, 16) въ человѣкѣ, дочь вѣрная, не оскверняющаяся. Она — *живая рѣчь Церкви* — Богохранимое Преданіе жизни духа. Она живетъ не оцерковленіемъ міра, но оцерковленіемъ души ищущей, рождаясь чрезъ человѣка, всегда немощнаго. Она есть всегдашнее харизматическое благовѣствованіе, которое не можетъ въ Церкви прекратиться, пока не упразднится знаніе (I Кор. 13, 8). Апостолъ *призываетъ* вѣрою *ревновать о пророчествѣ*. Вплоть до нашего времени, даже въ христіанскомъ обществѣ, «пророкъ» понимается романтическо-язычески, и мысль о немъ связана съ какимъ-то ореоломъ и возношеніемъ. По существу же, всякій, исповѣдующій Іисуса Христа Богомъ, пришедшимъ во плоти, есть пророкъ, и пророкъ истинный, ибо вѣрою исповѣдать Іисуса Христа Богомъ можно только въ Духѣ Святомъ, по слову Апостола. «Свидѣтельство Іисусово есть духъ пророчества» говоритъ Откровеніе (19, 10).

Духъ Святой — таковъ же сейчасъ, какъ и былъ всегда — Всеисполняющій. *Всякій* христіанинъ, ревнующій живою ревностью о своей Благодати Крещенія, есть харизматикъ въ той или иной степени, и только дружба христіанъ съ міромъ, которая есть вражда противъ Бога, лишаетъ ихъ цвѣтенія вѣры и появленія обѣтованныхъ плодовъ ея.

13.

Нынѣ, какъ и всегда, — время творчества. Творчества, разумѣемъ не человѣческаго, а Благодати, въ стяжаніи коей — все творчество человѣческое. Сквозь прекрасное лицо міра сего, все болѣе и болѣе, проглядываетъ черепъ смѣющагося безумнаго человѣческаго противленія Богу. Когда міръ обличается, онъ обличается — весь и, очевидно, что нельзя отвергать его и сознательно потомъ пользоваться имъ, цѣнностями его тонкой похоти. Такое состояніе — не крестное. Это не крестоношеніе, а, въ высшемъ случаѣ, хожденіе около крестовъ — Господня и своего. Господень крестъ огонь свелъ съ неба, чтобы загорѣлась земля. Господне Слово осолило міръ, но міръ прѣснится. Господь благословилъ въ людяхъ Свое Слово и Свою Жизнь; Оно должно въ мірѣ — черезъ учениковъ — размножаться, какъ хлѣбъ, и проникать до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ.

14.

Въ ветхой философіи не существуетъ проблемы *силы* слова. Это очень важная проблема церковной гносеологіи.

Кратко, она можетъ выразиться въ слѣдующемъ: гордый и невѣрующій скептикъ-генералъ, мимоходомъ, изъ любопытства, переступаетъ порогъ келіи старца Серафима Саровскаго. Какія слова говорятся въ келіи — никто не знаетъ, но — черезъ очень короткій промежутокъ времени всѣ видятъ выходящаго изъ келіи, слезно и покаянно рыдающаго генерала... Что было сказано — вопросъ менѣе важный, чѣмъ — какъ? Какъ разсѣкло генерала слово старца?...

Вотъ это разсѣченіе, вотъ эта сила и есть то, чего нѣтъ въ ветхой философіи, «какъ наукѣ».

Тайна д а р а .... Понятіе о дарѣ очень распространено въ мірѣ, но прилагается сообразно всей философіи ветхаго міра лишь ко внѣшней смертной сущности человѣка: даръ слова — красота слова, умѣнье рѣчи... (по «этой» оцѣнкѣ у Моисея не было дара слова, онъ гугнивъ былъ). Не таково *харизматическое* понятіе о дарѣ, это понятіе уже не отъ міра, — но отъ Отца (по нему Моисей былъ, конечно, величайшимъ обладателемъ словеснаго дара).

Даръ есть сила Благодати въ Домостроительствѣ спасенія. *Даръ есть власть.* Образъ этой власти показанъ въ Откровеніи: *изъ Устъ исходитъ мечъ.*

Познаніе Истины есть низведеніе дара Божьяго въ міръ.

«... Онъ училъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники...» «Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова, *а не философовъ и мудрецовъ*... Огонь, огонь, огонь...» носитъ Паскаль на клочкѣ бумаги *у своего сердца.*

Всякій философъ, писатель, неимѣющій Христовой Благодати — дара Духа тайнаго — учитъ, пишетъ именно какъ «книжникъ», а не какъ «власть имѣющій». Не обновляется жизнь ни отъ звѣзднаго неба, ни отъ нравственнаго закона въ человѣкѣ, если это небо и этотъ законъ указаны безвластнымъ перстомъ Канта.

16.

Море воды можетъ образовать озеро и тысячи прудовъ, но оно никогда не создастъ и малѣйшей искры. Слово міра сего такъ же подобно водѣ, какъ слово Благодати — огню. Ни то, ни другое не зависитъ, конечно, ни отъ учености, ни отъ невѣжества, ни отъ старости, ни отъ младости. Огонь — Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ.... и незнаніе зако-

новъ прихода Духа сопутствуетъ всякому рожденію отъ Него. Все, что создаетъ вѣчный градъ Божій, созидаетъ Духомъ и властью, все это огнеобразно и безвидно, — не заключено ни въ какой опредѣленной условленной ни формулѣ, ни формѣ. «Гдѣ Духъ Господень, тамъ Свобода».

Творческій Духъ, кровь Церкви бѣжитъ по всему Ея организму и оживляетъ омертвѣвшее, напояетъ живущее, проходя мимо окаменѣлаго и отсѣченнаго. Душа, не пріявшая Духа, не имѣетъ власти даже жить, не только распространять свою жизнь, раздавать то, чего нѣтъ.

17.

Схоластицизмъ и Гностицизмъ — двѣ опасности нынѣшняго богословскаго церковнаго дѣланія, должны преодолѣваться въ Православномъ Христовомъ Богословіи, какъ пути Слова Божія въ мірѣ, какъ юдаизмъ и язычество непреодолѣнные. И то и другое отводитъ отъ жизни. Одно — въ соблазнъ раціонализма, другое — въ его безуміе.

Богословіе — живое пророчество Церкви должно быть такъ крѣпко связано съ полнотой жизни, какъ оказалось съ этой полнотой связано слово тайное преподобнаго Серафима, разсѣкшее генерала до раздѣленія составовъ и мозговъ. Вотъ это — подлинное Богословіе Церкви. Если богословской страницей можно устрашить и изгнать нечистаго духа, это есть признакъ дѣйствія подлиннаго православнаго Богословія, не «спутанность помысловъ» наводящаго, но цѣлящаго душу.

Церковный догматъ есть выраженіе возсозданія твари Божіей и знаменуетъ собою величайшее — не схоластичный и не гностичный богословскій фактъ, лежащій истокомъ всей христіанской культуры. Догматъ Церкви есть душа души,

цвѣтъ жизни, око всего строя православнаго христіанскаго жизнепониманія. Раскрытіе Догмата схоластическимъ учебникомъ, равно какъ и философско-гностическимъ трактатомъ, есть уходъ отъ подлинно-церковнаго святоотеческаго богословствованія, преодолѣвшаго этотъ двойной соблазнъ.

Два ложныхъ крыла, живущихъ на Тѣлѣ церковномъ, являютъ нѣкую симметрію взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга искушеній разума. Бодрствуя посреди этихъ двухъ опасностей, духъ подлиннаго богословскаго опыта Церкви укрѣпляется нынѣ въ высотѣ своими подлинными крыльями: *мученичествомъ* и *жизненной свободой отъ міра*, свободой внутренней и внѣшней по святоотеческому толкованію апостольскихъ словъ о распятіи *міра* и *міру*.

Гдѣ же упоръ нашего познанія? Неудовлетворенные высшими познавательными процессами культурно-внѣцерковнаго опыта мы видимъ истину церковно-догматическаго познанія и познаемъ его выраженіе *въ творческомъ гимно-логическомъ или «гимническомъ» откровеніи*.

Это познаніе не есть человѣческое творчество, но оно совершается чрезъ человѣческое творчество *приближенія къ Богу любовію — всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумомъ, всею крѣпостію*.

Гимно-логическое откровеніе есть Слово — пѣснь свободно изливающаяся изъ сущности человѣческой любви къ Творцу.

Духъ Святый вопіетъ въ сердцѣ «Авва Отче!» и изъ чрева этого краткаго слова «авва» истекаютъ рѣки живой мысли. Эта пѣснь не всегда поется или слагается размѣромъ или требуетъ мелодій земныхъ пѣсенъ.

Нѣтъ, гимническое познаваніе есть *благовѣствованіе славы Божіей*. Рождаясь чрезъ человѣка всегда немощного, гимническое познаваніе всю славу имѣетъ какъ псаломская Дщерь Царева

(Пс. 44) — «внутрь». Оно есть сердце всякаго истиннаго познанія на землѣ и на небѣ. Безъ его біенія нѣтъ жизни.

19.

Славя — познаемъ. Соединяя все подъ началомъ Отца Бытія воздаемъ *Божіе Богу*, въ то время какъ принимая ту или иную человѣческую языковую форму для своего гимническаго познанія воздаемъ *Кесарево Кесарю*, соблюдая и въ познаніи вѣчный Законъ Слова.

Вся тварь прославляетъ Бога своимъ познаніемъ, своимъ языкомъ. Языкъ, сознаніе и дыханіе твари суть гимническіе. Паденіе познанія твари есть языкъ мученія и стенанія (въ ожиданіи освобожденія Рим. 8, 21).

Подлинное Царствіе Божіе, грядущее въ силѣ своей, уже раскрывается во всей природѣ чрезъ *гимническое сознаніе твари* — пѣснь освобожденія грядущаго. Въ центрѣ этого сознанія долженъ стать царственный человѣкъ.

Іеромонахъ Іоаннъ (Шаховской).

VII

“БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВЬ”

Из материалов однодневной газеты
(1931. №1 Югославия, №2 Франция)

Номеръ посвященъ памяти соловецкаго узника, блаженно почившаго въ заточенiи за Христа, Архiепископа Иларiона Крутицкаго.

БОРЬБА ЗА

№ 1

Однодневная газета борьбы за

Адресъ редакцiи: IEROMONAH IOANN. BELA CRKVA. JUGOSLAVIA.

Органическая клѣтка Русской Культуры.

Среди совершающейся и свершившейся гибели очень многихъ общественныхъ цѣнностей русскаго народа, мы, оттолкнутые въ изгнанiе, ищемъ какую то непререкаемую, не погибшую цѣнность какую то точку опоры для союза душъ, точку, вокругъ которой могли бы объединиться люди въ самомъ основномъ единомыслiи и любви. Мы ищемъ тотъ уцѣлѣвшiй островокъ среди затопившаго русскую землю океана, гдѣ бы мы могли отдохнуть и начать строить свою новую историческую жизнь.

Въ русскомъ народѣ живетъ одна непрекаемая цѣнность этого вѣчнаго культурнаго строительства, цѣнность не кричащая, цѣнность никогда не выдвигавшаяся на первое мѣсто, но въ смиренiи своемъ дѣлавшая великое дѣло освященiя всѣхъ русскихъ людей, которые не оскорбляли ее. Эта цѣнность не отвлеченная, — она составляетъ сейчасъ опору лучшихъ людей Россiи. Цѣнность эта — первая встрѣчаетъ человѣка на землѣ, слѣдуетъ за нимъ по всей его жизни и провожаетъ его съ земли — послѣдней. Она называется: *приходомъ*.

Приходъ — Община — Братство — Общество — самая мудрая, самая смиренная, самая святая организацiя культуры. Каждая нацiональная культура наполняетъ ее своимъ содержанiемъ, и такъ должна создаваться единотипная вселенская организацiя дѣйствующей христiанской культуры, которая должна быть мощнымъ и творческимъ противупоставленiемъ мiровымъ коллективамъ коммунизма, ложамъ масонства и всѣмъ многочисленнымъ объединенiямъ атеистическаго человѣчества.

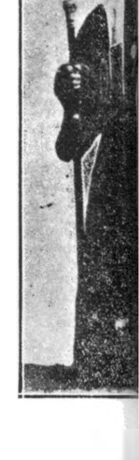
Приходская кооперацiонная, школьная, трудовая и просвѣтительная работа есть лучшее развитiе здоровой и свѣтлой личности. *Приходъ* — какiе вѣчно-новые благодатные мѣхи. Они не бываютъ виноваты если люди льютъ въ нихъ свое житейское

Первосвятитель Православной Сербской Церкви
ПАТРIАРХЪ ВАРНАВА

„...Есть ли Богъ съ христiанскими народами, которые сейчасъ въ славѣ своего земного благополучiя хладнокровно и безчувственно созерцаютъ гоненiя Христовой Церкви въ Россiи?..“

(изъ послѣдняго рождественскаго патрiаршаго посланiя).

Отвѣты бу
а) имѣющихся в
ковно-активн
б) степени и хар
в) возможностей
ренiя борьбы
индиферентив

Исповѣдничество слав

(Памяти современныхъ священномучени

Аллилуi
Богъ Все

Крестная Чаша славы Сына Божьяго наполняется до краевъ. Наступаетъ время сл... словiя

дѣйствующей, а н
казывающей вѣры
Рушатся

ЦЕРКОВЬ

Московскіе Патріархи.

1. Іовъ 1589-1605.
   Игнатій (Грекъ) лже-патріархъ 1605-1606
2. Гермогенъ 1606-1612.
3. Филаретъ Никитичъ Романовъ 1619-1633
4. Іоасафъ 1634-1641
5. Іосифъ I 1642-1652.
6. Никонъ 1652-1666.
7. Іосифъ II 1667-1672.
8. Питиримъ 1662-1672.
9. Іакимъ 1673-1690.
10. Адріанъ 1690-1700
    Стефанъ Яворскій, блюс. п. пр. 1700-1720.
11. Тихонъ 1918-1925.

...усское Духовное Возстановленіе **1931 г.**

Цѣна номера	Въ Югославіи 3 дин.	Во Франціи 2 фр.	Въ Америкѣ 10 цент.
	Въ Болгаріи 7 лев.	Въ Германіи 40 пф.	Въ Польшѣ 50 грош.
	Въ Чехословакіи 2 кр.	Въ Англіи 6 пенс.	Въ Латвіи 0,30 лат.

Анкета: Въ чемъ наше послушаніе православію?

2 вопроса

1. **Что дѣлаетъ Русская Эмиграція въ дѣлѣ религіознаго воспитанія молодежи?**
2. **Какова активность Зарубежной Россіи въ дѣлѣ борьбы съ безбожіемъ и религіознымъ индиферентизмомъ?**

Редакція „Борьбы за Церковь"

проситъ: о. о. Настоятелей зарубежныхъ приходовъ и обителей, Церковныя книгоиздательства, Редакціи журналовъ, Приходскіе просвѣтительные отдѣлы, Православныя Братства, Русскія зарубежныя школы, педагогическія бюро, Студенческіе и національные Союзы молодежи, Воинскія объединенія, Культурно-просвѣтительныя зарубеж. общества, и единичныхъ дѣятелей Церкви: пастырей и мірянъ—

отвѣтить на поставленные вопросы анкеты.

...имѣть большое значеніе для выясненія ...наличности организаціонныхъ цер... силъ Зарубежья, ...тера ихъ активности, ...зи на почвѣ развитія и расши... ...ротивъ безбожія и религіознаго

Прежде всего, мы, священнослужители отвѣтственны за дѣло порученное намъ. Но и всякій православный, живущій своей вѣрой призывается исповѣдать ее, въ данномъ ему служеніи.

Напряженное время переживается сейчасъ. Необходимо сосредоточеніе всѣхъ силъ Христовой Церкви, въ борьбѣ за поруганное въ мірѣ Имя Господне.

...словія

...ъ)

...оцарился Господь ...ель.

Откр. 19, 6.

...ствующей и до-

...

Изъ бесѣды епископа Николая Охридскаго въ Бѣлградской Соборной церкви.

„Никого на свѣтѣ нѣтъ бѣднѣе человѣка безъ Бога. Объ этомъ имѣется дивная сказка, которую мы слышали во время нашего паломничества въ Іерусалимъ.

Человѣкъ нѣкій рѣшилъ итти на по-

въ подарокъ отъ моего господина!" Удивился безбожникъ и всѣ около него неожиданному подарку. Тогда слуга объяснилъ все, и въ концѣ добавилъ: „я считаю этого человѣка наибѣднѣйшимъ въ городѣ; другіе бѣдняки не имѣютъ или одежды, или крова, т. е. того, что можно

Святая Русь

Святая Россія, это тѣ русскія души всѣхъ вѣковъ, которыя усыновлены Богомъ, приняты въ Его Царствіе, воскресли на землѣ. «Вѣрить», или «не вѣрить» въ эту Россію, нельзя. Она — есть.

Она — отствѣтъ Іерусалима Небеснаго въ исторіи земного народа. Любя отствѣтъ, надо проникнуться глубочайшей любовію къ свѣту.

Есть люди, которые любятъ Святую Русь болѣе того, образомъ чего является она. Но надо глубоко знать, что Святая Русь не оттого свята, что она «Русь», но оттого, что Духъ Божій, Духъ Христовъ сошелъ на русскія души и осолилъ ихъ познаніемъ Бога, и засѣменилъ ихъ любовію къ Богу. И отъ этихъ душъ зажегся духъ свѣтлаго народа.

Что будетъ съ географической и исторической Россіей — дано знать однимъ лишь пророкамъ. Убоимся лжепророчествовать, зная въ исторіи древняго Израиля разительные примѣры добрыхъ, для людского слуха, пророчествъ, которые обличались сурово истинными пророками Божьими. Воля Божья — тайна высочайшая.

Одно несомнѣнно: все можетъ быть.

Зависитъ все: 1) отъ воли Господней, 2) отъ нашего жизненнаго покаянія (народнаго).

Праведно отнимаетъ Господь слава Ему. Праведно даетъ... И праведно не даетъ (когда не даетъ).

Намъ же надо вѣрить не въ будущую Святую Русь, но въ неумирающую. И жить въ ней.

СЛАВА ЖИВОМУ БОГУ

"Жива душа моя, жив Бог мой!" – так чутко и прекрасно говорили люди истинной святой веры. Слово это часто слышно в истории Божьего Завета с людьми. Святое и всесовершенное слово. Исповедание *Живого Бога,* – то, что нужно сейчас исповедывать на всех площадях, по всем жилищам. *Жив Господь.* Господь есть Бог живущих.

Слабое и маленькое у нас понятие о жизни. Пестрит современная литература о "жизнях": "Жизнь" – такого то героя, "жизнь" – такого то... *А жизни не видишь в книгах этих.* Пена страстей, кипенье несмысленных или ничтожных переживаний, потухания, смысла бытия в человеческих лицах.

И не требователен человек века. Потому что он сам не знает, жив ли он или мертв. "Может быть, я мертв?" Кто поручится, кто скажет человеку, что он *жив*?

Понятие *о жизни* исчезает с лица земли, как роса утренняя в полдень. Это – умирание веры, оземлянение высот.

Не проповедывать об истинах веры надо сейчас в мире, но *благовествовать Живого Бога.* Ибо Един Бог наш – Живой Бог. Надо сыновней, свободной молитвой воззывать к Нему во всякую минуту, на всяком месте. Сердце веры – поющее сердце, предстоящее всегда своему Богу, Господу вечной своей любви.

Как искра, единится наша жизнь с океаном Божьего огня жизни. Дух томится и плачет, стесняемый суетою мятежных забот, и влечется к необозримому благу кроткими порывами растворяющейся в сердце Иисусовой молитвы.

"Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного", "Господи, помилуй меня", "Слава, Господи, Тебе"...

Служим, предстоим Живому Богу. Живы только Им.

НАШЪ ЦАРЬ

Единаго Царя имѣемъ, Господа Іисуса Христа, и это надо осознать со всею ясностью, со всею опредѣленностью. Въ Его рукѣ — дыханье каждаго изъ насъ. Онъ — наша слава и наша высота. Да не умалится ничѣмъ Его Имя. По немощи, по слабости людей, Онъ управляетъ людьми чрезъ земныхъ правителей, которые должны быть свѣтлы, но часто бываютъ темны, какъ та черная пропасть грѣха, къ которой тянутся они. Царь могъ бы сейчасъ же уничтожить этихъ самозванныхъ, не поставленныхъ Имъ правителей. Но — для этого — Онъ долженъ былъ бы **сойти со Своего Креста.** А Онъ не судить пришелъ міръ, но спасти всѣхъ Своей распятой и всемогущей правдой. Онъ пришелъ **не принудить, но привлечь любовію** сердца... Идетъ Его царство, вѣчое, непобѣдимое никакими смертями, никакими ужасами земли.

Онъ терпитъ сейчасъ непослушаніе людей... Удивляются многіе и недоумѣваютъ: «Какъ терпитъ?... «доколѣ терпитъ?..» Мы знаемъ — **доколѣ:** до самой послѣдней капли Его чаши.

Онъ терпитъ. А мы должны Его славить. Въ Его обнищаніи — Его Царство, въ Его обѣдненіи — ради уподобленія намъ — Его непомѣрное богатство, въ земной страдальческой простотѣ Его краткой жизни — вѣчную его небесную славу. Въ этомъ наша задача жизни: славить безудержно своего Царя!

Да блюдемъ свое сердце. Да не идолопоклонствуемъ ни предъ какими высотами земными. Да утвердимся въ вѣрности и послушаніи Царю невидимыхъ духовъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ душъ.

Да пріидетъ истинное и святѣйшее Царство послушанія закону Твоему, Господи! Исповѣдуемъ Тебѣ всю нашу ложь, всѣ наши безумныя человѣческія мечтанія спасенія — внѣ Тебя.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Господь взял пять хлебов, две рыбы, и, воззрев на небо, благословил и преломил, потом дал ученикам, ученики народу. Все ели и все насытились. Осталось двенадцать коробов кусков-остатков.

Один человек говорил: "как хотелось бы мне быть той малой, сухой рыбкой, которая умножилась и раздалась"... Он прав, – мы, люди – малые, сухие рыбки, лишенные родной стихии, простора истинной своей жизни в Боге. Как нуждаемся мы в благословляющей руке Спасителя.

Душа человека в мире есть мертвая сухая рыбка. Ею нельзя насытиться и одному человеку. Но какое чудо происходит с ней, когда Сам Господь, пришедший на землю для ее спасения, возьмет ее в Свои Пречистые руки, воззрит на небо, благословит и преломит. Малая, сухая рыбка делается тогда живою пищею мира, она начинает питать мир, источает из себя столько пищи, сколько хочет

мир. Благословенье Божье коснулось ее, и она расцвела более и совершеннее, чем цветок. Но как цветок насыщает зрение всех, кто смотрит на него и красота его не оскудевает от множества взоров, так и благословенная Христом пища получает эту благодать цветка – питать безконечное число людей, ибо благословение больше пищи и может всегда стать ею.

Благословленная и преломленная, пред небом, руками Спасителя, душа человека делается живой и неизсякающей для всех людей. "Стяжи в себе мир, и вокруг тебя спасутся тысячи", говорит одна такая благословленная душа – душа преподобного Серафима. Стяжи мир, благословись от Господа, и вокруг тебя спасутся тысячи. Благословенный Христом, это – верующий во Христа, – из чрева души его текут реки воды живой.

Вот наша задача, вот наш смысл жизни: чтобы Христос взял нас в Свои руки, благословил душу нашу, и преломил ее. До этого, души наши – мертвые, сухие рыбки, в руках у нас, малых и неразумных. До этого наша душа не может насытить и нас самих и мы ее делаем пищей животных, – такова судьба души человеческой, которую не взял и не благословил Господь.

Кто идет из нас в мире благословленный Христом?... А если кто не благословлен, кто ищет этого благословения? Умножает ли чрез нас Господь в мире дары Свои? Вопрос этот не пустой звук, не искание холодной истины, но именно то, в чем состоит наше спасение навеки от холода смертного, спасение в вечном нашем Отце и Боге, приготовившем чистые обители небесной жизни для всех, кто призовет Имя Его.

Живет ли наша душа, согрета ли Благодатью? Время коротко. Если не живет, *надо что то делать.* – Подойти ко Христу надо, отдать себя в Его руки.

Если бы знали люди, как КОРОТКО ВРЕМЯ, как неумолим тот призрак смерти, который стоит за спиною каждого из нас. Подойдем к Евангелию, озаримся, освятимся Христом, благословимся, войдем к Нему в руки, преломимся.

Может быть спросит кто нибудь: что это такое – преломиться? Преломиться, это значит ПРИГОТОВИТЬСЯ К РАЗДАЧЕ. Господь Сам преломился, как хлеб, раздался миру. Преломление есть, первое действие благословения.

ВОПРОСЫ ОЦЕРКОВЛЕНИЯ В ДУХЕ И ИСТИНЕ

(Дневник священника)

Как должны быть внимательны священники
при подаче благословения верным!
("Моя жизнь во Христе" о. Иоанн Кроншт.)

Иерейское благословение

Чудно и свято всякое благословение. Оно – знак того мира. Оно – искра Царствия Божия, уже летящая здесь по земле. Блажен священник дающий эту искру, блажен мирянин, зажигающийся ею...

Но одно должно быть здесь несомненно; благословение – подача Духа и Истины, само должно совершаться в Духе и Истине. Всегда ли оно в них совершается? Ответим искренно: далеко не всегда. И плоды налицо: отсутствие благословения в жизни большинства верующих, – развал страны, развал семьи, развал душ. (Механизация благословения не только одна из причин расцерковления общества, но и очень плохой симптом для этого общества. Отход Духа Святого).

Скажу, как священник, про себя: не всегда я даю благословение *как надо,* **спешу** дать поцеловать свою руку мирянину, ищущему от меня благословения. И не могу не видеть вокруг, что священническое православное благословение руки обратилось в картину внешнего быта, в форму церковного "приличия"... И оттого некоторые чуткие миряне избегают его (вне храма). Действительно, оно стало, в подавляющем большинстве случаев механическим либо для подающего, либо для принимающего... И – часто – для них обоих. И потому плохо и мало освящаемся мы. Только гневим Бога, Источника освящений.

Мы, священники, нередко видим, как миряне, вместо того, чтобы класть на себя благоговейное крестное знамение – "чистят пуговицу", небрежно машут рукой перед собою. Но мы, часто сами "машем" рукой, вместо крепкого благоговейного, сосредоточенного иерейского благословения. Отчасти, конечно, мешает нам здесь и то, что миряне обычно спешат поцеловать нам руку, сами не думая о самом важном для них, о *действии благословения.* Поддаваясь

этому *“светскому”* благословению, мы, осеняя Крестом – Животворящей Смертию Христовой, иногда говорим какую-нибудь шутливую фразу, или “приятно” улыбаемся – *не ужасаясь исходящей от Честного Креста Силы*... И получается вместо священнодействия, которое должно освятить жизнь – явление быта и быта плохого, идущего в разрез с евангельской заповедью.

Чуткие свидетели благословений руки о. Иоанна Кронштадтского замечали, что когда батюшка благословлял, лицо его *сразу изменялось,* приобретало трепет и благоговеинство, даже когда подходили к нему за благословением во время какого нибудь его живого или даже веселого разговора. Конечно, батюшка, в это – даже внезапное – мгновение, уходил сейчас же “внутрь” себя, пред Лицо Бога, и давал свое благословение Духом и Истиною. И от такого благословения, конечно, великая сила небесная осеняла всякого с верою его принимающего. Оно было истинным. Сразу же сосредотачиваться о. Иоанн, конечно, мог легко, ибо постоянным трезвением приучил себя к непрестанному предстоянию пред Богом.

Нельзя не приветствовать желание некоторых священников отстранять от мирян лобзание руки, вне храма. Дабы весь центр внимания был перенесен на святость самого благословения. Внимания – как священника, так и мирянина.

О послушании Евангелию в одном вопросе

“Даром получили, даром давайте...” Всегда ли мы, пастыри, в сердце или фактически, даем “даром”? Один из самых болезненных вопросов моей пастырской практики, это желание мирянина меня непременно “отблагодарить” кредитной бумажкой, даже в храме, даже, когда я в облачении стою пред Крестом и Евангелием, а он пришел положить у подножья Распятого свою душу... И тут шелестит та ужасная бумажка, которая столько зла причинила и причиняет в мире, будучи, как будто, самой безобидной. Нет, положительно надо иметь не ближе притвора церковного кружку, куда бы тайно от глаз человеческих клали бы свою вещественную благодарность пастырю миряне. Те, кто бы хотел – даже вне всяких Треб – от чистого и доброго сердца! А то, во что обращается наша великая благодать пастырства? Во что обращается то, что не имеет никакой цены (молитва). Если молитва “платная”, она *ничего* не стоит (ноль), а сердечная, безкорыстная, по заповеди ап. Петра (5,2) стоит миллионов золота и даже больше... Таксы за молитву, дело – вопиюще нехристианское (деньги *никак* не могут быть *условием молитвы!*) ... Звякание монеты у Св. Царских Врат, пред Св. Чашей (“на теплоту”

“косвенный” налог) – глубоко вредное явление... Господи, помоги отцам и братиям святой и истинной веры православной искоренить это пагубное зло, делающее нас духовно-бессильными, духовно мертвыми. Даруй, чтобы перестала в храме нашем звякать монета, заглушая ангельское пенье Твоей Церкви!

ЗАДАЧИ ЗАРУБЕЖНАГО ПРАВОСЛАВІЯ

Русскіе люди ушли изъ Россіи, болѣ многими старыми язвами и большая часть язвъ не только не излѣчились въ изгнаніи, но, наоборотъ, растравились и углубились, окружаясь другими, новыми язвами изгнанія.

Церковь Разсѣянія не сохранила своего единства. Упрекается іерархія и клиръ. Да, во многомъ виноватъ клиръ, — въ недостаточной жертвенности, въ недостаточной любви къ живымъ овцамъ паствы своей, но всякое нестроеніе церковное есть лишь внѣшній показатель внутренняго нестроенія вѣрующихъ. Пастыри укоренены въ своей церковной средѣ, и на ихъ дѣятельность падаютъ грѣхи всего церковнаго народа, какъ и его благочестіе. Эмигрантская атмосфера разделеній, споровъ, недоброжетальства, возбужденности и тяжелой мнительности отразилась на всей линіи зарубежной жизни, не исключая и церковной.

Надо внутрнне — каждому — преодолѣть атмосферу вопіюще-тягостныхъ братскихъ недоброжелательствъ, надо обрѣсти дыханіе Духа мира. Лишь Онъ — Утѣшитель.

Не сохраняя себя, мы не сохраняемъ нашитъ дѣтей. Безусловное, внѣпартійное общее наше дѣло: воспитаніе и сохраненіе преданнаго Богу русскаго ребенка **нами не исполняется.** Мы ужасаемся предъ коммунистическимъ воспитаніемъ дѣтей, мы негодуя и содрагаясь говоримъ о нарожденіи въ Россіи цѣлаго поколѣнія безобжниковъ, но... **что мы сами дѣлаемъ** здѣсь, на свободѣ? **Какъ** отвѣчаемъ и **чѣмъ** отвѣчаемъ мы на совѣтскую матеріалистическую педагогику? Это — удручающій совѣсть вопросъ. **Общественно, почти ничего не дѣлается,** чтобы воспитать въ нашемъ русскомъ ребенкѣ подлинный христіанскій **нематеріалистическій** духъ, а вся атмосфера нашей эмигрантской жизни, съ ея эпидемическимъ недоброжелательствомъ, матеріализмомъ, разваломъ семьи — дѣлаетъ нашего зарубежнаго ребенка мало вѣрующимъ, или совсѣмъ не вѣрующимъ.

Лишь немногія чистыя христіанскія семьи, спаянныя вѣрой и жертвенностью (да будетъ ихъ имя благословенно!) растятъ, иногда въ неимовѣрно трудныхъ условіяхъ эмигрантскаго существованія, — новое, чистое, преданное Богу Живому поколѣніе. **Задача, поставленная предъ собою этими семьями, есть самая важная и самая реально выполнимая изъ всѣхъ задачъ Русскаго Зарубежья.**

Сила враговъ Христовыхъ, только — въ слабости христіанъ: въ ихъ малой вѣрѣ во Христа, въ ихъ малой надеждѣ на Христа.

Каждый вѣрующій можетъ присоединиться къ дѣлу распространенія и укрѣпленія вѣры въ мірѣ.

ЦЕРКОВЬ И ПОЛИТИКА

Психология мнимых разделений в Церкви

Из всех выдвинутых жизнию вопросов дня, вопрос "Церкви и политики" кажется наиболее болезненный, – во всяком случае самый неразобранный, хотя и постоянно разбираемый.

Много едких недоброжелательств, еще больше подозрительности и темной нехорошей, ложной "ревности по Церкви" вспыхивает в русском обществе, в связи с этим вопросом. На чтении одних газет можно проверить это. С нескрываемым раздражением и каким то особенным духом нелюбви приучаем мы себя говорить по этому вопросу. Не в мыслях, а вот *в этом настроении* корень современного разлада идей, тяготеющих к запечатлению в расколы.

Но социальные идейные расхождения не суть религиозные разделения. Сделаться таковыми они могут только в условиях *расцерковленности* общества, когда теряется ощущение *вечного* в лабиринтах временного.

Цель никогда не оправдывает средств. Защищать Истину Бога-Любви можно только самому пребывая в любви и мире. Иных путей просто нет для защиты Истины Бога-Любви. "Руки прочь" нужно говорить всякому, кто вносит страсть, свойственную "политике" (и общественно допускаемую в политическом моральном кодексе), в обсуждение дел Церкви, хотя бы временных и земных. Должна быть разница *по существу в духе* рассуждения о Церкви просто политика, и политика церковного. Эта разница должна быть видна глазам всех. А если никто ее не видит, то это значит, – либо общество совершенно воцерковилось (и все светские вопросы решаются в духе мирного доброжелательного обсуждения), либо – общество совершенно расцерковилось, христианство потеряло свою соль, то есть – ушло из общественной жизни. В таком случае Церковь делается простым обществом, подчиненным "духу времени", который

во все времена был одним и тем же духом суеты и взаимной человеческой неприязни. Иначе говоря, Церковь – Тело Христово перестает существовать.

Как Царствие Божие рождается "внутри" человека, так и теряется оно "внутри".

Велика в нашем русском обществе (смотрим только на свое) потребность *волевого умиротворения духа*. Но не все будут соглашаться на него, ибо не все ведь – христиане, и вопрос "церкви и политики" есть одновременно и церковный вопрос для церковников и политический для политиков. Учитывая это, может быть самое лучшее было бы приглашать православных христиан – не доверять голосу того учителя, в котором слышится раздражение или недоброжелательство *к человеку*. Такой учитель должен сам поучиться. "Никого не раздражай – говорит Церковь словами преп. Исаака Сирина – и никого не ненавидь, ни за веру, ни за худые дела его. Если же хочешь обратить кого к истине, то скорби о нем… а не воспламеняйся на него гневом, и да не увидит он в тебе *признака вражды*. Ибо любовь не умеет ни гневаться, ни раздражаться, ни укорять кого-либо *со страстью*." Это будет в точном соответствии с гл. 10 от Иоанна. От неимеющих *Духа Христова* учителей следует бежать. Во всяком случае не учиться у них…

«Россія забыла Бога спасающаго, утратила вѣру въ Него, оставила Законъ Божій, поработила себя всякими страстями, обоготворила слѣпой разумъ человѣческій; вмѣсто воли Божіей премудрой, святой, праведной — поставила призракъ свободы грѣховной, широко распахнула двери всякому произволу и отъ того неизмѣримо бѣдствуетъ, терпитъ посрамленія всего свѣта — достойное возмездіе за свою гордость — за свою спичку, бездѣйствіе, продажность, холодность къ Церкви Божіей».

(о. Іоаннъ Кронштадтскій).

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В АМЕРИКЕ

Доклад Св. Синоду священника Иоанна Вениаминова, аляскинского миссионера, впоследствии Преосвященного Иннокентия, второго православ. Епископа на Американском континенте (скончавшегося в сане митрополита Московского).

"В апреле 1824 г. в Великий Пост отправился я в первый раз на остров Акун, к алеутам. Подъезжая к острову я увидел, что они все стояли на берегу наряженными, как бы в торжественный праздник, и когда я вышел на берег, то они все радостно бросились ко мне. Я спросил их, почему они такие наряженные. Они отвечали: "потому что мы знали, что ты выехал, и сегодня должен быть у нас, вот мы в радостях и вышли на берег, чтобы встретить тебя". "Кто же вам сказал, что я буду у вас сегодня, и почему вы меня узнали, что я именно отец Иоанн". "Наш шаман (колдун) старик Иван Смиренников сказал нам об этом и описал нам твою наружность так, как теперь видим тебя". Это обстоятельство чрезвычайно меня удивило, но я все это оставил без внимания и стал их готовить к говению. Явился ко мне этот старик-шаман и изъявил желание говеть. Он ходил очень аккуратно к богослужению и я все таки не обращал на него особенного внимания, и, приобщивши его Св. Таин, отпустил его... И что-же, – к моему удивлению он после причастия отправился к своему тоену (старшине) и высказал ему свое неудовольствие на меня, а именно за то, что я не спросил его на исповеди, почему его алеуты называют шаманом, так как ему крайне неприятно носить такое название от своих собратий, и что он вовсе не шаман. Тоен, конечно, передал мне неудовольствие старика Смиренникова, и я тотчас же послал за ним для объяснения; и когда посланные отправились, Смиренников попался им навстречу со следующими словами: "я знаю, что зовет меня священник отец Иоанн, и я иду к нему". Я стал подробно расспрашивать о его жизни, и на вопрос мой, грамотен ли он, он отвечал, что, хотя и не грамотен, но молитвы и Евангелие знает. Тогда я просил его объяснить, почему он знает меня, что даже описал

своим собратьям мою наружность, и откуда узнал, что я в известный день должен явиться к вам и что буду учить вас молиться. – Старик отвечал, что все это ему сказали двое его товарищей. "Кто эти двое твои товарищи?" – спросил я его. "Белые люди", отвечал старик. "Они, кроме того, сказали мне, что ты в недалеком будущем отправишь свою семью берегом, а сам поедешь водою к великому человеку (царю) и будешь говорить с ним". – "Где же эти твои товарищи, белые люди, и что это за люди", спросил я его. "Они живут недалеко здесь в горах и приходят ко мне каждый день". "Когда же явились к тебе эти белые люди в первый раз?"– Он отвечал, что вскоре по крещении его иеромонахом Макарием явился ему прежде один, а потом и два духа, невидимые никем другим, в образе человеческом, белые лицом, в одеяниях белых, и по описанию его, подобных стихарям, обложенных розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы от Бога наставлять, научать и хранить его. И, в продолжении почти тридцати лет они почти каждодневно являлись ему днем или к вечеру, но не ночью, и, являясь, наставляли его христианскому учению и таинствам веры, подавали ему самому и, по прошению его, другим, впрочем весьма редко, помощь в болезнях, и при этом они всегда отзывались на прошение его тем, что "мы спросим у Бога, и если благословит Он, то исполним". Иногда сказывали ему происходящее в других местах, и весьма редко будущее, но всегда с оговоркою: "Если то угодно Богу открыть", и уверяли, что они не своею силою все это делают, но силою Бога Всемогущего. И хотя учение этих духов есть учение православной Церкви, но я зная, что и бесы веруют и трепещут, усомнился, не хитрая ли это и тончайшая сеть лукавого, и спросил, как они учат молиться: себе или Богу, и как жить с другими. Он ответил, что они учат молиться духом и сердцем, и иногда молятся с ним вместе долго, и учат исполнять все чистые христианские добрдетели (кои он подробно мне рассказал), а более всего советуют наблюдать верность и чистоту, как в супружестве, так и вне супружества. Сверх того учили его и другим внешним добродетелям и обрядам, как то: как изображать крест на теле, не начинать никакого дела, не благословясь, не есть рано по утру, не жить вместе многим семейством, не есть вскоре убитой рыбы и зверя еще теплого, а некоторых птиц и растений морских совсем не употреблять в пищу и проч. После этого спросил я его: являлись ли они ему ныне, после Причастия, и велели ли слушать меня. – Он отвечал, что являлись как после исповеди, так и после Причастия, и говорили чтобы он никому не сказывал исповеданных грехов своих и чтобы

после Причастия вскоре не ел жирного, и чтобы слушался учения моего, но не слушал "промышленных", т.е. русских, здесь живущих. И даже сегодня на пути являлись ему и сказали, для чего я зову его, и чтобы все рассказывал, и ничего бы не боялся, потому что ему ничего худого не будет. Потом я спросил его: "когда они являются ему, что он чувствует, радость или печаль". "Он сказал, в то только время, при них он чувствует угрызение совести своей, когда сделал что либо дурное, а в другое время не чувствует никакого страха, и так как многие его считают за шамана, то он, не желая таковым считаться, неоднократно просил их, чтобы они отошли от него и не являлись ему, но духи отвечали, что они не диаволы, им не велено оставлять его. На вопрос его, почему они не являются другим, они отвечали, что им так велено. Дабы удостовериться, точно ли являются ему пестуны его, я спросил его: могу ли я их видеть и говорить с ними. Он отвечал, что не знает и спросит у них. И действительно, через час приходит и говорит, что они ему сказали на то: "И что еще хочет он знать о нас... Ужели он почитает еще нас дьяволами, – хорошо, пусть видит и говорит с нами, если хочет", и еще сказали нечто в одобрение мое, но я дабы не сочтено было за тщеславие со стороны моей, умолчу об этом.

Тогда что то необъяснимое произошло во мне, какой-то страх нашел на меня и полное смирение. "Что если в самом деле, подумал я, увижу их, этих ангелов, и они подтвердят сказанное Смиренниковым. И как же я пойду к ним... Ведь я же человек грешный, следовательно, и недостойный беседовать с ними, и было бы с моей стороны гордостью и самонадеянностью, если бы я решился итти к ним, и, наконец, свиданием моим с ангелами, может быть, превознесся бы своею верою, или возмечтал бы много о себе". И я, как недостойный, решился не ходить к ним, сделав предварительно по этому случаю приличное наставление, как Смиренникову, так и его собратиям алеутам, и чтобы они не называли больше Смиренникова – шаманом".

К РУССКИМ ЛЮДЯМ

В местах русского рассеяния, где нет своей церковной общины, необходимо частным домам верующих брать на себя инициативу организации – хотя бы самых скромных – миссионерских библиотек. П.М.К. приходит на помощ в этом деле. В любом пункте любой страны можно устроить Мисс. Библиотеку от имени Прав. Мисс. Книг-ва Сергиевского Браства.

Выписывайте газету для распространения среди своих близких и знакомых. Этим вы поддержите православно-церковную активность в Зарубежьи. Этим вы поможете делу – Правословного Духовного Восстановления.

ПОХОДНАЯ ЦЕРКОВЬ — АВТОМОБИЛЬ, Имени Пресвятой Троицы, Братства преп. Сергія Радонежскаго, посѣщаетъ **русскіе** колоніи и фермы французской **провинціи**, удаленныя отъ приходовъ.

Для вызова Церкви писать по адресу Братства. (Если спеціальный вызовъ, то желательна оплата бензина).

РУССКІЙ РЕБЕНОКЪ

во всѣхъ странахъ разсѣянія, можетъ обучаться предметамъ **ЗАКОНА БОЖІЯ** и **РОДИНОВѢДЕНІЯ**

въ ЗАОЧНОЙ ШКОЛѢ СЕРГІЕВСКАГО БРАТСТВА.

Писать по адресу: **Confrerie de St.-Serge. 93, rue de Crimée, Paris (19)**

Новое изданіе
Правосл.-Миссіонерскаго Книгоиздательства Сергіевскаго Братства

КАКЪ СТОЯТЬ ВЪ ХРАМѢ БОЖІЕМЪ

Листокъ на 2 стр. **Цѣна 100 экз.— 7фр. 50 с. (30 ам. центовъ).**

ТОГО, КТО ИМѢЕТЪ РУССКУЮ ПИШУЩУЮ МАШИНКУ, или РОТАТОРЪ, и желалъ бы помочь, хотя бы немного, Братству Преподобнаго Сергія, въ переписке, или размноженіи религіозныхъ рукописей просимъ обращ. по адресу: **Confrérerie de St.-Serge. 93, rue de Crimée, Paris (19).**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СПИРИТИЗМА

Спиритизм явление очень древнее, и тесно связанное с эпохой непросветленного язычества. Уже первое религиозно-нравственное законодательство человечества запрещает его: "Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них" (Книга Левит, гл. 19, ст. 13). Во Второзаконии сказано: "не должен находиться у тебя проводящий сына своего, или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадалка*, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий делающий это, и за эти то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица Своего" (Второзаконие, гл. 18, ст. 10-12). Чрез пророка Исаию, Господь сказал людям так: "когда скажут вам, обратитесь к вызывателям умерших, к чародеям, к шептунам и чревовещателям, тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к Закону и Откровению" (Исаия, гл. 3, ст. 19, 20).

Известно, что царь Саул обращался к аэндорской волшебнице, и она вызывала ему тень Самуила. Мотив вызова тогда же объяснил сам Саул: "тяжело мне очень, сказал он, Филистимляне воюют против меня , а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне"... (Книга 1-ая Церств, гл. 28). Этот библейский факт вызывания мертвого общеизвестен среди спиритов. Гораздо менее известны последствия этого факта в личной жизни Саула. Саул кончил жизнь самоубийством, во время разгрома его войска филистимлянами. 10-ая глава 1-ой Книги Паралипоменон делает такое заключение: "Так умер Саул за свое беззаконие, которое он сделал пред Господом, за то, что не соблюл слова Господня, и обратился к волшебнице с вопросом, а не взыскал Господа".

Вызывание умерших было всегда одним из признаков погружения человека, или народа, во тьму языческого суеверия, и всегда имело демонологический характер.

Вот, как Слово Божие описывает духовное падение Манассии: "Двенадцати лет был Манассия, когда воцарился, и пятьдесят

---

* И в нынешнее время, в газетных объявлениях можно встретить зазывание гадалок и хиромантов. Почти все они считают себя "верующими", и вешают, обычно, у себя иконы. Но обращающиеся к ним *порывают связь с Богом*. Пытающиеся узнать свое будущее чрез людей – отрекаются от заповеди Живого Бога, возвещающей, что *"сокрытое" принадлежит только Ему* (Второз. 29, 29), а нам лишь "открытое" в Его Святом Откровении. В гадание вовлекается человек непослушным, злым духом.

лет царствовал в Иерусалиме; имя матери его Хефуиба. И делал он неугодное в очах Господних, подражая мерзостям народов, которых прогнал от лица сынов Израилевых. И снова устроил высоты, которые уничтожил отец его Езекия, и поставил жертвенник Ваалу... и провел сына своего чрез огонь, и гадал и ворожил и завел вызывателей мертвецов и волшебников, и много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневать Его" (Кн. Царств, гл. 21).

Спиритические попытки войти в сношения с невидимым миром запрещенным путем магических кругов (в наши дни цепью рук и блюдечек), были столь противны "Ветхозаветному Евангелисту" пророку Исаии, что он даже в пророчестве своем о языческом Египте называет вызывание мертвых и гадания – "изнеможением духа" и "разрушением совета", т.е. потерей элементарной духовной рассудительности (Исаия 19,3).

Решительная духовная реформа царя Иосии уничтожающе коснулась вызывателей мертвых. Идол их, Астарта, был вынесен к Кедронскому потоку, сожжен и истерт, пепел был брошен на общенародное кладбище. Дома блудилищные при храме Господнем были разрушены... "вызывателей мертвых и волшебников, и терафимов, идолов, и все мерзости, которые появились в земле Иудейской и в Иерусалиме, истребил Иосия, чтоб исполнить слова закона, написанные в книге, которую нашел Хелкия, священник в доме Господнем" (4. Царств, гл. 23).

Не откладывайте съ недѣли на недѣлю церковнаго покаянія.

Каясь, не утаивайте предъ слугой Господнимъ — священникомъ своихъ грѣховъ.

Припоминайте, вольно или невольно утаеное прежде.

Не говорите „общихъ словъ", но обвиняйте себя за определенное, беззаконное предъ Богомъ.

Изучайте Законъ Господень (Евангеліе) чтобы знать въ чемъ прегрѣшили.

По Евангелію будетъ судъ надъ вами.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА НРАВСТВЕННЫХ ВЫСОТ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

(Для проверки каждого православного христианина, не столь достижений, сколь стремлений его сердца)

Язычество

1. Любовь к любящим. Молитва за благодетелей.
2. Мужественное претерпение страданий. Согласие на справедливое страдание.
3. Познание мира и природы: "Я" познаю, "Я" изобретаю, "Я" говорю...
4. Чувство – "Собственного" достоинства. (Отсюда – *страдание самолюбия)*.

Христианство

1. Любовь к равнодушным и к врагам. Молитва за ненавидящих. Благословение проклинающих. (Ибо таково отношение Бога к миру).
2. Радостное претерпение страданий. Радость при невинном страдании. (Участие в искупительном деле Христа).
3. Познание мира и природы: *Бог мне открывает*. (Основа христианской науки).
4. Чувство, что все "достойное" исходит только от Бога, и есть дар Божий.
   (Отсюда – *чувство "нищеты духа" – радостное состояние)*.

ВОСКРЕСНЫЯ ОТКРЫТЫЯ СОБРАНІЯ БРАТСТВА ПРЕП. СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО

происходятъ

23, av. Georges V (Métro Georges V и Alma)

Входъ свободный и безплатный

Начало въ 4 часа дня (каждое воскресенье).

ТЕЗИСЫ

(для распознавания ложных религиозных учений)

Антихристианский: 1) Человек – эманация Бога, частица Бога.

Христианский: 1) Человек – творение Божие, свободная тварь, созданная Богом из небытия.

Антихристианский: 2) Иисус Христос – мировой учитель. Дух Христа почил на Иисусе в минуту крещения и этот же Дух Христа почивал и будет почивать на других учителях человечества – мессиях.

Христианский: 2). Иисус Христос – единый и неповторимый Богочеловек – Мессия. Все мессии другие суть волки в овечьей шкуре, лжецы. Лжец всякий, кто приходит *не во имя Единого Мессии* Иисуса Христа, Истинного Бога и Истинного Человека, в Лице – Ипостаси Которого Божество и Человечество соединились *нераздельно, неслиянно, неразлучно и неизменно* (определение Вселенского Собора).

Антихристианский: 3) Каждый человек имеет свою карму, сумму накопленных личных грехов своих и должен эту карму изжить, исправить собственными усилиями своими, и до тех пор, пока не исправит, будет все время перевоплощаться для изживания своей кармы. *Грех* есть ошибка, неправильность, которая должна и может быть *исправлена* самим человеком, путем самоусовершенствования в ряде жизней.

Христианский: 3) Каждый человек имеет на себе, в силу общности человеческого естества, *первородный грех,* являющийся источником всех личных падений человека. Грех есть *вина* перед Творцом и Отцом Небесным, и *никакими собственными усилиями* человека исправлен или смыт быть не может, и никем исцелен из людей быть не может, но может быть *прощен,* в ответ на сыновнее покаяние человека, Отцом Небесным. Иисус Христос есть Единый Искупитель как общего первородного греха, так и всех личных грехов человека. Его Невинная Кровь человеческая, соединенная с Полнотой Всемогущества Божьего, есть *единое средство очищения и спасения,* которое (как у разбойника, мытарей, блудницы) совершается в единое мгновение (как всякое исцеление) и не требует *никаких эволюций,* никаких циклов.

Антихристианский: 4) Чувство справедливости не может помириться с тем, чтобы за краткую свою жизнь человек был ответствен перед вечностью. Потому естественно верить в перевоплощение, в другие жизни человека на земле или на других планетах. Перевоплощение существует и доказывается фактом *неожиданных воспоминаний* человеком тех мест, куда он приходит, а также фактом *прирожденной способности человека,* как и прирожденных его *болезней*.

Христианский: 4) Время, которое живет человек на земле, есть *маленькая вечность,* по существу своему совершенно однородная вечности, составляющаяся из миллиардов земных жизней (во времени). Сколько бы человек ни перевоплощался, он никогда в *рамках времени* не достигнет равновесия с вечностью. Потому спасение Христово совершается не во времени и в пространстве, но вне их, в вечности, уже *целиком* заключающейся в каждом мгновении времени. Земная жизнь имеет смысл не искупления в вечности (такового искупления не могут дать и многие миллионы земных жизней, даже *вся* эта "дурная" пространственная бесконечность не может быть искуплением даже единого малого греха!), но *определение* свободы человека в сторону святости, любви и смирения перед Отцом, или же в сторону гордыни, злобы, нечистоты. Земная жизнь есть *великая тайна* человеческого определения, тайна, посильно для разума человеческого, раскрытая в *притче о талантах*.

Неожиданные воспоминания человека суть функционирование *подсознательной и внепространственной* области человека. Либо во сне, либо на яву человеческий дух вне времени и пространства может быть причастен проникновению в то пространственное место, которое он потом видит и вспоминает. Здесь также большое значение имеет соединение духа человеческого с бестелесным, внепространственным духом, приражающим к человеку свое знание (опыт прозорливости – от светлых духов, и "ясновиденя" – от непросветленных). Факт различного состояния и дарований человеческих личностей объясняется не предыдущими жизнями их, в теле, но различным распределением на всех людей общего тяжкого наследия человечества – первородного греха. Кроме этого, в различных дарованиях выявляется *неповторимая индивидуальность каждой человеческой души*.

Совершенствование человеческой души в Боге совершается все время и всю вечность, и отнюдь не связано с пребыванием человека в ветхом смертном теле. Жизнь в ветхом теле, есть лишь

неповторимое основное и таинственное испытание человеческой души, ее экзамен. Чувство справедливости *легко* может примириться с фактом краткости (во времени) этого экзамена, если поверить, что экзамен этот производится не ошибающимся человеком, но Абсолютом Непогрешимости и Любви – Богом, могущим *узнать* и *определить* человеческую душу даже за самый краткий миг ее жизни на земле.

Антихристианский: 5) Евангелие говорит о перевоплощении, подтверждает его в словах Христа, что Илия уже пришел и его не приняли (об Иоанне Крестителе). Кроме того, говорит о вере в перевоплощение вопрос учеников Христовых перед слепорожденным, кто согрешил: он или родители его ("он" мог согрешить только *до* своего рождения на земле).

Христианский: 5) Все Евангелие свидетельствует против перевоплощения. Илия уже потому не мог, вообще перевоплощаться, что был восхищен на небо с телом и явился на горе Преображения в своем личном виде, уже после жизни на земле Иоанна Крестителя. Случай со слепорожденным лишний раз свидетельствует о вере евреев в первородный грех, "в беззакониях я зачался и во грехах родила меня мать моя" (Псал. 50). И о том, что грех этот *через смирение человека* обращается *ко славе Божией*. Евангелие говорит ясно, что Иоанн Креститель должен придти в *духе и силе* Илии Пророка (Лука I). "Дух и сила" есть выражение *образа*. Кроме того, вера в перевоплощение *совершенно чужда* как ветхому, так и Новому Завету, ибо *веру в воскресение никоим образом нельзя совместить с верою в перевоплощение*. Одно исключает другое. Вера в перевоплощение ярко доказывает антихристианскую (антихристову) сущность всякого учения, которое ее придерживается, ибо подрывает основу христианства – *воскресение Христово*. Господь Иисус Христос истинно воскрес и с *плотию* восшел на небо. И мы все, люди, ожидаем *не старого неба и старой земли, но Нового Неба и Новой Земли,* для которой мы воскреснем силою Благодати Единого Спасителя Нашего, Богочеловека, Иисуса Христа, Альфы и Омеги Жизни.

Антихристианский: 6) Все религии имеют сущностью своею одно и то же стремление к Истине, и потому необходимо теософическое "Братство Религий", которое основала Е.П. Блаватская.

Христианский: 6) Все религии имеют стремление к высшему, но *не все понимают одинаково это Высшее,* и потому *невозможно* Братство Религий по типу Блаватской. Если бы оно было возможно, оно было бы указано Иисусом Христом или Его апостолами. Но ни Господь Иисус Христос, ни свв. Апостолы не проповедывали этой чрезвычайно вредной утопии, но *благовествовали Истину Божию всем народам и религиям.* В этом и *был смысл проповеди апостольской:* открыть Свет Евангельский сидящим в духовной тьме последователям языческих религий. В некоторых религиях религиозное чувство до того извращено, что люди, следуя своей религии, служат не Богу, но диаволу. Какое может быть братство с такими религиями? У христианства не может быть общения и с теми учениями, которые проповедуют такое "братство". Истина несовместима с ложью, а ложь духовная есть самая опасная ложь в мире. Для того и пришел в мир Свет Христов, чтобы прозрели все "сидящие во тьме и сени смертной". Спаситель ясно сказал человечеству, что всякий, кто не Его – единой – Дверью входит к овцам (людям), тот не пастырь их, но *волк,* и овцы не слушаются его, и потому христиане с великим трепетом оберегают вход веры в эту единую Христову Дверь спасения. Господь Иисус Христос есть "Камень, сделавшийся главою угла" (Псал. 117, 22), и *"нем ни в ком ином спасения. Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись".* (Деян. 4, 11-12).

---

*Отзыв Газеты "Россия и Славянство"**
Париж 21. мая 1931 г.

"БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВЬ"

Недавно в нашем Зарубежьи появился первый номер однодневной газеты "Борьба за Церковь", вышедшей под редакцией Иеромонаха Иоанна (Шаховского), выпущенный издательством "Православно-Миссионерского Русского Зарубежного Подворья" в Белой Церкви в Югославии.

Это первая в нашем Зарубежьи попытка церковной работы в такой форме, важная уже потому, что хочет использовать для церковных целей всеми давно пользуемый аппарат газетной формы, наиболее удобный для влияния на массы.

Оставляя в стороне богатый религиозно-миссионерский материал первого номера "Борьбы за Церковь", остановимся на двух статьях, обращенных одна к общественному, другая к политическому сознанию. По принципу, статьи в "Борьбе за Церковь" не подписываются именами авторов, и ответственность за статьи редакция принимает на себя. Таким образом, обе статьи нужно считать выражающими принципиальный взгляд самой редакции.

Первая из них – и как раз вводная в газете – под заголовком *"Органическая клетка Русской Культуры"* – посвящена церковному приходу и является горячим призывом к широкому и углубленному пониманию этой организации и творческой работе в ней.

"Среди свершающейся и свершившейся гибели очень многих общественных ценностей русского народа – гласит эта статья – живет одна непререкаемая ценность вечного культурного строительства. Она составляет сейчас опору лучших людей России – она называется приходом".

От России христианской, удушаемой безбожниками, мысль автора переносится ко всему христианскому миру:

"Приход – самая мудрая организация культуры. Каждая национальная культура наполняет ее своим содержанием, и так должна создаваться единотипная вселенская организация действующей христианской культуры, которая должна быть мощным и творческим противопоставлением мировым коллективам коммунизма, ложам масонства и всем многочисленным объединениям атеистического человечества".

---

* Издававшейся в Париже под редакцией Петра Бернгардовича Струве.

Этот широкий, глубоко-идеалистический взгляд, совершенно реалистичен в то же время, ибо только тихая, смиренная, нами самими пренебреженная приходская сила устояла в России против натиска безбожного Интернационала, только тихая и смиренная приходская работа за рубежом дает немолчное свидетельство жизненности Православия. И здесь путь для самой широкой работы, для творческих порывов любого размаха. На этом пути могут и должны воспитывать себя молодые силы – и автор и зовет к этому:

"Приходская кооперационная, школьная, трудовая и просветительная работа есть лучшее развитие здоровой и светлой личности".

Обращаясь к Зарубежью и его силам, ищущим творческой работы, автор говорит:

"Приход есть социальный факт чрезвычайного значения. Самое существование этого факта в русском рассеянии – и в особенности там – на русской земле, среди страшного натиска растлевающих социальную жизнь сил, есть не теория, не красивая внешность объединения, но жизненное высшее выражение русской культуры. Надо принять приход теоретически, как фундамент русской национальной жизни, которая умеет быть сперва Божьей, Христовой, вселенской, а потом народно-национальной, личной. И первое дело русской культуры – это понять и полюбить свою семью, свой приход. Устроение русской культуры русское общество должно сейчас же начать в деятельном развитии приходской жизни".

В этом призыве нет ничего нового, выдуманного, созданного мечтою. Это лишь вывод из глубокого понимания истории церковной вообще и русской в частности; вывод из того провиденциального факта, что Московский собор 1917 г., в момент разрушения государственной и общественной России, восстановил организацию церковной России – в чем ей отказывало государство и чем пренебрегало общество; вывод из того факта, что в лоскутной пестроте зарубежных политических и иных организаций наиболее прочное, глубокое и самодовлеющее значение имеют организации церковные. Новое же и ценное в этом призыве то, что он идет от молодых, только начинающих свою церковную работу сил.

Ценно то, что начиная эту работу эти силы идут от древних корней, но смело глядят в будущее, ищут творческой работы, не смущаются внешней слабостью церкви, пламенно веруя в ее внутреннюю всепобеждающую силу. И этот призыв полон энтузиазма и прозрения в необъятные горизонты вселенского делания.

Вторая статья *"Церковь и политика"* – с подзаголовком *"Психология мнимых разделений церкви"* – подходит с большою осторож-

ностью к наболевшему, запутанному вопросу о наших церковных разделениях. И прежде всего, уходя от вопросов личных, переносит все суждения на почву принципов. Свой принципиальный взгляд “Борьба за Церковь” формулирует так:

“В своем мышлении сейчас мы исходим из непреложного для нас положения духовной подчиненности государства с его кругом земных задач – Церкви, задачи которой столь же возвышаются над государственными задачами, сколь небо над деревом. Сложность и недовыясненность вопроса “Церкви и политики” заключается именно в этом... Трудность была бы не так остра, если бы общество церковное было обществом церковномыслящих людей. Но сейчас Церкви в своей ограде приходится укрывать многих, укрывшихся в ней от тяжести жизни, или в блюдении святости воспоминаний детства, или переживания России – но не проникнутых всею важностью союза своего с Богом - Вседержителем - Иисусом Христом... Какова же задача Церкви в этом веке? – Не порабощаться политикой, но порабощать ее, стоять над ней, стоять над всякой социальной формой мира, не связывать глубин своего бытия ни с одной, но порабощать духу своему всякую”...

Не входя в подробный анализ отмеченных суждений, нужно сказать, что в них так ясно сказывается свобода и широта мысли, мужественность и прямота суждения, не связанныя никакими усложнениями, что остается только приветствовать эту свежую и здоровую струю.

И. Никаноров

Извѣщеніе

отъ

Православно-Миссіонерскаго Книгоиздательства

Православно-Миссіонерское Книгоиздательство извѣщаетъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ, подписчиковъ и читателей, что оно переходитъ на Сергіевское Подворье, въ Парижъ, куда и надлежитъ обращаться

съ 1 мая 1931 г.

по всѣмъ дѣламъ сотрудничества, распространенія и выписки книгъ, а также возврата подписныхъ листовъ сбора пожертвованій на миссіонерское дѣло —

по адресу: Ieromonah Ioann. Institut Orthodoxe.
93, rue de Crimée. Paris (19). France.

Списокъ изданій П. М. К. изданныхъ въ г. Бѣлая Церковь, Королевства Югославіи (1928 - 1931 гг.)

1. Изъ Дневника о. Іоанна Кронштадтскаго.
2. 200 Главъ преп. Іоанна Лѣствичника.
3. „Пламень вещей", преп. Исаака Сирина.
4. Акаѳистъ къ Причащенію св. Христовыхъ Таинъ.
5. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе. Вып. I.
6. Православно-Освѣдомительный и Православно-Миссіонерскій Листки.
7. „Моя Первая Священ. Исторія". | Дѣт. Церк. Библ.
8. Заповѣди Божьи въ разс. Вып. I. | Дѣт. Церк. Библ.
9. Заповѣди Божьи въ разс. Вып. II. | Дѣт. Церк. Библ.
10. Сборникъ для сознательнаго участія міряшина въ богослуженіи.
11. Бесѣда преп. Серафима съ Мотовиловымъ о цѣляхъ христіанской жизни.
12. Видѣнія Св. Ермы.
13. О Предопредѣленіи. Святителя Иліи Минятія.
14. „Запись объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и объ оптинскихъ старцахъ" — о. В. Ш. (изъ личн. воспом.).
15. „Церковь и Міръ" (очерки). Іеромонахъ Іоаннъ.

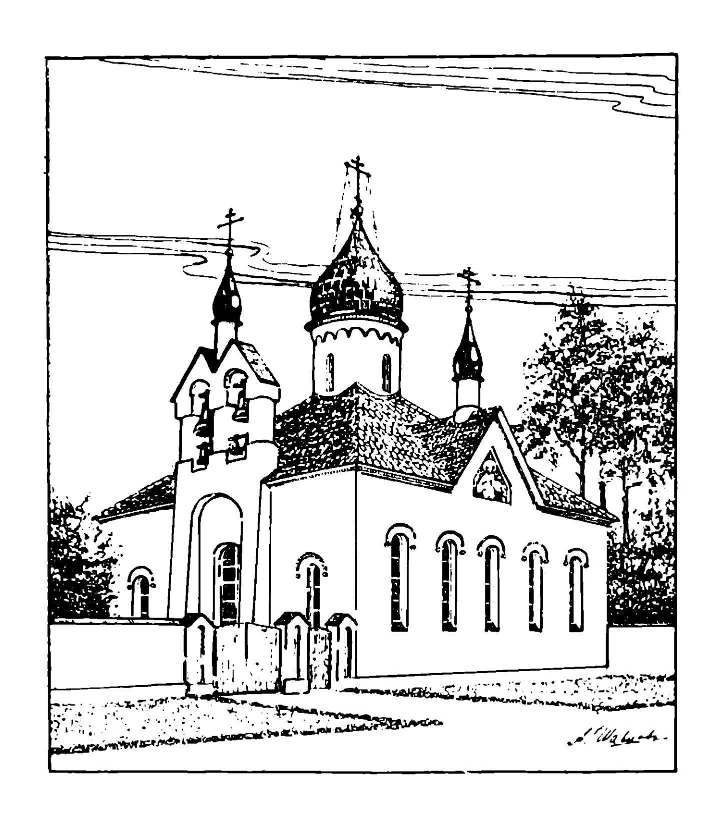
16. О Св. Причащеніи. Святителя Иліи Минятія.
17. Исповѣдь (два примѣра исповѣди).
18. Объ Исповѣди. Изъ поученій Свят. Иліи Минятія.
19. Поклоненіе Св. Христовымъ Таинамъ. Св. Дмитрія Ростовскаго.
20. „Слово въ мірѣ". Сборникъ посвященный русскому первопечатному діакону Іоанну Федорову.
21. Ежедневная молитва старца Парфенія (2 изданія).
22. Краткій Словарь Церк.-Слав. словъ, слышимыхъ въ церкви.
23. „Слава Воскресенію" (11 Евангелій). Іером. Іоаннъ.
24. День за Днемъ (настольная книга христіанина). Сентябрь - декабрь.
25. „Надъ Евангеліемъ" (еванг. фразы и выраженія).
26. Борьба за Церковь. № 1 (однодневная газета борьбы за Русское Духовное Возстановленіе).

Послѣднее изданіе — **Борьба за Церковь** — однодневная газета. № посвященъ памяти почившаго соловецкаго узника Архіепископа Иларіона.

Содержаніе номера: Органическая клѣтка русской культуры. — Анкета: Въ чемъ наше послушаніе православію? — Исповѣдничество славословія. — Изъ бесѣды еп. Николая Охридскаго въ Бѣлградской собор. церкви. — О рожденіи Духомъ. — Христіанская школа. — Митрополитъ Антоній: Памяти Архіепископа Иларіона. — Горе ропщущимъ — слава благодарящимъ. — Церковь и политика. — Притча о неправедномъ богатствѣ и о догадливомъ управителѣ. — Архіепископъ Даміанъ о „Теософіи". — „Наука — путь къ вѣрѣ". — Дѣятельность „Союза воинствующихъ безбожниковъ". — Миссіонерская переписка: 1. Письмо изъ Индіи; 2. Письмо изъ Русскаго Зарубежья; 3. Поученіе пастырямъ неизвѣстнаго старца. — Елизавета Ивановна и старецъ Антоній Муромскій. — Библіографія.

Цѣна — 3 дин., — 2 фр., — 10 цент.

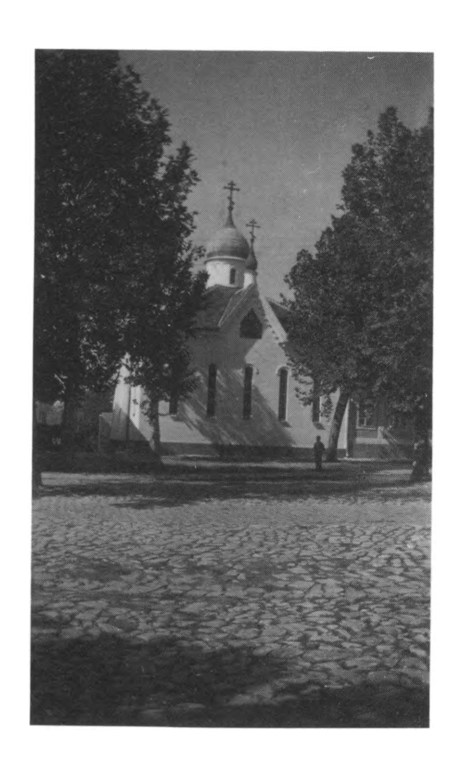

Подписные листы пожертвованій на построеніе храма св. Ап. и Ев. Іоанна Богослова въ Бѣлой Церкви слѣдуетъ направлять по адресу:

Казначею Русской Колоніи.
Ruski Odbor.
BELA CRKVA. Jugoslavia.

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

Построенный Храм св.
ап. Иоанна Богослова в Белой Церкви.

Посещение Белой Церкви 2. окт. 1936 г.

VIII

ОТЪЕЗД В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Конечные документы 1931

После выпуска газеты "Борьба за Церковь", возвратясь из миссионерской поездки пред страстной седмицей, я нашел в Белой Церкви следующее письмо № 231

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ

3/16 марта 1931 г.
Королевство Югославия
Сремски Карловцы

Настоятелю русской
православной общины
в Белой Церкви
о. Иеромонаху Иоанну

Уже неоднократно в зарубежных газетах и в Ваших изданиях Вы рекламируете свою книжно-издательскую организацию как Православно-Миссионерское Русское Зарубежное Подворье.

В своих печатных органах пропагандируете издания УМСА-press, осужденной Собором Архиереев и Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви заграницей, возглавляемых мною.

Православное русское зарубежное миссионерское учреждение могло получить свое существование лишь по благословению и по определению Архиерейского Собора и Синода. Равно как и самое Подворье, как именуете Вы свое учреждение, предполагает существование какого-то центра, подворьем которого и является оно и подворье это могло быть учреждено лишь по определению этого центра с утверждения Высшей Зарубежной Церковной власти.

Между тем актов Архиерейского Собора и Синода об учреждении миссионерского органа и его подворья не было. Равно и не было акта о назначении Вас заведывающим означенных миссионерских учреждений.

С получением сего, предлагаю Вам незамедлительно представить мне *письменное* (а не устное) объяснение: с чьего разрешения и на каком основании именуете свою частную книго-издательскую организацию Православным Русским Зарубежным Миссионерским Подворьем и кто уполномочил Вас заведывать этой отраслью церковной Миссии.

Впредь же предписываю прекратить в своих изданиях и обиходе наименование Вашей организации Православным Миссионерским Русским Зарубежным Подворьем и именовать таковую просто церковным издательством при русской православной церковной общине в Белой Церкви, из пределов коей круг Вашей деятельности, как Настоятеля ее (и только) не может выходить.

На поездки же для чтения лекций вне пределов Вашего прихода Вы должны испрашивать у меня разрешения и благословения.

Рекламирование же УМСА-press священнослужителям, находящимся в юрисдикции Церковной Власти, осудившей таковую, считаю недопустимым.

О чем и даю Вам знать, к исполнению.

Председатель Архиерейского Синода,

Митрополит *Антоний*

НАСТОЯТЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ
ОБЩИНЫ В г. БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ
2 апр./20 марта 1931 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ, ЕГО БЛАЖЕНСТВУ, БЛАЖЕННЕЙШЕМУ АНТОНИЮ, МИТРОПОЛИТУ КИЕВСКОМУ И ГАЛИЦКОМУ.

Ваше Блаженство, Блаженнейший Владыко, во исполнение предписания полученного мною сегодня, незамедлительно отвечаю на запрос Ваш от 3/16 марта, за № 231: "с чьего разрешения и на каком основании именую я свою частную книго-издательскую организацию Православным Русским Зарубежным Миссионерским Подворьем, и кто уполномочил меня заведывать этой отраслью церковной Миссии".

"Миссионерским Подворьем" именую я место своего служения, – с разрешения Вашего Блаженства от 22 декабря 1929 года. Я обращался тогда к Вашему Блаженству с этой просьбой и письмом от означенного числа, разрешение это было Вами мне дано. Могу представить засвидетельствованную копию означенного письма, если Ваше Блаженство сие велит мне сделать.

Моя миссионерская, печатная и устная деятельность протекала открыто пред всеми в течение трех с половиною лет и у меня имеется ряд писем Вашего Блаженства, иногда отечески испытующих меня по поводу непрекращающихся наветов чьих то, но главным образом ободряющих и даже утешающих меня в моем миссионерском, церковно-публицистическом служении.

Это служение естественно началось в первый же год моего пастырства во вверенном мне приходе. Я увидел самую насущную необходимость питания моей паствы благодатным словом Св. Церкви. Будучи нечуждым литературной и издательской работе по моей прежней мирской деятельности, я с большим духовным утешением стал прилагать свой маленький опыт к настоящей моей жизни во Христе. Во-первых, я стал писать по церковно-нравстенным вопросам в некоторых изданиях Зарубежья (более всего в газете "Новое Время"). Далее, я купил небольшой ротатор и стал у себя печатать "Белоцерковские Листки", для своей паствы, памятуя слова Спасителя: "Кто же верный и благоразумный раб, которого Господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого Господин его пришед, найдет поступающим так" (Матф. 24, 45-46). Лишние экземпляры Листка охотно принимались и даже покупались в других приходах и местах Зарубежья. К началу 1928 года была выпущена первая брошюра – выдержки из "Дневника" о. Иоанна Кронштадтского. Успех издания позволил продолжить выпуск брошюр. Типография пошла сразу же навстречу, предоставлением кредита, среди читателей стали находиться не только покупатели, но и жертвователи. Эти последние (благочестивые православные люди, остро осознавшие всю важность печатной борьбы со злом) позволили значительно расширить рамки деятельности, приступить к такому напр. серьезному изданию, как "Моя Первая Священная История", довольно быстро целиком разошедшемуся в количестве 2000 экз. Свою деятельность, расширявшуюся как бы помимо меня, я рассматривал, как служение Слову, данное мне от Господа, чрез Вас, моего епархиального Архиерея. Неоднократное Ваше письменное подтверждение моей правильной православной линии проповеди, Ваше приветствие "братии", работающей в канцелярии П.М.К.-ва на монашеских условиях, – укрепили меня и не позволяли думать, что я творю что то вредное Св. Церкви и неугодное Вам.

Сначала, издания назывались "Издание Библиотеки Прав. Русск. Общ. в Б.Ц.". По мере естественного расширения дела, отнюдь не притязая на прерогативы синодальной или консисторской миссии, а выявляя лишь на пользу всей Церкви мою церковно-публицистическую, священнослужительскую миссию, благословенную Вами, а так же желая создать именно *Церковное,* печатное *Православное* дело, столь насущное сейчас, я стал именовать Книгоиздательство "Православно-Миссионерским", подчеркивая активность именно Православия в Зарубежьи, в ту минуту, когда в народе русском

бушует активность атеизма, а русское зарубежное общество скользит по пути безпокаянности, материализма и горького внутреннего озлобления. Сделал я это *для пользы дела,* не оформляя это, ничем, не желая создавать себе новых ответственных функций. Вы запросили меня в свое время по поводу этого наименования, я изложил Вам, что думал по этому вопросу, и – Вы тогда ничего не возразили мне. Даже гораздо более того: Вы одобрительно отнеслись к проекту миссионерского съезда в Белой Церкви, который был намечен приезжавшим к нам В.М. Скворцовым. Вы санкционировали каждое издание наше, посылаемое прежде всего Вам, а когда о. Василий Бощановский (во время Вашего пребывания в Белой Церкви) высказал Вам мысль о возможности присоединения П.М.К. к функциям Архиерейского Синода, Вы неодобрительно отнеслись к этому проекту, выразив желание, чтобы дело осталось, как было до сих пор, на моих руках и моей ответственности.

Ваша благожелательность к белоцерковскому начинаемому пастырски-миссионерскому делу выражалась и в защите меня и моих безкорыстных сотрудников от недоброжелательства, подозрений и – увы – клевет, которые окружили нас вместе с любовию и братской признательностью многих чад Зарубежного Православия.

Мое непонимание (которое я открывал Вам) целесообразности прещений, наложенных на митрополита Евлогия, Вы истолковывали, как мою неопытность и церковную недозрелость, опять проявляя в этом свою архипастырскую любовь. Наконец, свое оффициальное церковное отношение к моему пастырскому миссионерскому служению Вы проявили в награждении меня набедренником *"за полезную церковно-издательскую деятельность"* (Свидет. за № 828 6/19 июня 1928 года).

По всему я видел, что Вы, отечески сдерживающий меня, в том или другом частном факте (напр. запрещение мне писать в "Пути", "Вестнике Р.С.Х.Д." "Сергиевских Листках" – точно исполненное мною), открыто признаете мое фактическое миссионерское служение и архипастырски следите за моею общезарубежною миссионерскою деятельностью, деятельностью, конечно, не частного лица, но пастыря Св. Церкви.

Вы понимали, что я не мог прикрывать своего служения покровом частного коммерческого предприятия, но открыто шел против врагов Божьих, воюя с ними от имени святой православной Церкви.

Я считаю естественным, что на меня нападали и злословили служение мое и пытались скомпрометировать его в глазах верующих.

Мир легче верит злу, чем добру, и даже некоторые весьма близко к Церкви стоящие люди до сих пор не уверены в чистоте моих намерений служения Пресвятой Троице. Я не осуждаю их, как честно заблуждающихся, но желая снять препятствия к распространению Слова Божия, прошу Ваше Блаженство благословить этих сомневающихся открыть свое лицо и открыто формулировать все пункты обвинений против моего миссионерского служения.

Душа скорбит при виде духовной обстановки беженской массы, – хотя бы в Югославии. За эти годы я посетил и исследовал почти все главные центры русской жизни здесь, и не могу не свидетельствовать открыто об их почти полной церковной покинутости. Белградское Общество попечения о Духовных нуждах русских в Югославии, полезное для юридических дел, увы – не проявляет действительной заботы о духовных нуждах русских людей, живущих по лицу Югославии, в полной, ничем не прикрытой духовной нужде. Не менее шести больших русских колоний могут иметь своего русского священника, и хотят этого не один год, но не знают, как проявить инициативу, и ни откуда нет поддержки их стремлению; и выведенные из своей страны, для покаяния, люди – по несколько лет не исповедуются и не причащаются св. Таин. Видя безотрадное состояние их душ, и желая, хоть немного облегчить его, я с радостию соглашался на приглашения приехать в то или иное место, и хотя имел на поездки свои Ваше благословение, тем не менее чувствовал, что мое желание служить Господу Иисусу Христу в обездоленных духовно ближних моих, служило поводом обвинения меня в какой то человеческой пропаганде и антиправославной деятельности, простиравшегося до самых несерьезных недоумений (напр. письмо пересланное Вами мне, ген. Б., "на какия средства я езжу", и т.д.). Мое стремление найти безкорыстных служителей Церкви среди мирян истолковывалось как желание набора какого то враждебного Церкви общества... Вы мне сами, Ваше Блаженство, об этом писали.

Что вижу, то свидетельствую: молодое поколение духовно гибнет, и нет со стороны нас серьезных попыток подойти к его смятенной, погружающейся в материализм, душе. А время уходит. Семья гибнет, тоже пропитываясь мировоззрением современного атеистического общества на брак и на развод и на убийство детей. Пастырства нет или оно безгласно. Духовный большевизм материализма, и ненавистнических чувств обуревает беженство, люди чувствуют это и тянутся к Церкви... Помощь им, в наших условиях может быть пока дана только в форме миссионерского пастырского

общения, материяльно бескорыстного, преследующего лишь корысть духовную.

На основании вышеизложенного, умоляю Ваше Блаженство не гасить мою малую пастырскую организацию миссионерства, оставить за ней то название которое уже известно во всех странах Русского рассеяния, и лишение ее которого будет равносильно ее смерти. Прошу благословения Вашего, впредь, до появления при Управлении Вашем специального разъездного по Югославии священника, исполнять обязанности такового, а в частности временно взять под свое периодическое окормление находящуюся в трудном состоянии общину Вел. Бечкерека, где есть церковь русская, где есть жаждущие Слова Божьего люди, но нет пастыря. Прошу защиты Вашей и архипастырской помощи.

Рецензий об изданиях ИМКА-ПРЕСС обязуюсь больше не писать, согласно желанию Вашему, но обращал я внимание читателя не на издательство, в рецензиях о книгах "Откровен. Рассказы Странника" и Н. Арсеньева, но на самые эти книги, глубоко православные и чрезвычайно нужные в настоящее время (причем одна книга является даже перепечаткой со старого монастырского издания). Я писал рецензии с мыслию безпристрастия к книге, а не с целью оказать непослушание Архиерейскому Синоду. И если бранить инославное Книгоиздательство за издание православных книг, то что надо сказать православным издательствам и обществам за их преступное пренебрежение к изданию сокровищ своей Церкви? Прошу простить меня, если в чем нарушил прерогативы своего пастырского служения.

Настоятель Белоцерковской Русской Приходской Общины

Иеромонах Иоанн

Телеграмма

IEROMONAH IOANN, BELACRKVA JUGOSLAVIA

Vous reçois avec amour en Christ, donne pleine bénédiction. Lettres suivent. Metropolit Evlogios

9.V.31 Очень теплых два письма получил от митрополита Евлогия после его телеграммы о принятии меня в клир его епархии.

Сообщение матери в Бельгию

Белая Церковь
Пасха 1931 г.

Христос Воскресе!

Если даст Господь, недели через 3-4 переезжаю на Сергиево Подворье, в Париж. Ушел из юрисдикции митр. Антония, по причинам, которые опубликовываю.* Митр. Евлогий благословил перенести на С.П. миссионерское дело. (Ожидаю, пока, всяческих нападок. Но тут дело борьбы за Православие в его *жизненном* понимании, здесь дело послушания Слову Божию).

Пасхальный привет всем.

Иеромон. *Иоанн.*

---

* Почему я ушел из Юрисдикции Митрополита Антония. Брошюра 1931 г.

Последнее письмо Митрополиту Антонию

10 июня, 1931 г.

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа

Ваше Блаженство, Блаженнейший Владыко,

прочитав Послание Собора Архиереев, напечатанное в "Царском Вестнике" 9-го сего июня, исполнилось сердце утешения от миролюбия его, и явилась надежда на восстановление Зарубежного Церковного мира – путями, их же Господь Един ведает. Самое драгоценное – атмосфера миролюбия сказалась на Соборе и вылилась в форме сего Послания. Да дарует Господь, чтобы это начало послужило первому умиротворению страстей и дружному церковному деланию на ниве Господней, столь жаждущей делателей своих в наше страшное время борьбы за святую Православную Церковь – против мирового безбожия.

Ваше Блаженство, прошу Вас великодушно простить меня за резкий, оскорбительный для Вас тон моей брошюры и моего последнего письма к Вам, напечатанного в этой брошюре; желая сыновне излить Вам все переживания, накопившиеся в моем сердце, я мог бы сделать это в иных формах.

Свидетельствую Вам, Владыко, что ни во время писания брошюры, ни после – до сей минуты – у меня не было недостойных чувств к Вам, но наоборот, как я свидетельствовал и посторонним в моей душе еще теплее шла молитва о Вас. И уповаю не прекратится до смерти.

Мне казалось, временами, что Вы меня понимаете, что Вы не хотите от меня неискренности, что Вы верите мне. Открывая Вам свою душу, я не могу не сказать, что резкая критика действий членов Синода и Вашего управления здешними церквами исходила из *глубокой боли за то служение, которое я почитаю выше царского* на земле, и ангельского на небе – служение епископское, которое Вам трудно нести из за болезней Ваших, в обстановке внешней и внутренней трудности. Должен ли я это говорить? Но, ведь если это правда, ее надо сказать кому-нибудь. Были минуты, когда я чуть ни плакал от сознания, что я Вам принесу боль своей правдой. Но это были минуты малодушия. Я понимал, что около таких высоких служений, как Ваше, должны быть не только льстящие, но и говорящие правду. А дело служения нашего принадлежит не нам, но Единому Пастыреначальнику нашему Господу Иисусу

Христу. Дело же восстановления православного русского духа не может не пойти от общего стремления к правде пред очами Господними.

Всякая же резкость шла от моего грешного самолюбивого сердца.

Конечно, я понимаю, что после всего совершившегося, я уже не могу оставаться в Вашей юрисдикции. Если Вы простите меня, прошу Вас дать мне канонический отпуск. Не испрашивал я его, будучи принятым в юрисдикцию, состоящую в невыясненных отношениях с Вашей.

По тем же причинам я не дерзал продолжать исполнять свои настоятельские функции.

Вопрос сумм, собранных на построение храма, уповаю, разрешится благополучно, как только будет назначен настоятель, ибо он, конечно, должен будет стать председателем комиссии и лицом, долженствующим быть записанным выемщиком в банковскую книжку. Колония составляет почти целиком Приход, и полагаю, что недоразумений здесь не будет. Я готов сделать все, что от меня теперь морально будет зависеть, но позволяю себе высказать твердое убеждение, что настоятель будет иметь надлежащее ему место в комиссии храма.

Последнюю свою брошюру: "Почему я ушел"... обязуюсь изъять из продажи и впредь всячески способствовать церковному миру, на путь призыва к которому встал только что закончившийся Собор.*

Недостойный молитв Вашего Блаженства

Иеромонах Иоанн.

* Примечание: Чрез несколько лет, как настоятель храма Св. кн. Владимира в Берлине, я принял в 1935 году участие в устройстве встречи в Югославии митрополита Антония и митрополита Евлогия. И – стал первым клириком митр. Евлогия, служившим в белградской русской церкви.

Ожидая своего отъезда во Францию к принявшему меня митрополиту Евлогию, я уединился на горе под городом Вршец. Одна русская семья предоставила мне там свой домик в винограднике и пищу мне приносилаи. Из этого своего уединения на Вршецкой горе я написал митроп. Антонию это последнее письмо и поехал проститься с ним. Среди открывшегося нашего церковного разномыслия, правда Божия была в благословенном завершении наших личных отношений. Все трудности окончились благословенно, как нельзя было, по началу, и помыслить.

Помню этот ясный летний день. Со станции Сремских Карловцев я прошел в тенистый сад этого городка и, встав среди заросших кустов, прочел акафист Иисусу Сладчайшему, прося Господа благословить мою встречу с митрополитом Антонием.

После этого, я пошел в Патриарший дворец. У митрополита Антония была там своя квартира; я иногда останавливался там, ночуя на диване. Удача была в том, что митр. Антоний оказался один. Никого из обычно окружавших его, ревниво опекавших его старость, не было; ни его келейника архим. Феодосия, ни других (тогда еще светских) его учеников "легитимистов", "кирилловцев".

Никогда у меня не было такой простой, хорошей встречи с митр. Антонием. Многих слов не понадобилось. Мы помолились, он прочел надо мной разрешительную от запрещения молитву, своей рукой написал мне канонический отпуск; подойдя к стене, он снял с нее свои золотые четки и, обняв меня, дал их мне. Они до сих пор со мной, как символ Христовой любви, охватившей тогда нас обоих.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма митрополита Евлогия к матери.

9/22 апр. 1931 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Княгиня,
Анна Леонидовна,

Воистину воскресе Христос. Сердечно благодарю Вас за добрый пасхальный привет и взаимно приветствую Вас и все семейство Ваше и шлю свои лучшие молитвенные пожелания. Я с радостью приму под свое покровительство милого о. Иоанна, которого я очень люблю. Об этом я уже уведомил его, и теперь все дело за визами и прочими формальностями. Надеюсь, что это вскоре уладится, и он снова водворится на Сергиевском Подворьи, и под молитвенным покровом преп. Сергия будет продолжать свое издательское и вообще миссионерское дело. Здесь он был пострижен в монашество, здесь же надлежит ему и работать. Только пусть не слушает Еп. Вениамина, который вечно шатается, как трость, ветром колеблемая.

Сегодня были у меня Ваши – дочь и зять Набоковы и мы подробно обсудили с ними вопрос о переселении о. Иоанна в Париж.

Да хранит и благословит Вас Господь.

Искренно преданный Вам
митрополит Евлогий.

7/20 июня 1931 г.

Мне о. Иоанн нужен здесь во Франции и я буду беречь его, как зеницу ока, с любовью направляя его *чисто* церковную работу. Вы знаете, что я очень не люблю вмешивать в Церковь политику. Жду не дождусь приезда о. Иоанна. Совершенно не понимаю, для чего тормозят для него визу.

Я завтра еду в один приход и по возвращении поеду сам выяснять и проталкивать это дело. Боюсь, что виза искусственно задерживается из Сербии, но все же постараюсь добиться своей цели в возможной скорости.

Митрополит Евлогий

Матери в Бельгию

23 июля, 1931 г.
Париж

Слава Господу, прибыл благополучно в день преп. Сергия Радонежского. Повидимому, останусь при Подворьи и, может быть, буду обслуживать церковь походную (автомобиль), организуемую Братством преп. Сергия. Православно-Миссионерское Книгоиздательство целиком влилось в братство и все теперь будет итти от Братства Летом, возможно, буду обслуживать Церковь в Аньере.

Итак, все – Слава Господу.

Господь да благословит тебя и всех.
и. И.

Для организуемой Церкви-автомобиля нужны будут разные вещи и, конечно, облачение. Если оно готово, препроводи, пожалуйста. Не знаю, в чем бы еще ты смогла помочь этой Церкви.

Епархиальное Управление
Православных
Русских Церквей в
Западной Европе

№ 1728
Париж
12 августа 1931

Копия Иеромонаху Иоанну
(кн. Шаховскому)

Наместнику Сергиевского
Подворья в Париже Архимандриту
Иоанну*

Епархиальный Совет заслушав в заседании своем от 27 июля 1931 года резолюцию Его Высокопреосвященства от 24 июля с.г. на прошении Сергиевского Братства при Богословском Институте в Париже о разрешении открыть работу походной церкви на автомобиле, для обслуживания русских колоний, удаленных от постоянных храмов: "11-24 июля 1931 года. Бог благословит доброе начинание. Иеромонах Иоанн назначается священником при Сергиевском Братстве, с назначением ему содержания из епархиальных средств в размере 300 франков в месяц." постановил:
1. – Выдать Братству Св. Антиминс и Метрические книги. Сосудами оно может пользоваться временно из Сергиевского Подворья и теми, которые даны были Священнику И. Максименко, впредь до устроени регулярных богослужений в Пти-Кламарском храме.
2. – Содержание Иеромонаху Иоанну определить с 1 августа с.г. до конца сметного текущего года, отнеся его по статье постоянных пособий причтам.
3. – Богослужения и требы в пределах приходов, причт походной церкви должен совершать с предварительного ведома и согласия местного настоятеля.
4. – Предположения о предстоящих поездках и отчет по совершенным поездкам представлять в Епархиальное Управление, равно как и установленную для прочих храмов отчетность.

Председатель Епархиального Совета
Протопресвитер (подпись)

Секретарь Аметистов

Аньер

Кроме походной церкви-автомобиля, митрополит Евлогий поручил мне, осенью 1931 года, основать Приход в пригороде Парижа, Аньере. Такие небольшие приходы всюду возникали тогда во Франци, и митр. Евлогий всячески способствовал этому. Русские люди имели жажду духовную. Первую всенощную этого нового православного русского Прихода я служил в Зале Казачьего Музея. Донской атаман тех дней, ген. Мих. Ник. Граббе и Старшая сестра Сестричества на Рю Дарю, Неклюдова, помогли этому устройству нового Прихода. В те дни происходило разрушение Храма Христа Спасителя в Москве, и мы новый бедный храм свой назвали *храмом Христа Спасителя*. Вскоре было найдено и постоянное помещение для него: 7 bis, rue du Bois.

Назначенный в феврале 1932 года в Берлин, я передал настоятельство в этом Приходе окончившему Сергиеву Академию иеромонаху Мефодию (Кульман), впоследствии епископу и духовному другу моему. Свое благоговейное пастырское служение он совершал там до кончины своей. Он поднял этот Аньерский Приход на значительную духовную и материальную высоту. Дом, где мы тогда начали службы, был куплен, и при Приходе образовался ряд динамичных церковных организаций: Дом Отдыха в Розэй ан Бри, ежегодное паломничество православных всей Епархии в Святую Землю, журнал святоотеческий "Вечное" и другие.

В ночь, накануне Успения, после первой своей службы в Казачьем Музее в Аньере, 27/14 августа 1931 года, я видел в тонком сне на Сергиевом Подворьи, где жил, – за некой городской стеной площадь, и на ней храм, *без одной стены*. Эта открытая сторона *Храма выходила в мир*. Люди шли туда и одобряли, и хлопотали над устройством этой церкви; *она выходила из трех своих стен и распространялась на большую поляну*. Это и осуществилось в Храме Христа Спасителя и приходе, ставшем миссионерским.

Разъяснение князя Романа Петровича*

В своей первой книге воспоминаний: "Биография Юности" я нашел одну ошибку в передаче рассказа, в середине 20-х годов, настоятеля Брюссельского храма о. Петра Извольского, бывшего оберпрокурора Святейшего Синода Русской Церкви.

Как мой духовный отец, в 20-е годы, он мне рассказывал интересные для меня факты взаимоотношений, пред революцией, царской власти и церкви.

В передаче одного такого рассказа, более чем полувековой давности, я допустил (стр. 94) неточность, смешав матримониальные факты великих князей, братьев Петра Николаевича и Николая Николаевича. Я отнес к одному то, что следовало отнести к другому.

Желая установить в точности эти события, я обратился к здравствовавшему тогда в Риме князю Роману Петровичу, ныне покойному. Князь Роман, сын вел. Князя Петра Николаевича, мне любезно и очень четко ответил, вполне исчерпав вопрос. Мой долг – сказать это читателям.

Я думаю, людям, изучающим русскую историю, особенно тот ее отрезок, до которого (до подлинного освещения которого) еще не успела дойти историческая наука, будет интересно это свидетельство одного из членов Дома Романовых, кстати сказать, возглавлявшего ту часть его – которая не признала провозглашения вел. Кн. Кириллом Владимировичем себя императором, вследствие чего, eo ipso, и велико-княжества сына его, князя Владимира Кирилловича. В письме Кн. Романа Петровича можно увидеть даже указание на одно из оснований такого решения части Семьи Романовых, к которой принадлежали и обе сестры Государя Великие Княгини Ксения и Ольга Александровны, дочери Императора Александра III.

Публикую текст этого письма, имеющий и исторический интерес.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский

---

* Уточнение данных страницы 94-й книги "Биография Юности".

Ваше Высокопреосвященство,

Благодарю Вас за любезное письмо. Согласно Вашему желанию, я сообщаю Вам сведения, благодаря которым Вы сможете восстановить истину в рассказе о моем Отце вел. князе Петре Николаевиче.

Случай о непризнании брака не относится к моему отцу, который – в качестве члена Императорского Дома, должен был испросить разрешение царствующего Императора. Император Александр III дал моему отцу разрешение вступить в брак с княжной Милицей Николаевной Черногорской, дочерью короля Николая. Мои родители венчались в 1889 году в церкви Большого Дворца в Петергофе, в присутствии всех членов Императорской Фамилии.

Вероятно, упоминаемый в рассказе случай мог относиться к браку моего дяди вел. князя Николая Николаевича. Намереваясь жениться на сестре моей матери Анастасии Николаевне, которая была тогда разведена с герцогом Лейхтенбергским, – вел. кн. Николай Николаевич обратился за разрешением к Государю Николаю II, который пожелал сперва знать мнение Святейшего Синода, ввиду того, что нареченная невеста была в разводе. Члены Синода вынесли отрицательное мнение; тем не менее, – дело уладилось и Великий Князь получил необходимое разрешение Государя Императора; он венчался в 1907 году в церкви Ливадийского дворца около Ялты. На этой свадьбе я присутствовал в роли “мальчика с образом”.

Другие последствия имели браки членов Императорского Дома с разведенными. В 1902 году вел. кн. Павел Александрович женился в Ливорно на разведенной жене г-на Пистолькорс, – не дождавшись разрешения Государя; за такой проступок ему было воспрещено возвращение в Россию.

Аналогичный результат имел брак вел. кн. Кирилла Владимировича, который, не получив согласия Государя, женился в 1902 году на разведенной жене вел. герцога Гессенского; они венчались в Германии, в Тегернзее.

Только спустя несколько лет этим Великим Князьям разрешено было вернуться в Россию с восстановлением всех своих прав.

Другой случай остракизма относится к вел. кн. Михаилу Михайловичу. Он женился в 1891 году, в Сан-Ремо, на лютеранке – дочери принца Николая Нассауского и дочери поэта Пушкина, – не дождавшись разрешения имп. Александра III. С тех пор Михаил Михайлович проживал за границей и скончался в 1929 году в Лондоне – где он и погребен.

Возможно, что в упоминаемом рассказе о браке моего отца, который не соответсвует истине, – имя моего Отца было спутано с именем его брата Николая Николаевича, и – кроме того, оно было связано, по ошибке, – с судьбою Михаила Михайловича.

Причиной такой ошибки мог стать факт, что гробница моего Отца находится в усыпальнице храма Архангела Михаила в городе Канн.

В прошлом году, летом, я видел на Ривьере мою сестру Марину; я нашел, что она имела лучший вид. Она по-прежнему не хочет покидать своей "Бастиды", с которой ее связывает столько воспоминаний. К счастью, она имеет поблизости друзей – французов и Звегинцова в Тулоне, с которыми я могу быть всегда в контакте по телефону.

На днях я получил письмо от моего тр. брата Василия Александровича, которому я сегодня отвечаю.

Прося Вашего благословения и молитв, шлю Вам, Владыко, мой искренний привет.

Роман

10 февр. 1978 г. Рим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

I Белая Церко 5

II Записи голоса чистого 43

III Первые слова в храме 67

IV Первые газетные статьи 93

V Письма в Брюссель. 1927-1931 137

VI В журнале Бардяева 165

VII "Борьба за Церковь" 213

VIII Отъезд в Западную Европу 243

СОБРАНИЕ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ

Архиепископа Иоанна Шаховского

Том I — ЛИСТЬЯ ДРЕВА (опыт православного духоведения), Нью-Йорк. 1964.

II — КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ, Нью-Йорк. 1965.

III — МОСКОВСКИЙ РАЗГОВОР О БЕССМЕРТИИ, Нью-Йорк. 1972.

IV — К ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (Революция Толстого), Нью-Йорк. 1975.

V — БИОГРАФИЯ ЮНОСТИ, Париж. 1977.

VI — «ПЕРЕПИСКА С КЛЕНОВСКИМ», Париж. 1981.

VII — «ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ» (II-й том автобиографии), Париж, 1982.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ

Office:
Archbishop John Shakovskoy
27 East Arrellaga Str.
Santa Barbara. Cal. 93101. USA

Dr A. Selawry
7 Stuttgart 70 (Sonnenberg)
Degerlocher Strasse, 9
Germany

Irene Chramko
1401 Monroe Street
Santa Rosa. Cal. 95404. USA

"Les Editeurs Réunis"
11, Rue de la Montagne
Ste-Geneviève
Paris (5), France

Типография Rosseels Printing - Louvain

